

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2023

№ 33

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой сте-
пени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»**

И.А. Айзикова (Томск) – главный редактор

А.В. Галькова (Томск) – отв. секретарь

С.В. Березкина (Санкт-Петербург)

Т.А. Гридина (Екатеринбург)

Н.П. Дворцова (Тюмень)

Ю.М. Ершов (Томск)

Н.В. Жиякова (Томск)

И.В. Лизунова (Новосибирск)

В.В. Мароши (Новосибирск)

И.В. Тубалова (Томск)

К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

О.Г. Щитова (Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Есипова В.А., Балаганова Д.Ю.</i> Житие Сергия Радонежского в старообрядческой рукописной традиции: кодикологические наблюдения над сборником В-5678	5
<i>Сапченко Л.А.</i> Алексей Александрович Ширинский-Шихматов – автор книги «Завещание моим крестьянам, или нравственное им наставление»	30
<i>Потапова К.А.</i> Визуальная метафора как средство создания образа врага в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»	44

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Подоскорский Н.Н.</i> «История» Ф.К. Шлоссера в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»	65
<i>Скорыходов М.В.</i> Дунинская библиотека М.М. Пришвина: к вопросу о круге чтения и «вечных спутниках» писателя	78
<i>Айзикова И.А., Гориницева В.Н.</i> Поликодовые тексты в вузовском учебном чтении: методология исследования востребованности и эффективности использования. Статья первая	91

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Головкин В.М.</i> И.С. Тургенев на завершающем этапе работы над образом Базарова (на материале авторедактирования белого автографа романа «Отцы и дети»)	115
<i>Лагутина И.Н.</i> Между поэтикой и идеологией: комментарии А.Г. Габричевского к Юбилейному собранию сочинений Гёте (1932–1949)	137
<i>Бороноева Т.А., Имхелова С.С.</i> Единство слова и живописи в книгах, написанных и изданных художниками Бурятии	158

РЕЦЕНЗИИ

<i>Павлова И.Б.</i> Рецензия на коллективную монографию «Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX в.: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский»	172
Правила оформления статей	182

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Esipova V.A., Balaganova D.Iu.</i> The Life of Sergius of Radonezh in the Old Believer manuscript tradition: Codicological observations on the B-5678 collection	5
<i>Sapchenko L.A.</i> Alexey Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov as the author of the book <i>Testament to My Peasants or Moral Instruction to Them</i>	30
<i>Potashova K.A.</i> Visual metaphor as a means of creating the image of the enemy in the <i>Collected Verses Related to the Unforgettable 1812</i>	44

BOOK AND READING IN CULTURE

<i>Podosokorsky N.N.</i> A History by Friedrich Christoph Schlosser in <i>The Idiot</i> by Fyodor Dostoevsky	65
<i>Skorokhodov M.V.</i> Mikhail Prishvin's Dunino library: On the writer's reading preferences and "eternal companions"	78
<i>Aizikova I.A., Gorenintseva V.N.</i> Polycode texts in university educational reading: Methodology for demand and effectiveness analysis (Article I)	91

BOOK PUBLISHING

<i>Golovko V.M.</i> Ivan Turgenev at the final stage of work on the image of Bazarov (on the material of the self-editing of the final autograph of the novel <i>Fathers and Sons</i>)	115
<i>Lagutina I.N.</i> Between poetics and ideology: Commentaries by Aleksandr Gabrichevsky on the anniversary edition of Goethe's works (1932–1949)	137
<i>Boronoeva T.A., Imikhelova S.S.</i> Unity of words and painting in books written and published by artists of Buryatia	158

REVIEWS

<i>Pavlova I.B.</i> Book review: <i>The Phenomenon of the Russian Epic Novel of the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky</i>	172
Rules for Article Submission	182

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 821.161.1 :271.2
doi: 10.17223/23062061/33/1

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ: КОДИКОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СБОРНИКОМ В-5678

Валерия Анатольевна Есипова¹, Дарья Юрьевна Балаганова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*
¹ *esipova_val@mail.ru*, ² *darya_drozhzhina@lib.tsu.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос о бытовании древнерусских текстов в старообрядческой среде на примере Жития Сергия Радонежского. Исследуется сборник В-5678 из собрания отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Сборник датирован 30-ми гг. XIX в. и содержит, наряду с другими текстами, также Житие Сергия Радонежского. Доказано, что рассматриваемый текст относится к редакции Симона Азарыина, но содержит всего 19 глав вместо 88. Выявлены многочисленные лакуны и утраты и установлено, что протографом исследуемой рукописи являлся список с издания 1646 г. Показано, что появление издания текста Жития Сергия Радонежского не означало прекращение его бытования в рукописной старообрядческой традиции. Реконструированы некоторые практики работы старообрядческого писца первой половины XIX в.

Ключевые слова: текстология, кодикология, палеография, старообрядчество, Житие Сергия Радонежского

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

Для цитирования: Есипова В.А., Балаганова Д.Ю. Житие Сергия Радонежского в старообрядческой рукописной традиции: кодикологические наблюдения над сборником В-5678 // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 5–29. doi: 10.17223/23062061/33/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

THE LIFE OF SERGIUS OF RADONEZH IN THE OLD BELIEVER MANUSCRIPT TRADITION: CODICOLOGICAL OBSERVATIONS ON THE B-5678 COLLECTION

Valeriya A. Esipova¹, Daria Iu. Balaganova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
¹ *esipova_val@mail.ru*, ² *darya_drozhzhina@lib.tsu.ru*

Abstract. The aim of the article is to consider the problem of the existence of Old Russian texts in the Old Believer environment on the example of the text of the Life of Sergius of Radonezh. An attempt was made to find out whether Old Russian texts continued to exist in the manuscript environment after the text was published. The authors list a number of works that consider the problem of the correlation between handwritten and printed books, which is far from being completely solved, and also indicate the most significant works on the study of the Life of Sergius of Radonezh. The source for the research was the B-5678 collection from the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Tomsk State University Research Library. The collection is dated to the 1830s and contains, among other things, the text of the Life of Sergius. The collection came to the Tomsk State University Research Library from Tomsk Theological Seminary. Judging by the owners' record, the book belonged to the inhabitants of the village Kulikovka, Ust-Tartas volost; it was a place of traditional residence of Old Believers of various groups. The study used the methods of textology and codicology. To determine the version of the Life of Sergius as a part of the collection under consideration, a comparison was carried out with the text published in 1646 in the edition of Simon Azaryin. It was found that the manuscript under study refers specifically to this edition, but contains only 19 chapters instead of 88. It was also found that the chapters were not rewritten in the order in which they appeared in the edition; one of the reasons was that the notebooks of the block were mixed up during their binding. When checking the texts of the edition and the manuscript, numerous lacunae and text losses were revealed, although the collection as a whole is in good condition. In addition to fragments of chapters that break off long before the end of the text, there are also two chapters, where significant deletions were found at the middle. Here chapters 7 and 53 especially attract attention: they have such losses, and they are repeated and significant in volume. Thus, for the study, the manuscript was chosen that is quite traditional in content, but original in construction. From the records it can be seen that the same person copied and ordered the copying of texts for the collection. The appearance of the word "Amen" at the end

of some obviously unfinished chapters, which is absent in the 1646 edition, is also important. Perhaps, in this way the scribe emphasized that the text was missing further, despite its obvious incompleteness. As a result of comparing the texts of the edition and the manuscript, it was found that the 1646 edition could not be the protograph of the manuscript under study. Probably, the prothograph was a defective copy from the edition, in which the sheets were also mixed up. The research has established that the appearance of the publication of the text of the Life of Sergius of Radonezh did not mean the end of its existence in the handwritten Old Believer tradition. Also, some practices of the work of the Old Believer scribe, who worked in the first half of the 19th century, were reconstructed.

Keywords: textology, codicology, paleography, Old Believers, Life of Sergius of Radonezh

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

For citation: Esipova, V.A. & Balaganova, D.Iu. (2023) The Life of Sergius of Radonezh in the Old Believer manuscript tradition: Codicological observations on the B-5678 collection. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 33. pp. 5–29. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/1

Постановка проблемы

Древнерусская книжность являлась и является одной из основ старообрядческого мировоззрения. Однако до сих пор слабо разработан вопрос о том, как именно старообрядцы, особенно в поздний период, в конце XIX – начале XX в., обращались к этой традиции. До настоящего времени не вполне понятно, что именно из текстов выбиралось, переписывалось и сохранялось, таким образом, в живом книжном обиходе, а также какие для этого использовались источники, как с ними работали старообрядческие переписчики.

Известно, что часть текстов древнерусской традиции дошла до указанного периода не только в рукописной традиции, но и была издана. Часть из них увидела свет в Московском печатном дворе, часть – в старообрядческих типографиях XVIII – начала XIX в. Однако это не означает, что изданные тексты уже не возвращались в рукописную традицию и бытовали исключительно как печатные.

Также вызывает интерес вопрос о том, какие именно тексты обращались в поздней рукописной старообрядческой традиции. Очевидно, что не все древнерусское наследие нашло свое отражение в поздней старообрядческой письменности. Некоторые подходы к ответам на эти вопросы рассмотрены в настоящей статье, в качестве примера для рассмотрения

был выбран один из наиболее популярных текстов – Житие Сергия Радонежского.

История вопроса

История сформулированного выше круга вопросов имеет как минимум два аспекта. Один из них – вопрос о соотношении печатной и рукописной книги. Второй касается непосредственно текста, избранного в качестве предмета изучения.

Исследование проблемы соотношения рукописной и печатной книги имеет обширную историографию. Одним из знаковых изданий в отечественной литературе, где впервые был комплексно поставлен этот вопрос, является сборник, вышедший в 1975 г., так и называвшийся – «Рукописная и печатная книга» [1]. Следует также упомянуть работы Н.Н. Розова, в основном посвященные проблеме «взаимоотношения» рукописной и печатной книги в ранний период возникновения последней [2. С. 18–22]. Этому вопросу много внимания уделили и другие исследователи, при этом особенно детально рассматривался вопрос оформления печатной книги и появления так называемого старопечатного орнамента в книге рукописной [3]. Однако в целом проблему соотношения рукописной и печатной книги нельзя считать досконально изученной.

Несколько слов необходимо сказать и об истории изучения текста, который находится в центре внимания настоящей статьи. Это один из известнейших и, пожалуй, наиболее изучаемых памятников отечественной агиографии – Житие Сергия Радонежского. Его исследованием ученые занимались уже несколько столетий, существует ряд изданий текста, начиная от работы архим. Леонида [4] до последнего издания А.В. Духаниной [5]. Отдельно следует назвать работу Б.М. Клосса, которая вызвала в свое время широкую дискуссию [6]. Имеются не только обзоры историографии по этой теме, например работа Е.Ю. Липилиной [7], можно привести и примеры диссертационных работ [8]. В рамках небольшой статьи невозможно дать обзор всей обширной историографии, посвященной этому памятнику; однако такая работа уже выполнена, поскольку существуют обзоры, составленные Б.М. Клоссом [6. С. 7–17] и А.В. Духаниной [5. С. 15–23].

Краткая история текста Жития Сергия Радонежского

Ключевым вопросом в изучении Жития Сергия Радонежского как литературного памятника является определение редакции списка.

К наиболее распространенным и популярным редакциям относятся тексты авторства Епифания Премудрого, Пахомия Серба, Симона Азарьина, а также Пространная редакция и текст, вошедший в Великие Минеи-Четьи (ВМЧ).

Первоначальным автором Жития Сергия Радонежского считается его ученик Епифаний Премудрый. Житие было написано в 1417–1418 гг., но ни один оригинал списка не сохранился. Текст в виде фрагментов был рассредоточен в последующие, более поздние, чаще всего «сборные» редакции. Например, епифаниевский текст получил распространение в составе Пространной редакции, созданной не ранее начала XVI в.

Известно, что оригинальный текст, написанный Епифанием, во второй половине XV в. был дополнен и переработан Пахомием Сербом, в результате чего появился ряд его редакций. Например, В. Яблонский приводит шесть известных редакций, указывая их особенности и расхождения. В редакциях разнятся количество и порядок статей, наименования глав, содержания отдельных текстов. Автор исследования отмечает, что при имеющихся разночтениях все тексты объединяет единство плана, общность содержания, стилистическая близость и повторяемость некоторых фактов. Именно это позволяет считать верным предположение о принадлежности всех текстов одному автору [9. С. 37–66].

С начала XVI в. Житие Сергия Радонежского включают в летописные и книжные своды. Например, Великие Минеи-Четьи митрополита Макария содержат Житие и «Похвальное слово Сергию» под 25 сентября, день памяти святого. В состав Жития вошел 41 текст, включая предисловие и начало. В «Подробном оглавлении ВМЧ» присутствует указание: «Сокращено из жизнеописания Епифаниева, помещенного в другом Синодальном списке Макарьевских четьих миней № 174. Л. 1112 и потом добавлено Пахомием Сербом, как сам он пишет в конце» [10. Стб. 53. Л. 675].

Среди редакций XVII в. особое место занимает труд келаря Троице-Сергиева монастыря Симона Азарьина, созданный в 1640-е гг. Данная редакция представляет собой переработку текстов Епифания Премудрого и Пахомия Серба, а также включает новые посмертные чудеса Сергия XV–XVII вв.

Житие Сергия Радонежского в сокращенной редакции Симона Азарьина было издано по распоряжению Алексея Михайловича в Москве в 1646 г. [11]. Данный текст является наиболее объемным и включает 88 глав. Впоследствии в таком составе Житие Сергия Радонежского вышло в старообрядческой типографии Д. Рукавишникова и Я. Железникова в Клинцах в 1786 г. [12].

Характеристика источника

В составе рукописного фонда отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ хранится множество старообрядческих сборников смешанного состава. Особый интерес представляют поздние сборники, включающие древнерусские тексты. Одной из таких рукописей является «Сборник старообрядческий житий и наставлений», созданный в 1820–1830-е гг. и включающий, в числе прочего, и Житие Сергия Радонежского [13].

Рукопись имеет бумагу нескольких разных производителей с филигранями: «МФФ герб Вятской губернии (в квадрате) ГММ 1838», литеры «ТФ/ГП» 1827–1828 гг., «Ф герб Вятской губернии (в овале) Р 1837, 1838», «Герб Пермской губернии» на голубой бумаге. Также используется бумага XIX в. без маркировочных знаков [14. С. 276].

Текст сборника выполнен тремя разными почерками. Список интересующего нас Жития Сергия Радонежского создан одним писцом. Текст выполнен черным цветом, заголовки и буквы оформлены красными чернилами (рис. 1).

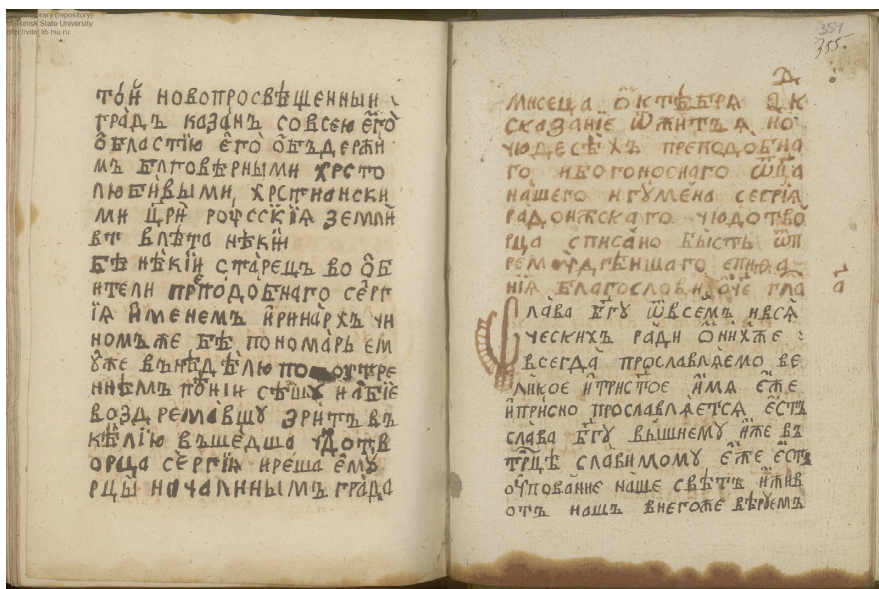

Рис. 1. Начало текста Жития Сергия Радонежского. Л. 353 об.–354. ОРКП НБ ТГУ. В-5678

Книга имеет кожаный переплет с геометрическим рисунком, выпарпанным ножом, на обеих крышках (рис. 2), а также две медные застежки кустарного производства (рис. 3). Заметим, что в переплете, хотя и явно кустарного производства, но весьма крепком, видимых утрат или выпадения листов не наблюдается, а блок качественно сшит и проклеен. Кроме того, в книге сохранилась запись о стоимости переплета: «Шесть тетрапей за писмо по тритцати капеек тетрадь, рубль восемь гривен. Да за переплет рубль, всего два рубля восемь гривен» (рис. 4) [14. С. 277].

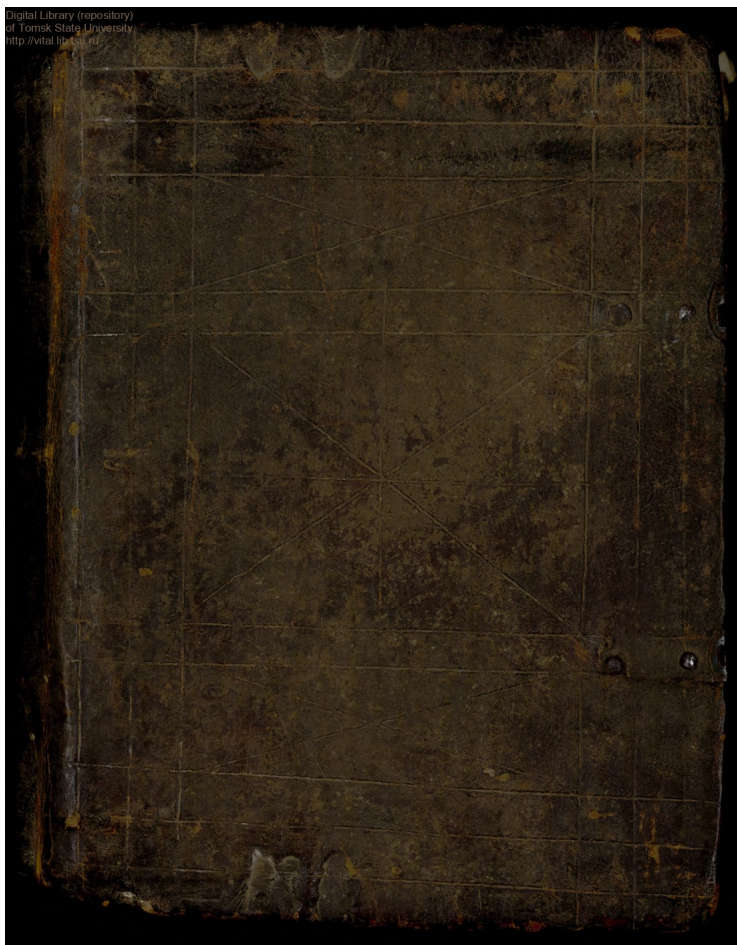

Рис. 2. Переплет. ОРКП НБ ТГУ. В-5678

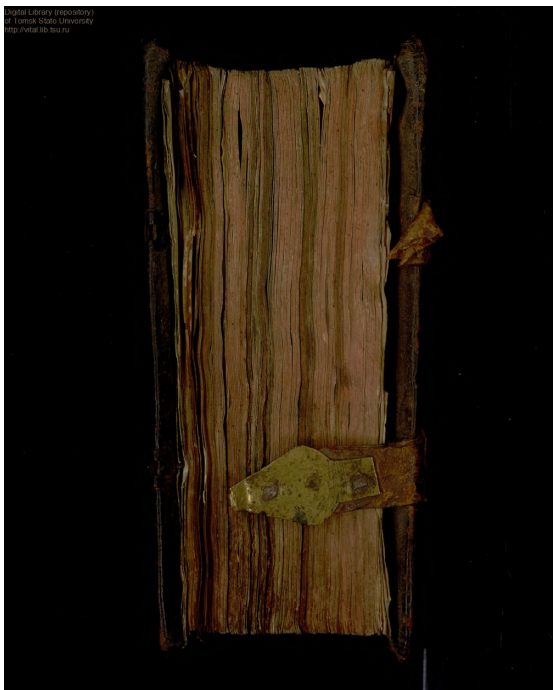

Рис. 3. Обрез и застежка. ОРКП НБ ТГУ. В-5678

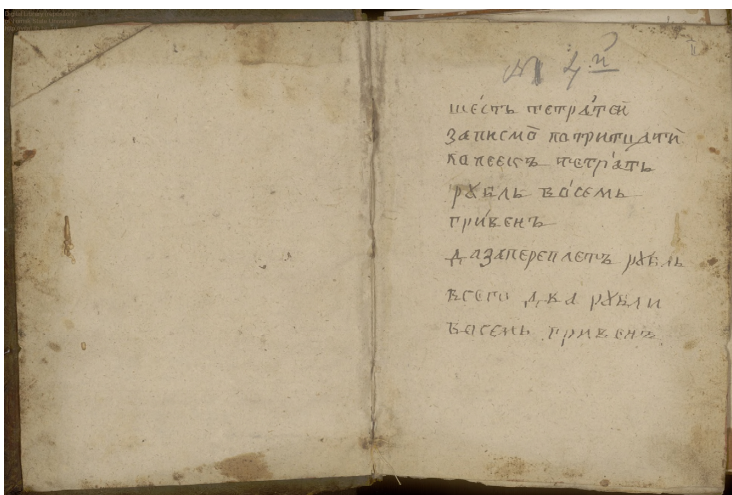

Рис. 4. Писцовая запись. Форзац. ОРКП НБ ТГУ. В-5678

В книге действительно имеется несколько вшитых тетрадей (почерк № 2 и № 3, лл. 131–154 об., 176–223 об. соответственно), объем их относительно невелик. Почерком № 2 переписаны несколько слов Иоанна Златоуста, почерком № 3 – излюбленное старообрядцами слово Кирилла Александрийского о Втором пришествии Христове и «Повесть о священнодиаконе Феодоре, и священнопротопопе Аввакуме, и священноиереи Лазаре, и преподобнем Епифании». Тексты, переписанные основным почерком № 1, более многочисленны; сборник открывается фрагментами «Хождения игумена Даниила», далее следует целый ряд поучительных и житийных текстов. Среди них «Слово Палладия мниха о втором пришествии и страшном суде», выписки из «Цветника» священноинока Дорофея, Видение Григория, ряд выписок из Златоуста и Апокалипсиса, несколько житий. В целом репертуар текстов является традиционным для круга чтения старообрядцев, а композиция сборника соответствует известной концепции «библиотеки в одном переплете».

В фонд Научной библиотеки ТГУ сборник поступил из Томской духовной семинарии. Судя по владельческой записи, книга принадлежала жителям д. Куликовка: «1838 года декабря деревни Куликовки. 1838 году декабря 6 день Устартаской волости деревни Куликовой от поселенца...» (запись обрывается) [14. С. 277]. Почерк записи идентичен почерку текста Жития Сергия Радонежского.

Конфессиональную принадлежность поселенца определить затруднительно. Есть сведения о том, что жители деревни Куликовской относились к приходу единоверческой Шипицинской часовни [15. С. 190], к приходу с. Ребрихи беспоповского согласия [15. С. 9]. Кроме того, есть также упоминания об усть-тартасских поморцах [15. С. 121]. В одном можно быть уверенным: рукопись бытовала в регионе, где проживали – и довольно длительное время – представители разных старообрядческих согласий.

Ход и результаты исследования

В работе использованы методы текстологии и кодикологии. На первом этапе исследования было решено определить редакцию текста, оказавшегося в нашем распоряжении. Первоначальная гипотеза заключалась в том, что для переписки, вероятнее всего, использовалось либо московское издание 1646 г., либо издание, выпущенное в Клинцах в 1786 г. При просмотре этих изданий оказалось, что они идентичны, вплоть до расположения текста по листам и строкам.

Текст изучаемого списка был сверен методом *de visu* с московским изданием 1646 г. «Службы и Жития и о чудесах списания преподобных отец

наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона» [11]. Помимо полного соответствия текстов, совпадает большая часть нумерации глав, представленных в составе сборника. Исключения составляют те главы рукописи, которые не имеют нумерации, а также две главы, предположительно пронумерованные ошибочно.

В результате сверки выяснилось, что исследуемый текст Жития включает 19 глав из 88, расположенных в следующей последовательности (указана нумерация глав в списке):

1. «Яко от Бога дадеся ему книжный разум, а не от человека».
2. «О прогнании бесов молитвами святого Сергия. Глава 7».
3. «Чюдо о жене, сотворшей пленой в лето 7153е, июня в 6 день. Глава 85».
4. «Чюдо преподобного Сергия о исцелевшем отроце Савастияне. Глава 73».
5. «Чюдо преподобного Сергия, како показа на море казаком донским обитель свою и избави их от безбожных турок. Глава 74».
6. «О явлении преподобного Сергия во граде Казани. Глава 57».
7. «Мисеца октебря... Сказание от жития и о чудесех преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия, Радонежскаго чудотворца. Списано бысть от премудрейшаго Елифания. Благослови отче. Глава 1».
8. «Начало жития преподобного отца Сергия. Глава 2».
9. «О беснующемся вельможе. Глава 2».
10. «Чюдотворца Сергия о видении ангела, служаща с блаженным Сергием».
11. «Чюдотворца Сергия. О посещении Богоматере к святому Сергию. Глава 6».
12. «Чюдо о чудесном зачатии и рождении великаго князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца».
13. «Чюдо о инокине Мариамии. Глава 53».
14. «О составлении общежития послание. Глава 16».
15. «О Свяжьском граде сказание. Глава 56».
16. «О явлении чюдотворца Сергия Галасунскому архиепископу Арсению. Глава...».
17. «Чюдо преподобного Сергия чюдотворца о отроке Иване, исцелевшем от утробныя болезни. Глава 66».
18. «Чюдо святого Сергия о некоей инокине монастыря пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова Хотковскаго. Глава 72».
19. «Чюдо святого Сергия о юноше Василии. Глава 84».

Результаты сверки текстов рукописи с изданием 1646 г. показаны в табл. 1. В ней также приводятся для сравнения заголовки глав Пространной редакции Жития. Данные о Пространной редакции извлечены из указанной выше публикации А.В. Духаниной; эти данные были использованы при определении редакции рассматриваемого списка: было выявлено, что целый ряд глав, представленных в рукописи, отсутствует в тексте Пространной редакции, но представлен в московском издании 1646 г. Таким образом, можно считать установленным, что протографом изучаемой рукописи был текст Жития Сергия Радонежского в редакции Симона Азарьина. Однако возникает вопрос, пользовался ли писец именно изданием Жития в московском или клинцовском варианте.

В ходе изучения экземпляра обнаружилась важная особенность рассматриваемого списка: главы Жития следуют в хаотичном порядке, как это видно из табл. 1 и приведенного выше перечня. Однако это не изначальный замысел писца, а особенность работы переплетчика, который перепутал тетради. Это подтверждается тем, что и первый текст, «Хождение игумена Даниила», вошедший в изучаемый сборник, имеет хаотичную последовательность текстов.

Помимо беспорядочного расположения глав, изучаемый список Жития имеет также ряд иных особенностей. В завершение ряда текстов следует фрагмент следующей главы Жития без каких-либо разделительных знаков или обозначений заглавия, номера главы и пр. Например, после главы «О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей» начинается текст «О юных годах», который следует на той же строке и без каких-либо пунктуационных символов и обозначения заголовка: «...глаголетъ писание чти отца своего и мать, да будещи длъголѣтень на земли еще же иное дѣло скажем сего блаженнаго отрока, еже въ младѣ телесе старъ смыслъ показа». Всего в рассматриваемом списке встречается три аналогичных случая. Так, за текстом «О явлении преподобного Сергия во граде Казани» следует начало главы «О чудесах преподобного чудотворца Сергия, бывших в обители его во время осады». Особенно примечателен третий случай, где за главой «О Свяжском граде» следует уже упомянутый ранее текст «О явлении преподобного Сергия во граде Казани» и полностью повторяется. Здесь встречается заголовок следующей главы, несмотря на отсутствие выделительных знаков: «...дивныя таковая чюдеса своими угодники о явлении преподобного сергия во граде казани лето же известить о явлении».

Т а б л и ц а 1
Сопоставление расположения глав в списке ОРКП НБ ТГУ В-5678 с московским изданием 1646 г.

и текстом в редакции Симона Азарина

Название главы	«Службы и Жития и о чудесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона». М., 1646	В-5678 (л. 326–391)	Пространная редакция (л. 276–398)
1. Сказание о житии и о чудесах преподобного богосного отца Сергия	Л. 1–6	Л. 354–355	Л. 276–281 об.
2. Начало жития преподобного отца Сергия	Л. 6–15 об.	Л. 355 об.–360 об. (фр.)	Л. 281 об.–292 об.
3. О том, как от Бога было дано ему уразуметь грамоту, а не от людей	Л. 15 об.–19	Л. 326–333	Л. 292 об.–296
4. О добродетелях в юности святого	Л. 19–21 об.	Л. 333–333 об. (фр.)	Л. 296–298 об.
5. О переселении родителей святого.	Л. 21 об.–33 об.		Л. 298 об.–312
6. О пострижении его...			
7. Об изгнании бесов молитвами святого Сергия	Л. 34–49 об.	Л. 334–345 об. (фр.)	Л. 312–329 об.
8. О начале игуменства Сергия – 13. О воскресении отрока	Л. 50–70 об.		Л. 329 об.–352 об.
14. О беснующемся вельможе	Л. 70 об.–72 об.	Л. 361–365	Л. 352 об.–355
15. О составлении общего жития	Л. 72 об.–73	Л. 377–378 (фр.)	Л. 355–355 об.
16. Послание патриарха Филофея –	Л. 73–84 об.		Л. 355 об.–366 об.
20. Начало Симоновского монастыря			Л. 367–368
21. О видении ангела, служащего с блаженным Сергием	Л. 85–86	Л. 365–367 об. (фр.)	
22. О победе над Мамаем и о монастыре на Дубенке – 25. О том, как хотели святого возвести на митрополию	Л. 86–91		Л. 368–373 об.
26. О посещении Богоматерью святого	Л. 91–92 об.	Л. 368–370 об.	Л. 373 об.–375

Название главы	«Службы и Жития и о чудесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона». М., 1646	В-5678 (л. 326–391)	Пространная редакция (л. 276–398)
27. О епископе, пришедшем увидеть святого – 47. О пресвитере и о мужах, бывших в латинских странах	Л. 92 об.–113 об.		Л. 375–397
48. Чудо о Матфее архимандрите – 52. Чудо о беснуошемся отроке	Л. 114–119		
53. Чудо о инокине Марии	Л. 119–120 об.	Л. 375–376 об.	
54. Чудо о чудесном зачатии и о рождении великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца	Л. 121–122 об.	Л. 371–374 об.	
55. Чудо преподобного Сергия о преславной победе над Литвою у города Опочки	Л. 123–124		
56. Сказание о Свяжском граде	Л. 124–125 об.	Л. 378 об.–383	
57. О явлении преподобного Сергия в граде Казани	Л. 126–126 об.	Л. 352–353 об. Л. 383–384 об.	
58. О чудесах преподобного Сергия, бывших в обители его во время осады и в царствующем граде Москве	Л. 126 об.	Л. 353 об. (фр.)	
59. О явлении преподобного Сергия архимандриту Иосафу – 66. О явлении чудотворца Сергия на Москве с хлебом	Л. 127–136		
67. О явлении чудотворца Сергия Галасунскому архиепископу Арсению	Л. 136 об.–137 об.	Л. 384 об.–387 об.	
68. Чудо преподобного Сергия о немом; 69. О умножении хлебов	Л. 138–143		
70. Чудо преподобного Сергия об отроке Иване	Л. 143 об.–144	Л. 388–390	

Название главы	«Службы и Жития и о чудесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона». М., 1646	В-5678 (л. 326–391)	Пространная редакция (л. 276–398)
71. Чудо преподобного Сергия о некоем древе-дельце (плотнике)	Л. 144 об.–145		
72. Чудо преподобного Сергия об инокине	Л. 145 об.–146	Л. 390–391 (фр.)	
73. Чудо святого Сергия об отроке Севастьяне	Л. 146–146 об.	Л. 348–349 об.	
74. Чудо преподобного Сергия, как он показал на море донским казакам обитель свою	Л. 146 об.–147 об.	Л. 350–351 об.	
75. Чудо святого Сергия о войне исцелившимся у гроба святого Сергия – 83. Чудо о иноках того же монастыря	Л. 147 об.–156 (157)		
84. Чудо святого о юноше Василии	Л. 156 (157)–158	Л. 391 об. (фр.)	
85. Чудо о жене, сотворившей плену	Л. 158–159	Л. 346–348	
86. Слово похвальное преподобному Сергию Молитва преподобному Сергию – 88. Чудо святого, как людей избавил от смерти от упавшей башни	Л. 159 об.–175 об.		

В случае главы 57 «О явлении преподобного Сергия во граде Казани» текст переписан полностью дважды: на л. 352–353 об., между главой 74 «Чюдо преподобнаго Сергия, како показа на море казаком донским обитель свою и избави их от безбожных турок» и начальными текстами Жития; глава 57 сопровождается красным заголовком и правильным номером. Во второй раз этот же текст переписан ближе к концу рукописи, на л. 383–384 об., между «Сказанием о Свяжском граде» (глава 56) и «О явлении чудотворца Сергия Галасунскому архиепископу Арсению» (глава 67). В этом случае текст главы 57 также воспроизведен полностью, имеется и заголовок, но и он не выделен киноварью, номер главы не проставлен.

Стоит отметить, что все тексты, следующие за пронумерованной и озаглавленной главой, обрываются на полуслове и представляют собой фрагменты соответствующих глав. Это заставило нас перейти к следующему этапу исследования и провести более детальную сверку текстов списка Жития с изданием 1646 г. Результаты сверки приведены в табл. 2, где в первом столбце указаны заголовки глав по изданию 1646 г.; в большинстве случаев они совпадают с заголовками, имеющимися в рукописи. Во втором столбце показано расположение текста в рукописи, а также приведены начала и окончания фрагментов текстов соответствующих глав. При фиксации фрагментов текста особое внимание обращалось на его расположение: первоначально предполагалось, что в рукописи могли быть утрачены отдельные листы или тетради, поэтому Житие и выглядит фрагментированным. Однако материал, размещенный в третьем столбце таблицы, дает понять, что это не так. В указанном столбце приводится местоположение соответствующих текстов в издании 1646 г., причем особое внимание обращалось на то, как текст расположен на листах: совпадает ли обрыв текста в рукописи с окончанием листа в издании, расположен ли фрагментированный текст в издании равномерно на лицевой стороне листа и его обороте. В случае выявления совпадения обрывов текста в рукописи и в издании можно было бы сделать вывод о том, что в распоряжении писца был дефектный экземпляр издания: например, в нем мог быть утрачен соответствующий лист или фрагмент листа.

Рассмотрим материал табл. 2 более подробно на нескольких примерах. Фрагмент главы 4 «О добродетелях в юности святого» переписан без заголовка, подряд с предыдущим текстом. В рукописи приведено начало главы 4 почти полностью на л. 19 (вт. паг.) в издании 1646 г., только полторы строки находятся на обороте указанного листа. Фрагмент текста заканчивается в конце л. 333 об., текст оборван на словах: «...и от сверстник твоих сицево стяжа воздержание якоже ты...», однако в конце текста в рукописи стоит слово «Аминь». Заметим, что также в этом месте в рукописи заканчивается и очередная тетрадь.

Фрагменты глав и утраты текста: сопоставление списка В-5678 и издания текста

Название главы	Рукопись ОРКП НБ ТГУ. В-5678. Утраты в тексте и расположение их в списке	Службы и жития Сергия Радонежского и ученика его Никона. М., 1646. Расположение текста, утраченного в рукописи
Начало жития преподобного отца Сергия. Глава 2	Л. 355 об.–360 об. Полный текст до слов: «Аще будет рожаемое...». Обрыв текста в середине фразы. Далее утрачен лист, виден фалыц.	Л. 6–8 об., середина листа. Продолжение утраченного текста: «Аще будет рожаемое мужеск пол...».
О добродетелях в юности святого. Глава 4	Л. 333–333 об. Без заголовка. До слов: «...и от сверстник твоих спиево стяжа воздержание якоже ты. Аминь». Конеч тетради.	Л. 19 об. Середина листа. Продолжение утраченного текста: «...суть бо нещии, иже и до седмижды днем ядят...».
О прогнании бесов молитвами святого Сергия. Глава 7	Л. 334–345 об. В тексте несколько пропусков: 1. Л. 339 (конец страницы) до слов: «...славословие непрестанное пение Богу, якоже и бысть благодатию Христоу...». Пропущен примерно абзац, на л. 339 об. нач. со слов: «По временех же доволных дивол победився с блаженым...». 2. Л. 341. Текст до слов: «...ожидаа, аки некий злой должник, хотя воспримати долг свой...». Далее со слов: «...единный кус хлеба обреташеся у него и того пред зверем...». 3. Л. 344 об. до слов: «...иже сохранить его от всякаго обстояния, видимаго и невидимаго. Преподобный же, видя,	Л. 34–40 об. 1. Л. 36 об., середина листа. Продолжение утраченного текста: «...и еже и видим днесь, не токмо бо сей великий монастырь...». 2. Л. 37–37 об. начало фрагмента на лицевой стороне листа (две строки), завершение на обороте (около 10 строк). Пропущение пропущенного фрагмента: «...аще ли прилучашеся единому обретення укруху...». 3. Л. 39, середина листа. Продолжение утраченного текста: «...покрывает его

Название главы	Рукопись ОРКП НБ ТГУ. В-5678. Утраты в тексте и расположение их в списке	Службы и жития Сергия Радонежского и ученика его Никона. М., 1646. Расположение текста, утраченного в рукописи
	яко...». Продолжение с начала л. 345 со слов: «...но и возбраняше им, глаголя, яко не можиди жити на месте сем и не можете терпети труда...». 4. Л. 345 об. Заканчивается словами: «...и паки рече: иде же суть два или три совокуплени во имя мое, ту семь аз посреде их. Аминь».	Господь своей благодатию...». Далее продолжение со слов на л. 40 об. в издании, пропущен почти лист.
О составлении общежития послание. Глава 16	Л. 377–378 до слов: «...ового убо келаря, овых же в поварни и воеже хлебы. Аминь». Л. 375–376 об. Пропуск в середине текста и в конце:	4. Л. 40 об. Продолжение пропущенного текста: «И Давид рече: се коль добро и коль красно, но еже жити братии вкупе...». Глава заканчивается на л. 49 об. Л. 73–73 об. Текст оборван посередине фразы, далее следует: «и воеже хлебы пеци, ового же еже немощным служити...». Текст главы до л. 75.
Чудо о инокине Мариамии. Глава 53	1. Л. 375 об. до слов: «...аз, смиренный Пахомий писах, яко пришедшу ми во обитель...» (конец листа). 2. Л. 376. Продолжение со слов: «...уже бо предеченная достигоша и слышася по Евангелию еже и изсякнух любви многих...» (с начала нового листа). 3. Л. 376 об. обрывается на словах: «...не отступай, поминай стадо, еже собра мудре и облюди Богом. Аминь».	1. Л. 119–119 об. Середина листа. Продолжение утраченного текста: «...святаго, и видех чюдеса, бывающая от раки богоноснаго отца...». 2. Л. 120–120 об. середина листа, на л. 120 об. – несколько строк в начале листа. 3. Л. 120 об. Середина листа. Продолжение утраченного текста: «...дарованную ти паству, яко чадолюбивый отец...».
О чудесах преподобного Сергия, бывших в обители его во время осады и в царствующем граде Москве. Глава 58	Л. 353 об. Без заголовка. Фрагмент из начала главы. До слов: «...зрит в келию вшедша чюдотворца Сергия, и реша ему: рцы начашным града...».	Л. 126 об. Середина листа. Продолжение утраченного текста: «...яко в приходящую ночь тяжко устремление сопостат будет на вы...».

Название главы	Рукопись ОРКП НБ ТГУ. В-5678. Утраты в тексте и расположение их в списке	Службы и жития Сергия Радонежского и ученика его Никона. М., 1646. Расположение текста, утраченного в рукописи
Чюдю святого Сергия о некоей инокине монастыря пресвятыя Богородицы, честного и славного ея Покрова Хотковского. Глава 72	Л. 390–391. Текст почти весь до слов: «... был убо у тебе великий чюдотворец Сергий. И паки, возбнув от сна, и молишся и благодаря».	Л. 145 об.–146. Продолжение утраченного текста: «... Бога, призывая на помощь великаго чюдотворца Сергия, и радостно исполнишася великою».
Чюдю святого Сергия о юноше Василии. Глава 84	Л. 391 об. начало главы 84 до слов: «... по прилучаю же ему едушу в той своей скорби из веси мимо оби...». Заключительный лист сборника в целом, далее, возможно, утрачен лист или тетрадь.	Л. 156/157. Середина листа. Продолжение утраченного текста: «... тель преподобнаго чюдотворца Сергия...». Глава заканчивается на л. 158.

Фрагмент главы 58 «О чудесах преподобного Сергия, бывших в обители его во время осады и в царствующем граде Москве» (л. 353 об.) также размещен в конце тетради, однако слово «Аминь» в конце текста отсутствует. Текст обрывается на словах: «...зрит в келию вшедша чудотворца Сергия, и реша ему: рцы началным града...». В издании 1646 г. текст расположен в середине л. 126 об. (вт. паг.), и после него следует еще существенный текстовый массив.

Заметим, что в обоих случаях копируемый текст обрывается не просто в середине фразы, но даже в середине строки, невзирая на знаки препинания, а в одном из случаев – в середине слова. То есть нельзя говорить о том, что для переписывания использовались фрагментированные листы издания: и в том и в другом случае текст, имеющийся на обороте листа, переписан в исследуемой рукописи. Таким образом, л. 19 и 126 издания 1646 г. (описанный выше случай) должны были быть в распоряжении писца полностью. Значит, либо из рукописи позже была утрачена тетрадь с продолжением текста – что кажется логичным, поскольку в обоих случаях фрагмент приходится на конец тетради, но противоречит этой версии наличие слова «Аминь» в конце первого фрагмента. Либо писец копировал текст не непосредственно с издания 1646 г., а с рукописной копии, в которой были перепутаны листы, а части листов не хватало.

Из табл. 2 также видно, что, помимо фрагментов глав, обрывающихся задолго до конца текста, есть две главы, где имеются существенные изъяты и в середине текста. Здесь особенно привлекают внимание главы 7 и 53, где есть такие утраты, причем неоднократные и существенные по объему.

Особенно примечательны случаи завершения текста в середине фразы. Так, обращает на себя внимание случай главы 16 «О составлении общежития послание», где рассказывается об обустройстве общежительного монастыря. Текст главы обрывается на словах: «...ового убо келаря, овых же в поварни и воеже хлебы. Аминь». В тексте издания 1646 г. следует дальнейшее описание функции монахов: «и воеже хлебы пещи...». Как видно, просто теряется смысл фразы.

Обсуждение результатов

Таким образом, для исследования была выбрана рукопись, которая довольно традиционна по содержанию, но своеобразна по конструкции. С одной стороны, из записей видно, что переписывал и заказывал переписку текстов для сборника один и тот же человек. Он весьма серьезно относился к делу: все траты на переписку и переплет им зафиксированы в деталях. Причем оплата была довольно солидной: за рубль можно было

купить килограмм масла или воз соломы. Однако не указано, платил ли владелец сборника за работу серебром или ассигнациями. Для сравнения: из писем В.Г. Белинского к родителям можно получить представление об уровне московских цен рассматриваемого периода в ассигнациях. Так, квартиру Виссарион Григорьевич снял за 25 рублей ассигнациями в месяц [16].

Итак, за работу было заплачено довольно дорого, но при этом очевидна неполнота переписанного текста и абсолютно беспорядочное расположение тетрадей при переплете. Заметим, что писец пытался проставить местами сигнатуры, но они не являются систематическими и в целом не дают возможности восстановить правильный порядок тетрадей. Например, на верхнем поле л. 357 об.–358 арабской цифирью (но с титлами!) проставлены номера тетрадей, соответственно 1 и 2. В данном случае они должны означать конец первой тетради и начало второй, что соответствует действительности: л. 357 является заключительным в тетради, а на л. 354–360 располагаются два начальных текста Жития («Сказание о житии и о чудесах преподобного богоносного отца Сергия» и «Начало жития преподобного отца Сергия»). Однако, как видно из приведенной выше росписи содержания, в рассматриваемом списке они находятся не в начале, а в середине текстового массива. Также имеются цифры с обозначением сигнатур и при других текстах: на верхнем поле л. 315 об.–316 соответственно 5 и 6. Цифры здесь арабские, но уже без титлов. На данных листах переписано Житие Симеона столпника (л. 291–325 об.) и действительно имеется окончание тетради.

Обращает на себя внимание также наличие фрагментов глав, переписанных без заглавий и разделительных обозначений, о чем было сказано выше. В целом нет ничего необычного в выборочной переписке текста в старообрядческих сборниках, однако данный случай представляется специфичным в силу очень существенной фрагментации текста, который оказывается собранным из отдельных кусков, нередко с пропуском сюжетно важных линий. Например, в главе 7 переписано начало сюжета о медведе, который приходил к келье святого, Сергей же делился с ним «единым кусом хлеба». Однако на л. 341 выпущен целый абзац, где повествуется о том, что у Сергия не имелось в келье много «различных брашен», при этом он иногда предпочитал сам остаться голодным, но отдать медведю последний «кус» хлеба. Без этого фрагмента дальнейшее повествование не совсем понятно.

Важным представляется и появление в окончании некоторых явно неоконченных глав слова «Аминь», которое отсутствует в издании 1646 г. (как и в клинцовском издании). Возможно, таким образом переписчик

подчеркивал, что далее текст отсутствует, несмотря на его очевидную незавершенность.

Из сказанного выше вытекает, что непосредственное использование издания 1646 г. (или идентичного ему издания, выпущенного в Клинцах) представляется маловероятным. Вероятно, писец использовал в качестве оригинала рукописную копию Жития Сергия Радонежского из этого издания. При этом копия была, скорее всего, дефектной, на что указывают многочисленные факты обрыва текста в середине предложения и даже фразы. Не исключено также, что переписчиком оригинала уже был произведен некоторый отбор глав из издания 1646 г.

Возникает вопрос о том, какую цель преследовал писец, копируя заведомо дефектный протограф. Заметим, что близкий случай уже встречался в нашей практике и описан в публикации [17. С. 292–298]. Имеется в виду рукопись, содержащая Апокалипсис и текст Изборника 1073 г., хранящаяся ныне в отделе редких книг ГПНТБ СО РАН (г. Новосибирск) [18]. В этой рукописи также перепутаны листы с текстом Изборника, что дало возможность сделать вывод о том, что у переплетчика не имелось образца для сверки текста, чтобы правильно расположить листы при переплете. Однако при этом он все же бережно сохранил все имевшиеся у него фрагменты и переплел их в том порядке, в котором они попали к нему в руки.

Вероятно, в случае с Житием Сергия имеет место аналогичный случай: у писца имелся дефектный экземпляр, который он, тем не менее, посчитал необходимым переписать и сохранить, пусть и в явно неправильном виде. Наличие уже двух таких случаев, причем выполненных разными писцами в разное время, наводит на мысль, что явление носило если не широко распространенный, то привычный характер.

Выводы

Таким образом, на примере рассмотренной рукописи и конкретного текста в ее составе возможно реконструировать методы работы старообрядческого писца первой трети XIX в. Видно, что он воспроизвел в составе сборника текст Жития Сергия Радонежского, весьма популярный как в старообрядческой, так и в православной среде. Он использовал, очевидно, дефектный протограф, однако предпочел переписать текст даже в явно недостаточном виде, отмечая утраты в конце отдельных фрагментов словом «Аминь». Поскольку порядок текстов Жития явно нарушен, можно сделать вывод о том, что у писца не было в распоряжении исправного оригинала для сверки. Перепутанные тексты были окончательно зафиксированы в неверном порядке в процессе переплетения блока, причем

и переплетчик не принял во внимание отдельные сигнатуры, проставленные писцом.

То есть изученный экземпляр позволяет реконструировать некоторые особенности работы старообрядческого писца конца XIX – начала XX в. Это важно, поскольку такие списки, как представленные в настоящей статье, обычно не рассматриваются в силу их дефектности. Для истории текста и выявления его редакций такие списки, как показанный выше, вряд ли могут дать существенную информацию. Однако они могут быть важны для другого, а именно для реконструкции практик, принятых в среде старообрядческих писцов.

Для заявленной темы очень важно, что исследуемый экземпляр позволяет проследить движение текста Жития Сергия Радонежского: от сочинений Епифания Премудрого и Пахомия к дополненной редакции текста Симона Азарьина (частично изданной в 1646 г.) до ее поздних рукописных списков, как минимум один из которых (исследуемый) выполнен в старообрядческой среде. Поскольку было установлено, что список выполнен не с издания, а с неисправной рукописной копии, мы имеем здесь дело не просто с возвращением текста из печатной книги в рукописную среду, но и дальнейшим развитием этого текста именно в ней. Это еще раз показывает, с одной стороны, важность текстов древнерусской традиции для позднего старообрядчества. С другой же стороны, позволяет увидеть сложность и неравномерность процесса бытования текстов в этой среде, подтверждает, что не существовало прямолинейного и однозначного перехода от книги рукописной к книге печатной; эволюция была здесь гораздо сложнее.

Список источников

1. Рукописная и печатная книга : сб. тр. М. : Наука, 1975. 258 с.
2. Розов Н.Н. О культурно-историческом значении рукописной книги после введения книгопечатания в России // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века : сб. тр. Л. : Изд-во БАН СССР, 1983. С. 18–22.
3. Сидоров А.А. История оформления русской книги. М. : Книга, 1964. 389 с.
4. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке / сообщ. архимандрит Леонид // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1885. Т. 58. XXVIII, 167 с.
5. Житие Сергия Радонежского: пространная редакция / подгот. текста, пер., ком., исслед. А.В. Духаниной. М. : Свято-Екатерининский мужской монастырь; Брюссель : Conference Sainte Trinite du Patriarcat de Moscou ASBL, 2015. 637 с. URL: http://www.odinblago.ru/zhitie_sergia_prostr/ (дата обращения: 17.01.2023).
6. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М. : Языки русской культуры, 1998. 564 с.

7. Липилина Е.Ю. Изучение «Жития Сергия Радонежского» в отечественном литературоведении 90-х годов XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Казань, 2010. Т. 152, кн. 2. С. 47–52.
8. Гжибовская О.В. Жития святых в российской историографии XIX – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 304 с.
9. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб. : Синодальная типография, 1908. XVI, 314, CXIV с.
10. Подробное оглавление Великих Четых Миней Всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М. : Синодальная типография, 1892. IV с., 502 стб.
11. Службы и Жития и о чудесах списания преподобных отец наших Сергия Радонежского чудотворца и ученика его преподобного отца и чудотворца Никона: рукопись. М. : Печатный двор, 1646. 240 л. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/sluzhby-i-zhitiya-sergiya-i-nikona> (дата обращения: 17.01.2023).
12. Житие Сергия Радонежского и учеников его Никона и Саввы Сторожевского. Клиңцы : Типография Д. Рукавишника и Я. Железникова, 1786. 264 л. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/zhitie-sergiya-radonezhskogo-i-uchenikov-ego-nikona-i-savvy-storozhevskogo> (дата обращения: 17.01.2023).
13. ОРКП НБ ТГУ. В-5678. Сборник старообрядческий житий и наставлений. XIX в. 396 л.
14. Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: каталог. Вып. 3: XIX в., первая половина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 690 с.
15. Беликов Д.Н. Томский раскол. Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск : Типография П.И. Макушина, 1901. 246 с.
16. Белинский В.Г. Письма (1829–1840) // Полное собрание сочинений. Т. XI. М. : Академия Наук СССР. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3891.shtml (дата обращения: 17.01.2023).
17. Есипова В.А., Бородихин А.Ю. К вопросу о поздних списках Изборника 1073 г. // Румянцевские чтения – 2022 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19–21 апреля 2022 г.). Ч. 1. М. : Пашков дом, 2022. С. 292–298.
18. ГПНТБ СО РАН. Древлехранилище им. Е.И. Дергачевой-Скоп, Красноярское собрание. F.VI.15. Сборник с Апокалипсисом и Вопросами Анастасия Синайского. 1901. 389 л.

References

1. Knyazevskaya, T.B. (1975) *Rukopisnaya i pechatnaya kniga* [Handwritten and Printed Book]. Moscow: Nauka.
2. Rozov, N.N. (1983) О кул'турно-историческом значении рукописной книги после введения книгопечатания в России [On the cultural and historical significance of handwritten books after the introduction of printing in Russia]. In: Luppov, S.P. (ed.) *Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoy polovine XIX veka* [Russian Books and Libraries in the 16th – First Half of the 19th Century]. Leningrad: Library of Academy of Sciences of the USSR. pp. 18–22.
3. Sidorov, A.A. (1964) *Istoriya oformleniya russkoy knigi* [History of Russian Book Design]. Moscow: Kniga.

4. Epiphanius the Wise. (ed.) (1885) *Zhitie prepodobnogo i bogonosnogo ottsa nashego Sergiya-chudotvortsia i pokhval'noe emu slovo*, napisannye uchenikom ego Epifaniem Premudrym v XV veke [The life of our venerable and God-bearing father Sergius the Wonderworker and a word of praise to him, written by his disciple Epiphanius the Wise in the 15th century]. In: *Pamyatniki drevney pis'mennosti i iskusstva* [Monuments of Ancient Writing and Art]. Vol. 58. St. Petersburg: [s.n.].
5. Dukhanina, A.V. (ed.) (2015) *Zhitie Sergiya Radonezhskogo: prostrannaya redaktsiya* [Life of Sergius of Radonezh: A lengthy edition]. Moscow: St. Catherine's Monastery; Brussels: Conference Sainte Trinite du Patriarcat de Moscou ASBL. [Online] Available from: http://www.odinblago.ru/zhitie_sergia_prostr/ (Accessed: 17th January 2023).
6. Kloss, B.M. (1998) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Lipilina, E.Yu. (2010) Izuchenie "Zhitiya Sergiya Radonezhskogo" v otechestvennom literaturovedenii 90-kh godov XX veka [The study of the "Life of Sergius of Radonezh" in Russian literary criticism of the 1990s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 152(2). pp. 47–52.
8. Gzhibovskaya, O.V. (2009) *Zhitiya svyatykh v rossiyskoy istoriografii XIX – nachala XX vv.* [Lives of saints in Russian historiography of the 19th – early 20th century]. History Cand. Diss. Moscow.
9. Yablonskiy, V. (1908) *Pakhomiy Serb i ego agiograficheskie pisaniya* [Pachomius the Serb and His Hagiographic Writings]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.
10. All-Russian Metropolitan Macarius. (1892) *Podrobnoe oglavlenie Velikikh Chet'ikh Miney Vserossiyskogo mitropolita Makariya, khranyashchikh v Moskovskoy patriarshey (nyne Sinodal'noy) biblioteke* [A detailed table of contents of the Great Four Menaions of the All-Russian Metropolitan Macarius, stored in the Moscow Patriarchal (now Synodal) library]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.
11. Azarin, S. (ed.) (1646) *Sluzhby i Zhitiya i o chudesakh spisaniya prepodobnykh otets nashikh Sergiya Radonezhskogo chudotvortsia i uchenika ego prepodobnogo ottsa i chudotvortsia Nikona* [Services and Lives and miracles in the writings of our venerable father Sergius of Radonezh the Wonderworker and the disciple of his venerable father and wonderworker Nikon]. Moscow: Pechatnyy dvor. [Online] Available from: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/sluzhby-i-zhitiya-sergiya-i-nikona> (Accessed: 17th January 2023).
12. Anon. (1786) *Zhitie Sergiya radonezhskogo i uchenikov ego Nikona i Savvy Storozhevskogo* [Life of Sergius of Radonezh and his disciples Nikon and Savva Storozhevsky]. Klintsy: D. Rukavishnikov, Ya. Zheleznikov. [Online] Available from: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/zhitie-sergiya-radonezhskogo-i-uchenikov-ego-nikona-i-savvy-storozhevskogo> (Accessed: 17th January 2023).
13. Anon. (n.d.) *Sbornik staroobryadcheskiy zhitiy i nastavleniy. XIX v.* [A Collection of Old Believer Lives and Instructions. The 19th century]. The Department of Manuscripts and Rare Books, Research Library of Tomsk State University. V-5678.
14. Esipova, V.A. (ed.) (2012) *Slavyano-russkie rukopisi Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Slavic-Russian manuscripts of the Research Library of Tomsk State University]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
15. Belikov, D.N. (1901) *Tomskiy raskol. Istoricheskiy ocherk ot 1834 po 1880-e gody* [The Tomsk split. A historical sketch from 1834 to the 1880s]. Tomsk: P.I. Makushin.

16. Belinskiy, V.G. (n.d.) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 11. Moscow: USSR Academy of Sciences. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3891.shtml (Accessed: 17th January 2023).

17. Esipova, V.A. & Borodikhin, A.Yu. (2022) K voprosu o pozdnikh spiskakh Izbornika 1073 g. [On the later copies of the Izbornik 1073]. *Rumyantsevskie chteniya – 2022* [The Rumyantsev Readings – 2022]. Proc. of the International Conference. April 19–21, 2022. Vol. 1. Moscow: Pashkov dom. pp. 292–298.

18. Anastasius of Sinai. (1901) *Sbornik s Apokalipsom i Voprosami Anastasiya Sinayskogo* [Collection with the Apocalypse and Questions of Anastasius of Sinai]. The State Public Library for Science and Technology SB RAS. The Dergacheva-Skop Ancient Storage. The Krasnoyarsk Collection. F.VI.15.

Информация об авторах:

Есипова В.А. – доктор исторических наук, зав. сектором, отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: esipova_val@mail.ru

Балаганова Д.Ю. – главный библиотекарь, отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: darya_drozhzhina@lib.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Esipova, Dr. Sci. (History), head of the Department of Manuscripts and Book Monuments of Tomsk State University Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

D.Iu. Balaganova, chief librarian, Department of Manuscripts and Book Monuments of Tomsk State University Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: darya_drozhzhina@lib.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 16.10.2023*

*The article was submitted 19.01.2023;
approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 16.10.2023*

Научная статья

УДК 82-83

doi: 10.17223/23062061/33/2

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ – АВТОР КНИГИ «ЗАВЕЩАНИЕ МОИМ КРЕСТЬЯНАМ, ИЛИ НРАВСТВЕННОЕ ИМ НАСТАВЛЕНИЕ»

Любовь Александровна Сапченко¹

¹ Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова,
Ульяновск, Россия, ssj-sla@mail.ru

Аннотация. Анализируется книга «Завещание моим крестьянам, или Нравственное им наставление» (М., 1838). Цель исследования – отвести неверно указанное в полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского и в некоторых современных публикациях авторство А.С. Шишкова и назвать истинного автора книги. Издание рассматривается в контексте близких ей по жанру и проблематике произведений. Сведения из библиографии и публицистики того времени, факты биографии, идейная позиция создателя «Завещания...» доказывают, что книга принадлежит перу князя Алексея Александровича Ширинского-Шихматова (?–1848), скрывавшего свое полное имя за инициалами А.Ш., и что приписываемое ей авторство А.С. Шишкова является ошибочным.

Ключевые слова: А.А. Ширинский-Шихматов (?–1848), книга, «Завещание моим крестьянам...», автор

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н.М. Карамзин и его окружение».

Для цитирования: Сапченко Л.А. Алексей Александрович Ширинский-Шихматов – автор книги «Завещание моим крестьянам, или нравственное им наставление» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 30–43. doi: 10.17223/23062061/33/2

Original article

**ALEXEY ALEXANDROVICH SHIRINSKY-SHIKHMATOV
AS THE AUTHOR OF THE BOOK *TESTAMENT
TO MY PEASANTS OR MORAL INSTRUCTION TO THEM***

Liubov A. Sapchenko¹

¹ Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk,
Russian Federation, ssj-sla@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the book *Testament to My Peasants or Moral Instruction to Them* (Moscow, 1838). The study aims to correct the authorship erroneously attributed to A.S. Shishkov in Dostoevsky's complete works and in some modern publications, and to examine the book in a historical and literary context. Having noted that the existing editions of Shishkov's writings do not contain the work, the author of the article presents a number of arguments that prove that the book was written by Prince Alexey Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov (?–1848). There exist other works by the prince that do not raise doubts about their authorship and are signed with the same initials – A. Sh. – as *Testament*. The author briefly describes the life and activities of Prince Shirinsky-Shikhmatov in comparison with the facts of Shishkov's biography, and notes discrepancies in them. Further, the author considers the genre-thematic originality of the book in line with the problem of the relationship between the landowner and the peasants, which is fundamental for all domestic literature. The point of reference here is Karamzin's "Letter of a Country Dweller". The author also analyzes the work "A Villager" by Shirinsky-Shikhmatov's brother Sergey Alexandrovich and articles on the peasant theme by Shishkov. Shishkov and Sergey Shirinsky-Shikhmatov were Karamzin's literary opponents. However, they were his adherents in a negative attitude to the idea of the liberation of peasants. The protagonist and addressee in their works are the landowner. The author of the article notes that, in these works, similar in subject matter, but diverse in genre, the same plot scheme can be traced: having completed his studies, having graduated from service or returned from a journey, a landowner arrives at his estate and finds it in a state requiring immediate intervention. The owner of the estate proceeds to transform it and to educate the peasants for the purpose of the common good. He eradicates drunkenness, organizes a school, introduces faith and reading of the Holy Scripture, fights against theft and laziness, conducts educational conversations with peasants, gives moral lessons, etc. All this is also observed in the book by Shirinsky-Shikhmatov, but this writer is alien to material interests. He cares first of all about the spiritual rebirth, about the salvation of the villagers' souls. A distinctive feature of his *Testament* is the addressing factor. Shirinsky-Shikhmatov appeals to the peasants themselves, having already granted most of them freedom. Shishkov, however, was inclined to idealize a landlord's ownership of people. Thus, information from the bibliography and journalism of that time, the facts of the biography, and the ideological position of the writer of *Testament* prove that the attribution of the book's authorship to

Shishkov is erroneous. The book was not written by Shishkov. Its author is Prince Alexey Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov, who signed his works A.Sh.

Keywords: A. A. Shirinsky-Shikhmatov (?–1848), book, *Testament to My Peasants or Moral Instruction to Them*, author

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00292.

For citation: Sapchenko, L.A. (2023) Alexey Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov as the author of the book *Testament to My Peasants or Moral Instruction to Them. Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 30–43. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/2

В третьем томе Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 т. (в комментариях к рассуждению Фомы Фомича Опискина «о значении и свойстве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться» [1. С. 158]) упоминаются посвященные этой проблеме известные сочинения: «Письмо сельского жителя» Н.М. Карамзина, статья Н.В. Гоголя «Русской помещик» (из «Выбранных мест из переписки с друзьями»), а также «Завещание моим крестьянам, или Нравственное им наставление», автором которого назван А.С. Шишков.

Однако ни «Собрание сочинений и переводов А.С. Шишкова» в 17 ч. (СПб.: В Тип. Императорской Российской академии, 1818–1839), ни двухтомник «Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова» (Берлин: Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870) такого произведения не содержат.

Что же касается отдельных изданий, то в библиотечных каталогах рассматриваемое сочинение находится под разделителем «Ширинский-Шихматов Алексей Александрович» и сопровождается примечанием, что автор, инициалы которого (А.Ш.) указаны в конце текста, установлен по предисловию к книге «Письма о воспитании благородной девицы и о обращении ее в мире. Кн.<яз> Алексея Александровича Ширинского-Шихматова» (М.: Университетская типография, 1901).

Между тем в научной библиотеке Института русской литературы РАН хранится экземпляр книги «Завещание моим крестьянам, или Нравственное им наставление» (2-е изд. СПб.: В типографии Министерства Государственных имуществ, 1845), на титульном листе которой ниже заголовка имеется сделанная от руки надпись: А.С. Шишковъ.

А.С. Шишков назван автором этого сочинения не только в упомянутом полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского (комментаторы издания, по всей видимости, пользовались экземпляром библиотеки Пушкинского Дома с надписанным именем Шишкова на титульной странице),

но вслед за этим также в статье Е.В. Сартакова «"Выбранные места из переписки с друзьями"» Н.В. Гоголя: помещик и крестьянин» [2. С. 69] и в его монографии «Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов» [3. С. 57].

Как принадлежащее перу Шишкова «Завещание...» было названо и мной в статье «Тема "русского помещика" в "Селе Степанчикове..." Ф.М. Достоевского: пародийно-полемические аспекты» [4. С. 80].

Принято считать также, что сразу же появившаяся рецензия на «Завещание» в «Журнале министерства народного просвещения» [5. С. 1–10] (рецензент – Николай Александрович Берте, 1813–1875) подразумевает под выставленными в конце книги инициалами *А.Ш.* именно А.С. Шишкова.

Попробуем разобраться в этом вопросе. Расположенные на форзаце книги «Примечания» уже позволяют усомниться в кандидатуре А.С. Шишкова. В первом из них говорится: «Крестьяне, к которым здесь слово, составляя недвижимое имение двух братьев, помещиков, нераздельно живущих, управляемы тем из них, которым писано сие завещание» [6]¹. Приводятся названия сел, бывших во владении братьев: Zubovo и Aleshkovo. Это прямо указывает на братьев Ширинских-Шихматовых. Братья Алексей Александрович (?–1848) и Павел Александрович (1781–1844) Ширинские-Шихматовы получили образование в Морском корпусе. В 1818 г. Алексей Александрович, а в самом начале 1819 г. и Павел Александрович поселились в селе Архангельское Московской губернии Можайского уезда, решив посвятить жизнь своим крестьянам, их религиозно-нравственному просвещению, их – в христианском смысле – *спасению*. Не случайно в предваряющих книгу «Примечаниях» приведены с указанием в скобках источника следующие цитаты из катехизиса и из сочинения Преосвященного Тихона «*О должностях Христианина*: "Господа должны наставлять рабов закону и добронравию" (*Прост. Катих.*, стр. 114)» и «"Мы можем спастись только тогда, когда знаем, как спастись; но как можем спастись, ежели не знаем, как спастись" (*Христ. Чтение* 1835 г., стр. 317, часть первая)» [6].

В открытой у себя дома школе автор книги сам занимался с крестьянскими детьми, не оставляя без христианского и нравственного просвещения также и взрослых крестьян, которых обучал по воскресеньям и праздничным дням. Все это настолько поглощало его, что мало оставалось времени на собственные занятия, на хозяйственные заботы. Нескольким иное занятие избрал для себя его брат Павел. Он давал

¹ Страница, на которой расположены «Примечания», не пронумерована.

первоначальное образование (русский язык, Закон Божий) сыновьям церковнослужителей.

Подобные сведения сообщает и рецензент Н. Берте. Он называет автора «благоразумным помещиком», чьи земли находились на границе Московской и Смоленской губерний, и сообщает, что имение принадлежало двум братьям, но управлял им автор «Завещания», что в течение двадцати лет по воскресным дням он внушал христианские заповеди помещным крестьянам, а расставаясь с ними, старался своим «Завещанием» «упрочить их благоденствие» [5. С. 2]. Берте пишет также о том, что братья открыли домашнее училище, где преподавали грамоту, катехизис, краткую Священную историю, «несколько самонужнейших молитв, некоторые притчи и другие места из Евангелия, краткое понятие о Литургии и краткое христианское нравоучение» [5. С. 3], обучали также четырем правилам арифметики, вычислению по счетам, сообщали необходимые общественные знания. Безграмотным преподавали Закон Божий и христианские правила морали.

Христианско-просветительская деятельность братьев позволила поднять религиозно-нравственное развитие крестьян до такого уровня, что их владельцы сочли их способными «благоразумно пользоваться свободой» [7. С. 6] и даровали им вольность, освободив от крепостной зависимости.

В биографии А.С. Шишкова подобные факты неизвестны. Как отмечает В.Я. Стоюнин, у Шишкова «не было почти никакого состояния», при этом он отказывался брать с крестьян оброк, довольствуясь «только своим жалованьем» [8. С. 117]. В 1830-е гг. (когда вышло первое издание «Завещания») Шишков занимал пост президента Российской Академии и жил в Петербурге, вдалеке от помещичьих забот и от наставлений крестьянам.

Очевидно, что за инициалами *А.Ш.* скрывается не Александр Семенович Шишков, а князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов.

У биографов князя Алексея Александровича сложилось мнение, что он был столь начитан, что не уступал профессиональным богословам в степени своего развития. Свободно владея европейскими языками, он хорошо знал западную богословскую литературу. А.А. Ширинский-Шихматов был известен и как писатель, «по преимуществу, религиозно-нравственный» [7. С. 6].

Он написал еще ряд книг, авторство которых не подвергается сомнению. В конце их стоит та же подпись – *А.Ш.* Это «Путь чести, или Советы молодому офицеру» (М.: В унив. тип., 1837), «Напутствие благородному юноше, или Собрание полезных наставлений и назидательных мыслей во

сте (так! – Л.С.) кратких статьях» (М.: Унив. тип., 1839). В обеих книгах указаны инициалы – А.Ш. Существует также библиографическая редкость – подарок министра народного просвещения Платона Александровича Ширинского-Шихматова Степану Петровичу Шангину, где на переднем форзаце книги (первое издание «Завещания», 1838) помещена надпись, прямо указывающая на авторство А.А. Ширинского-Шихматова: «Сие религиозно-нравственное наставление смиренного христианина было сокрыто завесою от <...> но читая книгу о всенародном распространении грамотности в России, я с восторгом и сердечною радостью узнал автора сей поучительной книжки. Кто же ее автор? Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, родной брат бывш.<его> М.<инистра> Н.<ародного> Прос.<вещения> Кн.<язя> П.А. Ширинского-Шихматова» [9].

Кроме того, А.А. Ширинским-Шихматовым была составлена биография его родного брата Павла, изданная, как и «Завещание», без указания имени автора [10]. О себе автор здесь совсем не говорит, если не считать двух косвенных упоминаний, подтверждающих, что авторство книги «Завещание» принадлежит А.А. Ширинскому-Шихматову: «Так как школа крестьянских детей имела уже благонадежного учителя, он (т.е. Павел Александрович. – Л.С.) составил себе другое отделение сего рода, взявшись обучать первоначальному учению сыновей сельских церковнослужителей...» [10. С. 42] и «В сей новой его жизни маленькая его школа была главным его занятием. Время свое делил он между службою Божиею, которая отправлялась на селе довольно часто, между обучением своих учеников, между упражнением в чтении, для которого соединенные в Архангельском обоих братьев библиотеки представляли много книг, большею частию духовных, – и прогулкою» [10. С. 43–44].

Как автор «Завещания» А.А. Ширинский-Шихматов представлен также в издании «О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании. Книжки I, II, III, IV», выходившем в Москве в 1848–1849 гг. и содержащем, в частности, пространную выдержку из письма Алексея Александровича к редактору под названием «О цели и способе учения в крестьянской школе Князей Шихматовых-Ширинских». В письме речь идет об обязанностях помещика, о содержании проводимых с крестьянами занятий, об освобождении большей части крестьян от крепостной зависимости («Князья Шихматовы вручили крестьянам акт увольнения 88 человек из 127 в свободные хлебопашцы») [11. С. 69]. Автор упоминает также о деятельности своего брата Павла и о его недавней кончине.

В редакторских примечаниях к письму дается высокая оценка подвижничеству двух братьев, посвятивших себя «нравственному и разумному образованию» крестьян с «христианской к ним любовью» [11. С. 69].

Обратимся теперь к самой книге, жанр которой обозначен автором как «завещание» или «нравственное наставление». А.А. Ширинский-Шихматов, как и следовало в подобных случаях, начинает с мысли о человеческой смертности и осознания своего христианского долга. Но далее, нарушая традиционные требования жанра, Ширинский-Шихматов подчеркивает не исповедальный, а напутственный характер своего «предсмертного завещания», которое становится сводом тех бесед и поучений, с которыми он в течение двадцати лет обращался к крестьянам каждый воскресный день [6. С. 1].

На полях книги, напротив наиболее важных по смыслу частей текста, А.А. Ширинский-Шихматов расположил маргиналии («фонарики»), отражающие цель сочинения, план действий, результаты деятельности автора, а также идейную композицию произведения, призванного наставить крестьян на путь духовного спасения. Приведем некоторые из них.

«Прежняя неспособность их (т.е. крестьян. – Л.С.) к принятию наставлений» [6. С. 2].

«Меры к просвещению их» [6. С. 2].

«Обучение малолетних мужеска пола грамоте, Закону Божию и проч.» [6. С. 2].

«Беседы с ними по воскресным дням» [6. С. 4].

«Драки, кражи и убийства между ними от неимения страха Божия» [6. С. 4].

«Тотчас по прибытии начертал план учения» [6. С. 4–5].

«Благонравие должно обратиться в привычку» [6. С. 7].

«От худых навыков были избавлены» [6. С. 7].

«В крестьянстве всех худых дел отец – пьянство» [6. С. 8].

«Жар молитвы» [6. С. 23].

«Возвращение из храма» [6. С. 24].

«Приятно и полезно иметь изображение добродетельного крестьянина» [6. С. 30].

Здесь отобраны лишь те из маргиналий, которые обнаруживают идейное родство и сюжетно-композиционное сходство с другими произведениями, объединенными темой русского помещика в аспекте его отношения к своим крепостным.

Дело в том, что книга А.А. Ширинского-Шихматова вписывается в магистральную для отечественной словесности тему, представленную во множестве художественных и публицистических текстов, начало которой

дало «Письмо сельского жителя» Н.М. Карамзина. Тема эта и предложенное Карамзиным ее сюжетное воплощение нашли продолжение в главе «Русский помещик» из «Выбранных мест...» Н.В. Гоголя, в статье И.С. Тургенева «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине», в неоконченном «Романе русского помещика» Л.Н. Толстого и т.д. Сюда можно отнести также сочинение еще одного брата Ширинских-Шихматовых, Сергея Александровича, «Сельский житель (1814 год, месяц цветень)» [12] с посвящением: «Любезному моему брату К.<нязю> В.<асилию>. А.<лександровичу> Ш.<ихматову>» – и целый ряд других текстов.

В этих многочисленных и разнообразных по жанру произведениях прослеживается одна и та же сюжетная схема: завершив учение, окончив службу или вернувшись из путешествия, помещик приезжает в свое имение и находит его в состоянии, требующем немедленного вмешательства. Владелец поместья приступает к хозяйственным преобразованиям и просвещению крестьян ради общего блага. Он искореняет пьянство, устраивает школу, приобщает к вере и чтению Священного Писания, борется с воровством и ленью, ведет поучительные беседы, разговоры с мужиками, дает нравственные уроки и т.п.

У всех названных авторов происходит перерождение поселян, укрепляется их вера, налаживается жизнь помещика и крестьян «в мире» и христианском братстве, устанавливается их единство в работе и в молитвах, достигается материальное благополучие.

Подобно этому, «Сельский житель...» Сергея Александровича Шихматова представляет собой разновидность идиллии, где в полной мере присутствует характерный для этого жанра топос: бегство от городской жизни, социальных бедствий (войны, тяжбы), уединение на лоне природы, благословенные труды вместе с крестьянами, свобода, первобытная простота, смиренная участь. Помещик здесь:

Щастливит поселян незлобных,
По правде им размерив труд,
В подвластных чтит себе подобных,
И с милостью творит им суд;
Не дремлет, рабствуя покою,
Но силы негой не губя,
Нередко сам своей рукою
Берет их ношу на себя.

Автор создает картину полного социального и природного благополучия, где крестьяне богаты и счастливы, где их владелец

Не знаясь с праздным недосугом,
Обходит утренни поля,
Где светлым земледельцев плугом
Браздится черная земля;
От слов его, надежды полны,
Они с усердием в груди,
Орут – и жатвы частой волны
Уже провидят впереди [12. С. 4].

Как того и требует идиллия, автор с умиротворяющей интонацией описывает множество присущих жанру подробностей: прогулки, сбор лекарственных трав, река, лес, пруд, кони, стадо на «веселых пажитях». Все это укрепляет веру в Божество, предстает как свидетельство премудрости Создателя. В сочинении появляются черты теодицеи.

Селяне в подобных жанрах – послушные «дети» своего доброго и мудрого «отца», который

Идет и видит пред собою
Блаженство мирных поселян:
Простой довольствуясь судьбою,
Живут здоровью не в изъязн:
По твердым их и полным жилам
Наследственный не льется яд;
Труды дают им силы к силам,
И тихость – вящую наград [12. С. 9].

И здесь, может быть, стоит снова вспомнить об А.С. Шишкове и привести высказывание его биографа В.Я. Стоюнина: «В суждениях его (Шишкова. – Л.С.) о крестьянах участвовала также более фантазия, чем логические выводы, основанные на близком знакомстве с предметом. Ему казалось, что крестьянина можно сделать счастливым единственно человеколюбивым отношением к нему помещика и администрации; а возможно ли было поставить в такие отношения оба сословия? Фантазия, конечно, могла рисовать разные идиллические картины, но в действительности они были неисполнимы. Уничтожение крепостного права, грамотность в народе он считал государственным злом, которое приведет к общему развращению, пожалуй, к революции» [8. С. 118–119].

С одной стороны, Шишков «любил русский народ и желал ему добра» [8. С. 118], приходил в восхищение от крестьянского языка и записывал народные слова и выражения. Так, С.Т. Аксаков в своих воспоминаниях сообщает, что Шишков не хотел брать оброка со своих крестьян, пожалованных ему императором Павлом I (в Тверской губернии), и когда

выборные от всего села пришли к своему барину в Петербург, чтобы предложить ему деньги за прошедшие годы и впредь выплачивать положенную сумму, Шишкова восхитил и умилил не столько сам поступок сельчан, сколько их речи, которые были похожи «на язык старинных грамот» и которые «он немедленно записал» [13. С. 295], неоднократно потом заставляя крестьян повторять те же слова своим знакомым.

А.С. Шишков не лишен был веры в духовные силы народа. «Народ то же, что сад, – писал он. – Не отвращай взора от его произведений; полюби сперва несовершенство их, предпочти свое чужому, посели в него честолюбие, возроди ревность, возбуди в нем уважение к самому себе: тогда природное дарование найдет себе пищу, начнет расти, возвышаться, от часу делаться искуснее, и наконец достигнет до совершенства» («Ответ на письмо господину Луке Говорову, напечатанные в Вестнике Европы апреля 1807 года № 8 под заглавием: Письмо из города NN в столицу» [14. С. 255].

С другой стороны, Шишков склонен был идеализировать помещичье владение людьми, считая это право «ни беспредельным, ни насильственным» («Дело достойное примечания (О продаже крепостных)» [15. С. 122–123]. Он утверждал, что оно ограждено законами, «требующими, чтобы помещик сочетавал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом, наблюдая между ими, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство» [15. С. 123]. Если же крестьяне не хотели принадлежать никакому помещику, то, полагал Шишков, это следует считать «не простой виной, а преступлением» («Мнение мое по делу о крестьянах помещицы княгини Трубецкой, в Московской губернии» [15. С. 153].

Будучи литературными противниками Карамзина, А.С. Шишков и С.А. Шишинский-Шихматов оказывались единомышленниками автора «Письма сельского жителя» в отрицательном отношении к идее отмены крепостного права. По их мнению, «Россия нуждается не в освобождении крестьян, а в добродетельных помещиках, заботящихся о своих крепостных» [16. С. 353].

Все вышеназванные авторы обращаются исключительно к помещику. В их сочинениях вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости не ставится. Именно помещик находится в центре внимания и является героем и адресатом всех подобных сочинений. А.А. Шишинского-Шихматова отличает от них то, что он напутствует самих крестьян, уже даровав большинству из них свободу.

Кроме того, в «Завещании» Шишинского-Шихматова есть еще немало отличий от других подобных сочинений. Так, карамзинский «сельский

житель» в соответствии с идеями Просвещения преподает крестьянам их должности и знания, необходимые для их «счастья» и для благополучия помещика, тогда как завещатель в книге Ширинского-Шихматова чужд материальных интересов, он заботится прежде всего о спасении душ поселян, внушает им страх Божий. У Карамзина и Гоголя рядом с баринном находится его единомышленник – сельский священник. У Ширинского-Шихматова помещик и духовный пастырь явлены в одном человеке. В его сочинении присутствует обширный пласт библейской лексики, библейская образность, частая цитация священных текстов. Обращает на себя внимание эпиграф из первого послания к Тимофею Святого апостола Павла. Автор, означая жанр своей книги, выбирает строки, где апостол завещает Тимофею соблюдать заповеди чисто и неукоризненно, держаться того, чему научен, ибо знакомое ему с детства Священное Писание «умудрит» его «во спасение».

В соответствии с этим А.А. Ширинский-Шихматов выступает духовным наставником, адресатом же его книги являются крестьяне. «Указание человеку спасительного пути есть первейшее благодеяние», – отмечает автор на полях [6. С. 17]. В «Завещании» автор помещает программу и методику обучения крестьянина, детально описывает его «должности» в будни и праздники, дома и на улице, в семействе и в церкви, в земледелии и в ремеслах, в «в счастья и в несчастьи» [6. С. 28]. Опираясь на традиции жанра проповеди, адресует своим читателям (которых сам же и обучил грамоте) образ «в Боже живущаго добродетельного селянина» [6. С. 23], Цель его деятельности предстает подобной апостольской: перерождение ветхого человека в нового [6. С. 59]. В «Заключении» и «Прощании» Ширинский-Шихматов, возвращаясь к исповедальному дискурсу, испрашивает у селян прощения в своих проступках и надеется в будущей жизни на такое же близкое соединение с крестьянами (называя их детьми, друзьями и братьями), «какое имеет теперь» с ними [6. С. 66].

Таким образом, рассмотрение книги в контексте близких ей по проблематике произведений выявляет авторскую позицию в «Завещании», отличную от точки зрения А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина и других на крепостное право и предназначение русского помещика.

В итоге приведенные в статье сведения из библиографии и публицистики того времени, факты биографии, идейная позиция создателя «Завещания» могут служить доказательством того, что приписываемое книге авторство А.С. Шишкова является ошибочным. Ее автор – князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (?–1848), подписывавший свои произведения *А.Ш.*

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 3. Л. : Наука, 1972. 543 с.
2. Сартаков Е.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: помещик и крестьянин // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2013. № 3. С. 57–71.
3. Сартаков Е.В. Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М. : ЛЕНАНД, 2014. 128 с.
4. Сапченко Л.А. Тема «русского помещика» в «Селе Степанчикове ...» Ф.М. Достоевского: пародийно-poleмические аспекты // Libri Magistri. Научный рецензируемый журнал. 2015. Вып. 1: Литературный процесс: историческое и современное измерения. С. 76–83.
5. Берте Н. Завещание моим крестьянам, или нравственное им наставление. Москва, 1838, 81 стр., в 8 д.л. // Журнал министерства народного просвещения. 1839. Ч. XXII. Отделение VI. Обзорение книг и журналов. Новые книги, изданные в России. С. 1–10.
6. Ширинский-Шихматов А.А. Завещание моим крестьянам или Нравственное им наставление. СПб. : В типографии Министерства Государственных имуществ, 1843. 67 с.
7. Материалы для истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия. Из переписки братьев Ширинских-Шихматовых. Свящ. Василия Жмакина. СПб. : Тип. А. Катанского и К°, 1890. [4], 242 с.
8. Стоюнин В.Я. Исторические сочинения : в 2 ч. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1880–1881. Ч. 1. 371 с.
9. Ширинский-Шихматов А.А. Завещание моим крестьянам или Нравственное им наставление. М. : В Университетской тип., 1838. 83 с.
10. Биография князя Павла Александровича Ширинского-Шихматова, почетного директора богоугодных заведений, уездного судьи и члена тюремного комитета, в городе Можайске. М. : Унив. тип., 1848. [2], VI, 130 с.
11. О цели и способе учения в крестьянской школе князей Шихматовых-Ширинских. Из письма к редактору // О всенародном распространении грамотности в России на религиозно-нравственном основании. Книжки I, II, III, IV. Изд-е 2-е от Императорского Московского общества сельского хозяйства. М. : В университетской типографии, 1849. С. 65–92.
12. Ширинский-Шихматов С.А. Сельский житель (1814 год, месяц цветень). СПб. : При Императорской Академии наук, 1814. 15 с.
13. Аксаков С.Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М. : ГИХЛ, 1955. С. 266–313.
14. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова : в 2 т. Изд-е И. Киселева и Ю. Самарина. Т. II. Берлин : В. Behr's Buchhandlung, 1870. IV, [4], 464, [3] с.
15. Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. XII. СПб. : В типографии Императорской российской академии, 1828. [4], III, [1], 361 с.

16. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России. Т. 1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. [6], LIV, 517, [7] с.

References

1. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.

2. Sartakov, E.V. (2013) “Vybrannye mesta iz perepiski s друз’ями” N.V. Gogolya: pomeshchik i krest’yanin [“Selected passages from correspondence with friends” by Nikolay Gogol: A landowner and a peasant]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 3. pp. 57–71.

3. Sartakov, E.V. (2014) *Konservativnaya ideologiya v publitsistike Gogolya i russkoy zhurnalistike 1840-kh godov* [Conservative ideology in Gogol’s journalism and Russian journalism of the 1840s]. Moscow: LENAND.

4. Sapchenko, L.A. (2015) Tema “russkogo pomeshchika” v “Sele Stepanchikove ...” F.M. Dostoevskogo: parodiyno-polemicheskie aspekty [The theme of the “Russian landowner” in “The Village of Stepanchikovo...” by Fyodor M. Dostoevsky: parodic and polemical aspects]. *Libri Magistri*. 1. pp. 76–83.

5. Berthe, N. (1839) *Zaveshchanie moim krest’yanam, ili npravstvennoe im nastavlenie*. Moskva, 1838, 81 str., v 8 d.l. [Testament to my peasants, or moral instruction to them. Moscow, 1838, 81 pp., 8 pages]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 22. pp. 1–10.

6. Shirinskiy-Shikhmatov, A.A. (1843) *Zaveshchanie moim krest’yanam ili Npravstvennoe im nastavlenie* [Testament to my peasants or moral instruction to them]. St. Petersburg: Ministry of State Property.

7. Zhmakina, V. (ed.) (1890) *Materialy dlya istorii russkoy bogoslovskoy mysli tridsatykh godov tekushchego stoletiya. Iz perepiski brat’ev Shirinskikh-Shikhmatovykh* [Materials for the history of Russian theological thought of the 1830s. From the correspondence of the Shirinsky-Shikhmatov brothers]. St. Petersburg: A. Katansky i K°.

8. Stoyunin, V.Ya. (1881) *Istoricheskie sochineniya* [Historical Works]. Vol. 1. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

9. Shirinskiy-Shikhmatov, A.A. (1838) *Zaveshchanie moim krest’yanam ili Npravstvennoe im nastavlenie* [Testament to my peasants or moral instruction to them]. Moscow: V Universitetskoy tip.

10. Anon. (1848) *Biografiya knyazya Pavla Aleksandrovicha Shirinskogo-Shikhmatova, pochetnogo direktora bogougodnykh zavedeniy, uездного sud’i i chlena tyuremnogo komiteta, v gorode Mozhayske* [The biography of Prince Pavel Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov, honorary director of charitable institutions, district judge and member of the prison committee, in the city of Mozhaisk]. Moscow: Univ. tip.

11. Anon. (1849) O tseli i sposobe ucheniya v krest’yanskoy shkole knyazey Shikhmatovykh-Shirinskikh. Iz pis’ma k redaktoru [On the purpose and method of teaching in the peasant school of the Shikhmatov-Shirinsky princes. From a letter to the editor]. In: *O vsenarodnom rasprostranenii gramotnosti v Rossii na religiozno-npravstvennom osnovanii* [On the nationwide spread of literacy in Russia on a religious and moral basis]. 2nd ed. Moscow: V universitetskoy tipografii. pp. 65–92.

12. Shirinskiy-Shikhmatov, S.A. (1814) *Sel'skiy zhitel' (1814 god, mesyats tsveten')* [A Villager (April, 1814)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

13. Aksakov, S.T. (1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: GIKhL. pp. 266–313.

14. Shishkov, A.S. (1870) *Zapiski, mneniya i perepiska admirala A.S. Shishkova. Izd-e I. Kiseleva i Yu. Samarina* [Notes, opinions and correspondence of Admiral A.S. Shishkov. Published by I. Kiselev and Y. Samarin]. Vol. 2. Berlin: B. Behr's Buchhandlung.

15. Shishkov, A.S. (1828) *Sobranie sochineniy i perevodov admirala Shishkova Rossiyskoy imperatorskoy akademii prezidenta i raznykh uchenykh obshchestv chlena* [Collection of works and translations of Admiral Shishkov of the Russian Imperial Academy of the President and various member scientific societies]. Vol. 12. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

16. Semevskiy, V.I. (1888) *Krest'yanskiy vopros v Rossii* [The Peasant Question in Russia]. Vol.1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.

Информация об авторе:

Сапченко Л.А. – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). E-mail: ssj-sla@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.A. Savchenko, Dr. Sci. (Philology), professor, Ulyanovsk State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: ssj-sla@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.07.2021;
одобрена после рецензирования 16.10.2022; принята к публикации 16.10.2023*

*The article was submitted 27.07.2021;
approved after reviewing 16.10.2022; accepted for publication 16.10.2023*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/33/3

ВИЗУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА В «СОБРАНИИ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ»

Ксения Алексеевна Поташова¹

¹ *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный университет просвещения»,
Москва, Россия, kseniaslovo@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрены символическая метафора как механизм конструирования визуального образа в батальной поэзии 1810-х гг. и смысловая составляющая созданного образа. Выявлены источники визуальной образности батальной поэзии, коррелирующие с мировоззренческими основаниями и творческими концепциями авторов. Материалом для исследования послужили батальные образы из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». Установлено, что основной пласт метафоры «Собрания...» составляют зооморфные образы, выступающие ведущей номинацией для обозначения обобщенного образа французского неприятеля или самого Наполеона Бонапарта.

Ключевые слова: баталистика, поэтика визуального образа, метафора, апокалиптические мотивы, Г.Р. Державин, «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», древнерусская литература

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта № МК-2134.2022.2. Совет по грантам Президента Российской Федерации.

Для цитирования: Поташова К.А. Визуальная метафора как средство создания образа врага в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 44–64. doi: 10.17223/23062061/33/3

Original article

VISUAL METAPHOR AS A MEANS OF CREATING THE IMAGE OF THE ENEMY IN *THE COLLECTED VERSES RELATED TO THE UNFORGETTABLE 1812*

Ksenia A. Potashova¹

¹ *Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation, kseniaslovo@yandex.ru*

Abstract. The study aims to consider symbolic metaphor as a mechanism for constructing a visual image in the battle poetry of the 1810s and to clarify the actual

semantic component of the created image. To reach the aim, the author identifies the sources of battle poetry's visual imagery that correlate with worldview foundations and creative concepts, and reveals the poetic mechanisms for creating a visual image. The novelty of the study is connected with the consideration of the battle poetry of the period of the Patriotic War of 1812 in the aspect of the originality of the artistic image, with the clarification of the genesis of the visibility of verbal battles. The material for the study was the *Collected Verses Related to the Unforgettable 1812*, which attracts attention as a source for studying the poetics of the visual image in battle studies. Battle images from the *Collected Verses* are considered in comparison with the figurative system of the ancient Russian military narrative. The author shows that, in the aspect of visibility, the poetic system of the *Collected Verses* is closest to the poetics of medieval Russian literature, the works created at different times are united by a system of axiological coordinates, a strong patriotic sound. The aspiration of the poets of 1812 to medieval Russian literature is explained by the search for similar trials and a spiritual path to overcome them. The author infers that the detailed artistic pictures based on the use of the original metaphorical nomination of the key concepts for battle poetry – war, peace, Russian warrior, enemy – became the poetic tool for creating morale-raising pathos in the *Collected Verses*. The main metaphors of the *Collected Verses*, with their bright and visible forms, are zoomorphic images; they designate the generalized image of the French enemy or Napoleon Bonaparte. The author establishes that metaphor in the poetry of the Patriotic War of 1812 is the most suitable tool to make verses clear and visible for comprehending the full depth of the meaning of the unfolding events. The author concludes that the visual metaphorical images of representing the opposition of the Russian army and the enemy force developed in the *Collected Verses* have a pronounced theological nature, corresponding to the main intentions of the collection, associated with the rise of patriotic sentiments. A systematic analysis of the metaphors used to create a battle image shows that metaphorical images of the enemy and enemy actions in the battle poetry of the 1810s, built on the basis of the model of oratorical constructions from the ancient Russian military narrative, go back to the New Testament Revelation of John the Theologian, which provided the basis for the formation of a visual-symbolic formula for designating the enemy as a snake-like creature.

Keywords: battle studies, poetics of visual image, metaphor, apocalyptic motifs, G.R. Derzhavin, *Collected Verses Related to the Unforgettable 1812*, medieval Russian literature

For citation: Potashova, K.A. (2023) Visual metaphor as a means of creating the image of the enemy in the *Collected Verses Related to the Unforgettable 1812*. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 44–64. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/3

На 1810-е гг. пришелся переходный этап в развитии поэтической системы русской баталистики, характеризующийся, с одной стороны, следованием одическим принципам классицизма как эталонной системе для воспевания героической личности и воинской славы, с другой – постепенным отказом от канонов батальной оды, движением по пути творческой оригинальности.

Изменения в художественной системе батальной поэзии определяются возникшими в русском обществе идеями, вызванными историческим катаклизмом, каким воспринималась Отечественная война 1812 г., обусловившая обострение вопросов об исторической миссии России, служении Отечеству, корреляции земной жизни и следования божественным законам. Литературным памятником, который отражает всю глубину понимания человеком своего Отечества, «проясняет особенности русского образа мира» [1. С. 183], стало «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», изданное в двух томах в Москве в 1814 г. Сборник включает в себя лирические отклики маститых поэтов, среди которых Г.Р. Державин, В.А. Жуковский и К.Н. Батюшков, поэтов-представителей «Беседы любителей русского слова», «Общества любителей российской словесности», а также неизвестных поэтов-любителей из среды военных, духовенства, купечества.

В последнее десятилетие «Собрание...» оказалось под пристальным взглядом литературоведов. И.А. Айзиковой сделаны обобщающие выводы о месте антологии в историко-литературном процессе, его «историко-патриотической тематике и пафосе входящих в него произведений» [2]. К.В. Анисимов обратился к вопросам атрибуции, текстологии и эдиции стихотворений [3], А. Бодрова установила составителя сборника [4]. Были решены и более частные задачи, связанные с выявлением отдельных источников стихотворений [5], установлением особенностей поэтического изображения в произведениях событий войны [6] и пути создания образа Наполеона [7]. При этом художественное своеобразие «Собрания» не получило подробного освещения, хотя ряд наблюдений заслуживают внимания и составляют методологическую базу для дальнейших обращений к сборнику. Так, И.А. Айзиковой предложено рассмотрение «поэтических текстов как единого метатекста» [3. С. 10] В.С. Киселевым определен «жанровый принцип расположения текстов» [5. С. 38], Н.Е. Никоновой подчеркнуто, что «отдельным мотивным комплексом антинаполеоновского мифа выступают анималистические образы, проистекающие главным образом из представления о звериной сущности антихриста» [7. С. 87]. Нами также были сделаны попытки анализа поэтического инструментария «Собрания» – «выявлен религиозный смысл мотива извергающегося вулкана» [8. С. 21]. И все же столь немногочисленных наблюдений над «Собранием» не хватает для формирования целостного представления о поэтике словесной баталистики 1810-х гг. Не установлены поэтические механизмы создания визуального образа, тогда как выявление источников зримости, коррелирующих с мировоззренческими основаниями, позволит определить место «Собрания» в историко-литературном процессе.

Издание, собравшее многочисленные поэтические отклики на самые значимые события Отечественной войны и заграничной кампании

Александра I, привлекает внимание как источник для изучения поэтики визуального образа в баталистике, своими корнями уходящей в древнерусскую словесность. Определяющие древнерусскую литературу аксиологические координаты характеризуют и объединенное общей идеей патриотизма «Собрание». Эти координаты заданы уже в самом названии первого же помещенного в издание «Гимна лиро-эпического на прогнание Французов из Отечества 1812 года во славу Всемогущего Бога, Великого Государя, верного народа, мудрого Вождя и храброго воинства Российского» Г.Р. Державина. В заголовке к поэтическому гимну Державин сообщает, кого будет прославлять, тем самым закладывает базисные для всего «Собрания» константы: «всемогущий Бог», «великий государь», «верный народ», «мудрый вождь», «храброе воинство российское» [9. С. 17]. Миссия «избранного» воинства видится поэту в решении «спора ада с небесами» [10. Т. 2. С. 295], защите христианской веры и Российской империи от внешнего врага.

Прежние классицистические категории «картинности» и «зрелищности» воспринимались в контексте баталистики 1810-х гг. как нечто отжившее. Например, В.А. Жуковский так говорит о М.В. Ломоносове и В.П. Петрове как об авторах батальных од: «Они были лишь панегиристами военачальников» [11. С. 297]. Классицистической ориентированности батальной оды на создание эффекта лирического восторга от описываемых событий и героических личностей теперь было недостаточно для выражения смыслового поля, включающего государственный, мировоззренческий, духовно-нравственный и этический аспекты. Рожденные под непосредственным, живым впечатлением от Отечественной войны 1812 г. поэтические отклики, помещенные в «Собрании», отличаются яркой эмоционально-экспрессивной окраской и по своей символической насыщенности, вмещающей настроения, ощущения и отношения человека к историческим событиям, близки к древнерусскому повествованию. Актуализация в памяти событий прошлого Древней Руси, времен героического отражения русским народом силы захватчиков-иноверцев, обусловлена поиском схожих испытаний и духовного идеала для их преодоления. Непосредственный опыт древнерусской истории, отмеченной многочисленными вражескими набегами, в том числе и на Московское княжество, становится источником для проведения аналогий с происходящими событиями 1812 г.:

Мамай с ордой татар, как волк на верный лов,
Зубами скрежеща, бежит из нырищ, гладный;
Но, развернув хоругвь свободы, на врагов
Димитрий с громами – и варвар кровожадный
Нашел не добычу, а вечный срам и смерть [9. С. 94].

Поэтическим инструментом создания поднимающей боевой дух патики в «Собрании» стали развернутые художественные картины, основанные на использовании оригинальной метафорической образности. Символический язык метафоры выступает в роли своеобразного моста между историческим, визуальным и вербальным, он способен подчеркнуть значимость тех аспектов военных событий, которые при использовании иных поэтических инструментов не могли получить должного внимания. Метафорическое поле стихотворений из «Собрания» составляют ассоциативно-образные номинации ключевых для батальной поэзии понятий – война, мир, русский воин, враг. В «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов из Отечества...» Державин создает задающий тон всем последующим произведениям образ военного сражения, в котором на языке метафоры желает отразить преломленное в поэтическом сознании эмоциональное восприятие исторического катаклизма:

А только агнец бело-рунный,
Смиренный, кроткий, но чело-перунный,
Восстал на Севере один,
Исчез змей-исполин! [9. С. 18].

В основу описанной Державиным картины битвы положен метафорический образ, организованный по принципу перенесения на качественную характеристику человека названия животного. Участником сражения, с одной стороны, выступает агнец, с другой – стада хищников. Метафорическое представление войны как битвы агнца с хищниками несколько не уменьшает силы самого русского воина. Использование образа агнца обусловлено «особыми чертами образов овцы и пастуха, делающих их подходящими источниками метафор духовной реальности» [12. С. 102]. Оригинальным авторским неологизмом «чело-перунный» создается возвышенный образ русского воина «с челом, мечущим молнии» [13. С. 922], подчеркивается данная от Перуна, славянского покровителя воинства, героическая сила. В последующих качественных характеристиках Державин подчеркивает духовное величие и христианскую добродетель, созданный поэтом образ восходит к Откровению Иоанна Богослова («Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. Они будут вести брань с Агнцем, и Агнец победит их») (Откр. 17: 13–14.) [14. С. 1685]). Подобная метафорическая картина битвы не раз встречается в «Собрании», например, в «Оде на случай войны с французами» М.И. Невзорова:

Не силой многой Бог спасает;
Он кротких агнцев возвышает
И тигров покоряет им [9. С. 42].

При том если первая часть метафорической оппозиции остается неизменной, то в качестве второй части могут выступать различные хищные животные, как то: крокодил, тигр, волк – главным при их выборе оказывается возможность оказывать губительные действия («Давно ль, о хищник, пожирал // Ты взором наши грады» [9. С. 47]).

Истоки подобной образности, апеллирующей к миру живой природы, обнаруживаются в древнерусской словесности. Одним из инструментов визуализации в поэтике древнерусской литературы являлась метафора, призванная выполнять изобразительную роль. Символической метафорой в древнерусских повествованиях заполнялось все зримое пространство, сформированный комплекс изобразительных мотивов усиливал сквозную мысль о защищенности Отечества Небесным Покровителем. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» описание сцены битвы является ярким примером визуального повествования о столкновении Мамаея, выступающего как «икноборецъ, злый христьянский укоритель» [15. Т. 4. С. 132], с православным московским воинством во главе с князем Дмитрием Донским. Описание сражения создается посредством метафоры идейно-эстетического характера, на поле боя сталкиваются птицы (орлы, под которыми разумеются русские воины) и звери (вражеская армия), а исход сражения предопределен Божьей волей: «Орли же мнози от усть Дону слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють, ждуще того дни грознаго, Богом изволенаго, въ нь же имать пасти трупа челоуеча, таково кровопролитие, аky вода морскаа. От таковаго бо страха и грозы великыа дрѣва прекланяются и трава посьстиляется» [15. Т. 4. С. 162].

В «Собрании» события Отечественной войны 1812 г., порождающие множество «впечатлений, ощущений и чувств» [16. С. 18], приобретают поэтическую оболочку с помощью языковых композиций, основанных на уподоблении врага хищнику или чудовищу, сражения – битве между животными или птицами. Типовой визуальный образ, реализованный в двух основных инвариантах «нападения хищника – столкновения животных», становится одним из основных инструментов поэтической речи авторов из «Собрания». Метафора, будучи средством сенсорным и обладающим, как указывает П. Рикёр, «живостью, наглядностью, зримостью» [17. С. 445], представляет обширное поле для ассоциаций, усиливающих образность и точность изображаемого предмета или явления, кроме того, за счет своей наглядности метафоры способствуют их глубокому зрительному восприятию и визуальному наблюдению. Звери и птицы в древнерусской литературе выступают как в роли непосредственных участников событий, несут зловещие предзнаменования («вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть» [15. Т. 2. С. 374]), так и в

метафорическом значении, основанном не на отрицательном модусе, а на качественном сравнении силы воина с силой хищника («сами скачють, акы сѣрыи вльци въ полѣ» [15. Т. 2. С. 372]). В.П. Адрианова-Перетц отмечает: «В средневековой русской литературе, как и в русском фольклоре, метафора-символ опирается чаще всего на уподобление человека и его переживаний светилам небесным, стихиям природы, миру животному и растительному» [18. С. 45]. Эту специфику метафоры, связанную с условно-символическим планом, перенимают поэты для зримого представления событий Отечественной войны 1812 г. Именно эмоционально-ассоциативный план оказывается особо значимым для понимания заложенной в «Собрании» и наделенной поэтической оболочкой идеи нахождения «русского мира в ситуации всенародной войны за освобождение Отечества» [2. С. 34].

Наиболее частым поэтическим инструментом для создания врага в «Собрании» выступает метафорический образ змееподобного существа, под ним понимается обобщенный образ неприятеля («Текут от запада злодеи разъяренны, // Как змеи ядом упоенны» [9. С. 265]) или же весьма конкретный – поэтическое изображение Наполеона Бонапарта («Где змий француз Наполеон» [9. С. 106]). К змееподобным существам, метафорично представляющим напавших на Россию французов, относятся змии (упомянуты 46 раз), драконы (17 раз), змеи (16 раз), гидры (12 раз), аспиды (2 раза), василиски (1 раз). Наряду с исконно русской номинацией «змей» («Твой мир есть отдых змея!» [9. С. 113]) в стихотворениях из сборника встречается и лексема «дракон» («дракон, иль демон змиевидный» [9. С. 17], «там медные лежат драконы» [9. С. 24], «я вижу страшного дракона» [9. С. 37]), этимологическое значение которой восходит к латинскому слову *draco* – «змей, змея» [19. С. 266], только с конца XVIII в. эта лексема входит в активное словоупотребление. В ряду номинаций змееподобных существ ведущими оказываются библейские символы. Пресмыкающиеся животные в Библии служат символами злобы и злости («Змии, порождения ехиднины!» (Мф. XXIII: 33) [14. С. 1385]), жестокости и беспощадности («Впоследствии, как змий, оно укусит, и ужалит» (Притч. XXIII: 32) [14. С. 843]), кровожадности и безжалостности («Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт. 49: 17) [14. С. 97]). Подобные эмоциональные ассоциации перенимаются поэтами для создания ярких батальных картин, змееборческий мотив в «Собрании» напрямую связан с идеями государственности. При этом каждому из этих визуальных символов сопутствуют дополнительные коннотативные значения: «змей», являясь сосредоточением враждебности и захватничества, выступает ведущей номинацией для обозначения обобщенного образа

французского неприятеля, «змий» же имеет более конкретную, персонафицированную семантику, под ним подразумевается образ посягнувшего на устройство всего мироздания Наполеона Бонапарта, воплощающего собой разрушительное начало. Разнится и генезис двух этих образов. Если змей – фольклорный «представитель злого начала» [20. С. 220], то образ змия восходит к Библии и древнерусской литературе.

Ф.Н. Глинка в своей «Солдатской песне», посвященной Смоленскому сражению, обобщенно называет врагов «злыми зверьми», далее представляет картину наступления разящей французской армии:

Враг строптивый мечет громы,
Храмов Божьих не щадит;
Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит! [9. С. 411].

Уже в самом названии стихотворения – поэтом в заглавие вынесено обозначение протяжного жанра фольклора – задается стилизация под народную песенную традицию. Образ змея как олицетворение чудовищной сверхчеловеческой силы, приносящей несчастье, в данном поэтическом контексте восходит к русскому былинному и сказочному эпосу. В фольклоре устрашающий своим видом змей ассоциировался с вероломным нашествием иноземцев, со сбором дани, с бедствиями на родной земле: «В старые годы стояла одна деревушка, повадился в ту деревушку змей летать, людей пожирать» («Змей и цыган») [21. С. 264–265], «Около Киева появился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее» («Никита Кожемяка») [21. С. 263], «Коли прилетит змей о трех головах – дай ему три коровы, коли о шести головах – дай шесть коров, а коли о двенадцати головах – то отсчитывай двенадцать коров» («Хрустальная гора») [21. С. 314], «Они пошли в такие места – в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые» («Буря-богатырь Иван коровий сын») [21. С. 218]. Значение змея в русском эпосе точно обозначил В.Ф. Миллер: «Под змеем Горынычем и вообще змеиным отродьем чувствуется какая-то сила “поганая” в религиозном смысле, неверная, враждебная христианам» [22. С. 35]. Характерным для поэтики фольклора является отсутствие целостного портрета змея – известно только то, что он, будучи чудовищем, может обладать несколькими головами, его хищная природа подчеркивается тем, что он пожирает людей, а стремительность наступления – способностью летать. Эти ассоциации накладываются на поэтический образ врага в «Собрании» – многоголовый змей выступает символом устрашающей силы, от которой «девы, старцы вопиют» [9. С. 411].

Ф. Уилрайт подчеркивает, что метафора есть результат деятельности воображения, «качественное семантическое преобразование», построенное на «усилении чувства реальности» [23. С. 82–83]. Именно поэтому буквальный язык заменяется символическим языком метафоры, базирующимся на «сходных аспектах жизни, к которым говорящий хочет привлечь внимание» [23. С. 84]. И Отечественная война 1812 г., и военные набеги в древнерусской истории связаны со стихией огня. В описаниях разорения древней Москвы в «Повести о приходе Тохтамыша-царя, и о пленении, и о взятии Москвы» вражеской силе сопутствует огонь: «И бысть оттолѣ огонь, а отселѣ мечь: овии, огня бѣжаща, мечем умроша, а друзии – меча бѣжаще, въ огни сгорѣша» [15. Т. 4. С. 200]; «И видѣша град взят, и плѣнень, и огнемъ пожженъ, и святыя церкви разорены, а людей побитыхъ трупиа мертвыхъ без числа лежаще» [15. Т. 4. С. 204]. Огненная стихия не раз подчеркивается и в воспоминаниях очевидцев Москвы 1812 года: «Из-за церкви горит огненный сноп на небе» [24. С. 11]; «как вошел Наполеон в Москву, начались пожары» [24. С. 83]; «очень разгулялся огонь, все он растет да растет; и разлился он что море» [24. С. 11]. Визуальная природа метафоры, основу которой составляет ассоциативное восприятие действительности, объясняет представленные в «Собрании» многочисленные картины нашествия дракона, сеющего «огненный дождь» [9. С. 23], являющего «огненну громаду» [9. С. 66], разливающего «огненных <...> море волн» [9. С. 297]. Метафорический образ огненного змея, связанный с захватническими войнами, с борьбой христиан с иноверцами, восходит еще к народно-поэтическим описаниям вражьей силы, с которой сталкивается Егорий Храбрый (Георгий Победоносец). В народных духовных стихах огненный змей, с которым борется Егорий, воплощает собой «устрашающую атмосферу чужеродного мира, враждебного человеку, несущего ему мучения и смерть» [25. С. 57]. Причем в фольклорной интерпретации сюжетов о Георгии Победоносце, поражающем змия («Бысть убо змий великъ во езере том, и, исходя отъ езера оногo, людей града того изыдаше. Инѣхъ же свистаниемъ уморяше, другихъ же удавляя восхищаше въ езеро. И бяше скорбь велика и плачь неутѣшимъ во градѣ томъ звѣря оногo ради» [15. Т. 3. С. 521]), наблюдается смешение образов – представления о змие накладываются на сказочный образ огнедышащего Змея-Горыныча, что связано с желанием придать образу более устрашающий вид. Если в древнерусском повествовании «Чудо со змием, бывшее со святым великомучеником Георгием» змий не использует огонь в качестве оружия, то в духовном стихе о Егории змей наделяется элементами портрета, уподобляющего его огненной стихии:

Наезжал Егорей на змея люта, вогненна.
Изо рта яво огонь, полымя,
Из ушей яво столбом дым идти –
Ни пройти Егорью, ни проехати [26. С. 19].

Огненная природа змея в духовном стихе акцентируется несколько раз. Однократного называния змея огненным («вогненна») оказывается недостаточно, далее его образ конкретизируется, огонь пышет изо рта и ушей. Уподобление змея огню метафорично представляет атмосферу иного, чуждого мира, выступающего враждебным по отношению к человеку, приносящим мучение и смерть. В «Собрании» образ огнедышащего змея или дракона, разящего все вокруг, используется в качестве символической оболочки для изображения разрушительной силы, наступление вражеской армии являет собой стихию, сосредоточенную в метафорическом образе огня. Так, В.В. Измайлов в поэтическом обращении «К московским стихотворцам на день 2-го сентября 1812 года» представляет неприятеля в образах чудовищной «гидры стоглавой», раскрывающей свой огромный зев, и кровожадного дракона, истребляющего все на своем пути:

С пристани гонит дракон кровожадный
Нас, песнопевцев, и с мудрыми вдруг
Все на полете разит беспощадный –
До царства наук [9. С. 283].

В метафорических уподоблениях врага змеем и дракону поэты создают подчеркнуто обобщенный образ лютого зверя, отсюда и его представления как о существе многоголовом или в разы превышающим обычный человеческий рост, обладающим исполинской силой. Метафорическим представлением Наполеона становится не змей, а змий, который мог шипеть и ползать подобно змее и реже мог быть наделен возможностью летать и порождать пламя как фольклорный образ Змея-Горыныча. Так, Державин уподобляет Наполеона змию ползающему («Шипит, крутит хребет, хвост в кольца вьет – // И сколько змий сей ни ужасен // Но поползок его тем паче страшен» [9. С. 24]), тогда как С.А. Ширинский-Шихматов в своем отклике «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского» с заметным эмоциональным накалом сравнивает вихрь исторических потрясений с чудовищной силой Наполеона, представленного в образе огнедышащего змееподобного существа: «Страшен, как буря, бросил перуны // В челюсти змия пламенны, дымны, // Алчно разверсты Север пожрать» [9. С. 345].

Разграничение змееподобных существ – змея и змия – принципиально важно. Змей – это «существо огневое» [27. С. 216], поборник, поглотитель и разрушитель. Змии, гидры, василиски и аспиды – «это ядовитые змеи,

упоминаемые в Библии» [28. С. 212], они разрушают устои миропорядка. Частотность употреблений змия объясняется глубоко символической природой, восходящей к библейскому значению, – такое обличье принимает злой дух, враг рода человеческого. Примечательно, что в используемой до начала XIX в. Елизаветинской Библии на церковнославянском языке употреблялась только лексема «змий», именование «дракон» отсутствовало: «Михаиль и Ангели его брань сотвориша со зміємъ, и змій брася и аггели его, и не возмогоша, и мѣста не обрѣтесе имъ ктому на небеси. И вложенъ бысть змій великій, змій древній, нарицаемый діаволь и сатана, лстыя вселенную всю, и вложенъ бысть на землю, и аггели его съ нимъ низвержени быша» [29. Стб. 454]. В синодальном переводе Нового Завета, выполненного впервые в 1822 г., церковнославянскому наименованию змееподобного существа, искушающего человека, уже соответствуют два обозначения, находящихся в синонимических отношениях – змий и дракон: «И низвержень большой драконъ, древній змій, который называется діаволь и сатана, обольститель всей вселенной» [30. С. 795]. С этим же коннотативным значением связано именование Наполеона драконом в «Оде на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П.В. Голенищева-Кутузова:

Я вижу страшного дракона,
Парящего в огнистой мгле;
На нем железная корона,
Смерть, ужас носит на челе [9. С. 37].

Автор персонифицирует настигшего Россию дракона, изображает его с железной лангобардской короной, которой Наполеон был в 1805 г. возведен на престол Итальянского королевства. При этом использованная формула «я вижу» здесь не подразумевает конструирование реальности, готовой модели для создания поэтической картины, но предполагает умственный, провидческий взгляд в восприятии окружающего.

Древнерусской литературе образ змия был известен еще с XI в. и, как указывает Н.В. Трофимова, «эта метафора отнесена к людям лукавым, неправедным, замышляющим ложь в сердце своем, что вполне соответствует образу татарского хана» [31. С. 112]. В «Изборнике» 1073 г. такие существа именуются ехиднами («А якоже то есть истина, учять ны доброе житѣ прѣпроводивъшии и отъ такихъ никогоже не врѣдивъшесе, акы Даниль отъ львовъ и Павль отъ ехиднь» [15. Т. 1. С. 190]) и змиями («Слово бо акы змии есть, на диавола же иноречнь змьемъ нарицаема разумѣваемъ» [15. Т. 1. С. 192]). Искони змий – постоянный антагонист, победа над которым обладает символическим значением, заложенным

еще в битве Георгия Победоносца, являющегося покровителем христианского воинства, со змием: «И абие силою Божию и великого мученика и страстотерпца Христова Георгия паде под колѣнными ногъ его страшный онъ змий» [15. Т. 3. С. 524].

Вс.Ф. Миллер объясняет, что подвиг змееборца «носит не только национальный, но как бы религиозный характер: былевой герой <...> освобождает христиан» [22. С. 42]. Герой-змееборец, изображаемый и в дальнейших воинских повествованиях, побеждая дракона, утверждает торжество православия над иноверцами, пришедшими на Русь. Так, в «Летописной повести о Куликовской битве» Мамай, покоряющего русские земли, князь Дмитрий Донской сравнивает со змием: «Сий же, Господи, приходяще, аки змий к гнѣзду окаанный Мамай, нечистый сыроядецъ, на христианство дрѣзнуль и кровь мою хотя прольяти, и всю землю осквернити, и святыя церкви Божия разорити» [15. Т. 3. С. 120]. Змии как «русския земли губители» появляются и в «Казанской истории»: «Преже мѣсто то было издавна гнѣздо змиево, всѣм жителем земли тоя знаемо. Живяху же ту, въ гнездѣ, всякия змии и единъ змий, великъ и страшень, о двоиу главахъ: едину главу змиеву, а другую волову. И единою главою челоуѣки пожираше и звѣри и скоты, а другою главою траву ядыаще» [15. Т. 6. С. 324]. Представления о змии в древнерусской литературе объединяются в образ врага нечестивого, нападающего на христиан, результатом нападения оказываются страшные разрушения: «И видѣти его нѣчего, развѣ токмо земля, и персть, и прах, и пепел, и трупиа мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояще аки разорены, аки осиротѣвши, аки овдовѣвши» [15. Т. 4. С. 200]. Сама картина разрушения Москвы от Тохтамыша открывается отрицанием возможности видеть – отсутствует то, на что можно смотреть, остались только «осиротевшие» и «овдовевшие» храмы, которые, чтобы быть основой мироздания, нуждаются в человеке. Подобный образ русской земли, поруганной звериной вражеской силой, получает развитие в баталистике начала XIX в. Д.П. Глебов, непосредственный участник Отечественной войны 1812 г., в стихотворении «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» зримо представляет нашествие Наполеона на Москву:

Как змий, по стогнам враг извился,
Повсюду яд его излился,
И смрад разнесся по следам!..
Земля и небо вдруг пылали,
И огонь и меч в дыму сверкали,
Все рушилось... и дом и храм! [9. С. 118].

В развернутой метафоре образ врага, сотрясшего небо и землю, приобретает вселенский масштаб, представляется «явлением христианской метафизики» [8. С. 24], неслучайно автор акцентирует разрушительную силу этой стихии – уничтожен сам образ мира человека («и дом и храм»). Городское пространство изображается в ярко выраженном апокалиптическом свете. Представленные во всем «Собрании» ораторские конструкции представляют землю, охваченную огнем («Мещет из меди молний пожары; // Тьмы сопостатов землю грызут» [9. С. 346]), следствием чего становится обращенные в пепел дома и храмы («Святые храмы, грады, селы // Разграбил, в пепел превратил» [9. С. 62]; «Под пеплом в дыме зрю Москву» [9. С. 17]). Визуальное акцентирование отсутствия дома и храма семантически связано с разрушением модели мироздания, нарушением гармонии бытия человека. Державин, обладающий особой эсхатологической восприимчивостью, в «Гимне лиро-эпическом на прогнание Французов», явившимся «первой поэтической историей войны между Россией и Францией» [32. С. 168], сопрягает силу всеразрушающего исторического вихря с картинами новозаветного Апокалипсиса. Поэтическую апокалиптику Державина составляет образ изшедшего «из бездн» Антихриста – зверя («Дракон, иль демон змиевидный» [9. С. 17]), в образе которого предстает Наполеон и его действия, нарушающие ось вселенной:

Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт,
И движут ось вся вселенны.
Беруть все смертные смятенны [9. С. 18].

Метафорический образ змия занимает в творчестве поэта особое место, к этой метафоре как средству символического и иллюстративно-дидактического характера Державин обращается в своих произведениях религиозно-этического характера. Поэта занимают размышления о бытии человека, полнота которого возможна только «в созерцании Божества» [33. С. 96]. Человека, противящегося сопричастности к Богу, подверженного искушению, Державин изображает обреченным на вечные муки: «Такая жизнь – не жизнь, – но яд: // Змея в груди, геенна, ад // Живого жрет» [10. Т. 1. С. 72]. Аналогичный смысл выражают и другие оценочные суждения: «И черный змий то сердце гложет, // В ком зависть, злость и лесь живет» [10. Т. 1. С. 370]; «Как змий, он ползая шипит; // Душа, коварством напоенна» [10. Т. 1. С. 371]. В контексте политических событий образ змия-искусителя в поэтических размышлениях о самооболащивании человека, его псевдобогоравности появился у Державина еще до наполеоновского нашествия. В оде «На Мальтийский орден» (1798) поэт, осмысляя

произошедшую Французскую революцию, создает аллегорическую картину порождения безверия, представленного в образе гидры:

Безверья гидра проявилась
Родил ее, взлелеял Галл;
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищем он стал! [10. Т. 2. С. 216].

«Безверья гидр<u>»» поэт видит причиной «известного явления французской революции» [10. Т. 2. С. 216], соглашаясь в этом с позицией Императора Павла, который в рескрипте Ф.Ф. Ушакову так охарактеризовал французов: «...буйный народ, истребивший в пределах своих веру и Богом установленные законы» [10. Т. 2. С. 216]. Апогеем идеи самообольщения становится приведший свое войско Наполеон: «Открылась тайн священных дверь! // Исшел из бездн огромный зверь» [9. С. 17]. Его приход представлен Державиным как истинное бедствие сродни бедам после трубных голосов ангелов: «Его летящи легионы // Затмили свет...» [9. С. 19]; «Кровавы вслед моря струились // И заревы по небу рдились...» [9. С. 19]. Державин, объясняя проведенные аналогии между нашествием Наполеона на Москву и приходом Антихриста, подчеркивает отсутствие у французов определенных представлений о христианстве: «Разврат, соблазн, нечестие и само безбожие Французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в Истории самых давних веков Христианства» [9. С. 35]. Религиозный скептицизм Наполеона, подчеркивающийся его современниками (как то указывает Ж. де Сталь: «Неоднократно в присутствии множества людей он признавался в абсолютном отсутствии у него религиозных чувств» [34. С. 55]), обусловил появление у Державина символического образа, представляющего императора как «таинственных чисел зверя» [9. С. 25], и объяснение победы над ним как «предначертание в последней книге Священного Писания» [35. С. 103].

При столь развитой символической метафоре, представляющей врага в образе змееподобного существа, собственно змееборческий мотив не получает в «Собрании» дальнейшего развития в сценах поражения. Развернутых описаний битвы с французами поэты не создают, они заменены торжеством русского воинства. Победа над врагом в символической оправе выражается в низвержении змееподобного существа: «В ад сверглись громом с Князем бездны, // Которым трепетал свод звездный» [9. С. 18]; «Мгновенно молнии ударом // Химеру, суцу в гнев яром, // С небес свергает в дно морей» [9. С. 382]; «Галлы низверглись тысящами, тьмами: // Тако, пред вихрем зыблясь, дубравы // С шумом и треском падают в дол!» [9. С. 345]; «Все жалы змий притуплены, // Дракон

повержен, связан, скован» [9. С. 383]. Такая визуально-символическая оболочка представления вражеского поражения весьма традиционна для русского эпоса. В связи со змееборческим мотивом В.Я. Пропп указывает: «Мы ожидаем, что бой, как кульминационный пункт всей сказки, будет описан с подъемом, с деталями, подчеркивающими силу и удаль героя. Но это не в стиле русской сказки» [27. С. 221]. Отсутствуют развернутые описания кровопролитий и в древнерусском повествовании, в котором наиболее точно передана сама природа русского воина. Богоносное русское воинство не творит бесчинств, не преследует цель уничтожения врага, главная его миссия видится в защите земли Русской. В этой связи древнерусский книжник подчеркивает милостивое отношение русского воина к врагу: «О Бозѣ укрьпився и удари на нихъ, и тако милостию Божию овых уби, а иных живых поима, а инии побѣгоша, и прибѣжаша к царю, и повѣдаша ему бывшее. Он же с того попудися и оттолѣ начать помалу поступати от града» [15. Т. 4. С. 204]. Такое понимание войны обуславливает отсутствие описаний кровопролитий как в древнерусской воинской повести, так и в «Собрании».

Важно отметить и то, что змей, змий, дракон не являются собственно физически осязаемыми врагами, а выступают принятой дьяволом внешней оболочкой. И.А. Киселева пишет: «...дьявол принимает облик змея, но именно облик, тогда как сам по себе змей находится вне каких-либо этических координат» [36. С. 80]. Испытание дьявольской силой не допускается без ведения Господа, ограничивающего искустельную силу до того, сколь может ее испытать человек. Святитель Григорий Богослов писал: «Зло не имѣть ни особой сущности, ни царства. <...> Оно есть наше дѣло и дѣло лукаваго, и произошло въ насъ отъ нашего нераденія, а не отъ Творца» [37. С. 573]. Соотнося вражеские вторжения с приходом Антихриста на русскую землю, человек задавался вопросом о духовных причинах наступления исторического катаклизма. Для православного сознания защита земли от врага неотделима от идеи спасения души, отсюда причины происходящего человек стремится найти внутри себя, обратить умные очи на Небо. В древнерусской «Повести о нашествии Едигея» приход на «православный людъ» кровожадных зверей, подстрекаемых «отцомъ ихъ Сатаной», объясняется как путь к смирению: «За умножение бо грѣхъ нашихъ смирилъ ны Господь Богъ предъ врагы нашими. <...> Тако бо, наказая насъ, Господь низложи гордыню нашу» [15. Т. 4. С. 252]. К смирению призывает современников и архиепископ Августин (Виноградский) в «Воззвании к жителям Москвы», произнесенном в 1812 г.: «Въ гromaхъ гнева Божія возчувствуйте оживляющіе насъ лучи чудесныя благодати Его. Во смирении души съ сыновнею любовію облобызайте отечественную руку Его» [38. С. 57]. В «Собрании» поэты видели причину происходящего в

обрушившемся гневе Божьем на русскую землю: «Как Божий гнев, шел грозно за врагами! // Со всех сторон дымились небеса!» («Князю Смоленскому» [9. С. 84]); «О зрелище, достойно слез! // Се казнь разгневанных Небес!» («Ода на новый 1813-й год» [9. С. 97]); «И се во гневе Бог и в милостях богатый, // Россиян поразя, простер к ним щедрю длань» («На разрушение Москвы» [9. С. 112]). М.В. Яковлев, выявляя особенности восприятия наступления Антихриста в православии, подчеркивает: «Апокалипсис переживался русской религиозной душой <...> как откровение о Богоземле, Богочеловеческом Единстве, Всеединстве, основанном на вере в Спасителя и осознании Сущности Бога как Любви» [39. С. 7]. По милости Божьей обрушившаяся стихия была понята как вразумление к возвращению к истине и правде, дьявольские силы повержены и одержана победа: «Не кровь ли ваша возопила, // На милость Бога преклонила, // И Он спасенье нам послал?» [9. С. 186]. При этом апокалипсический мотив сменяется «мотивом райского мира» [40. С. 120], восставшая от разорений и торжествующая Русская земля зримо представляется в традиции древнерусской словесности с ее растительными метафорами: «Сады и нивы плод дадут, // Моря чрез горы длань прострут, // Ключи с ключами сожурчатся, // По рощам песни отгласятся» [9. С. 32–33].

М. Мюллер, говоря о силе метафоры, заключил: «Человек независимо от его желания был вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог обуздать своей поэтической фантазии, а скорее потому что должен был напрячь ее до крайней степени, чтобы найти выражение для всех возрастающих потребностей своего духа» [41. С. 443]. Именно метафора в поэзии периода Отечественной войны 1812 г. стала наиболее подходящим инструментом для внесения в поэтическую речь баталистики ясно-наглядности, необходимой для постижения всей глубины смысла разворачивающихся событий истории. Выработанные в «Собрании» визуальные метафорические образы представления ключевой для батальной поэзии оппозиции русского воинства и вражеской силы имеют ярко выраженную теологическую природу, отвечающую основным интенциям сборника, связанным с подъемом патриотических настроений. Основной пласт метафорики «Собрания», характеризующийся яркостью и зримостью формы, составляют зооморфные образы, выступающие ведущей номинацией для обозначения обобщенного образа французского неприятеля или самого Наполеона Бонапарта. Построенные с опорой на модель ораторских конструкций из древнерусского воинского повествования, метафорические образы врага и вражеских действий в баталистике 1810-х гг. восходят к новозаветному Откровению Иоанна Богослова, давшему основу для образования визуально-символической формулы обозначения неприятеля как змееподобного существа. Апеллирование поэтов к системе художественных образов, являющихся частью православной

культуры, связано с поиском истинных причин наступившего России бедствия, обращением к духовной сфере бытия, осознанием ценности человека в смиренном приятии воли Божьей.

Список источников

1. Киселева И.А. Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века: к вопросу о патриотизме Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 4. С. 182–187.
2. Айзикова И.А. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 31–41.
3. Анисимов К.В. Проблемы научного издания памятников «массовой» словесности XIX века («Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 23–35.
4. Бодрова А. Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 6(118). С. 158–167.
5. Киселев В.С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1(1). С. 35–51.
6. Айзикова И.А. Дунайская армия и Отечественная война 1812 г. в интерпретации авторов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814): исторические факты и социальная мифология // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3 (3). С. 8–25.
7. Никонова Н.Е. Образы Наполеона в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (в рамках проекта по переизданию антологии) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2 (2). С. 78–90.
8. Поташова К.А. Образ пылающего вулкана в сознании очевидцев пожара Москвы 1812 года // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 3. С. 21–34.
9. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: Юбилейное издание. М. : Языки славянской культуры, 2015. 640 с.
10. Державин Г.Р. Сочинения : в 9 т. / под ред. Я.К. Грота. СПб. : Императорская Академия наук, 1864–1871.
11. Жуковский В.А. Конспект по истории русской литературы // Труды отдела новой русской литературы Института русской литературы» (Пушкинский дом). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 295–312.
12. Кондратьева О.Н. Метафорика религиозного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10 (365). С. 101–106.
13. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000.
14. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. М. : Российское библейское общество, 2010. 1690 с.
15. Библиотека литературы Древней Руси : в 19 т. / под. ред. Д.С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997.
16. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 5–33.
17. Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 435–456.
18. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 188 с.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Русский язык; Медиа, 2007.
20. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1991. 736 с.
21. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 1. М. : Наука, 1984–1985.
22. Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М. : Тип. т-ва Кушнерев и К^о: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1892. 232 с.
23. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры : сб. / общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 82–110.
24. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Т. Толычевой (Е.В. Новосильцевой). М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 115 с.
25. Петров А.М. Сюжетные функции огненной стихии в русской народно-православной культуре // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 48–64.
26. Якушкин П.И. Собрание песен П.В. Киреевского. Записи 1847 г. Сказки. Пословицы. Комедия. М. : РГБ, 2012. 258 с.
27. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 370 с.
28. Кириллин В.М. «Арголаи» и «лѣнии лѣви» Александра Македонского: о трудностях перевода на русский язык славянского жития пророка Иеремии // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 3. С. 200–235.
29. Библия, сиречь книги Священного Писания, Ветхого и Нового Завета : в 4 т. Т. IV. СПб. : Синодальная типография, 1751.
30. Одиннадцать посланий апостольских и откровение святого Иоанна Богослова. На славянском и русском наречии. СПб. : В тип. Ник. Греча, 1822. С. 645–820.
31. Трофимова Н.В. Поэтика древнерусского воинского повествования. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2017. 276 с.
32. Гузаиров Т. Становление поэтического канона официальной истории: «неприятные» события в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 168–177.
33. Киселева И.А. О смысловой цельности дефинитивного текста поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1839) // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 91–106.
34. Сталь Ж. Десять лет в изгнании. СПб. : Изд-во Сергея Ходова, 2017. 471 с.
35. Кошелев В.А. Гимн «на прогнание», или «Апокалипсис преложить» (о поэтике позднего Г.Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 89–106.
36. Киселева И.А. Творчество М.Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. 2-е изд., испр. и доп. М. : Моск. гос. обл. ун-, 2017. 178 с.
37. Григорий Богослов. Слово 40. На Святое Крещение // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольскаго : в 2 т. СПб. : Издательство П.П. Сойкина, 1912. Т. 1. С. 544–575.
38. Августин (Виноградский). Сочинения Августина, архиепископа Московского и Коломенского. СПб. : Кораблев и Сиряков, 1856. 239 с.
39. Яковлев М.В. Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века. Орехово-Зуево : Гос. гуманист.-технол. ун-т, 2021. 300 с.
40. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 1. С. 111–129.
41. Müller M. Das Denken im Lichte der Sprache. Leipzig, 1888. 635 p.

References

1. Kiseleva, I.A. (2012) Rol' sobytiy voyny 1812 goda v formirovanii imperskikh nastroyeniy russkogo obshchestva pervoy trety XIX veka: k voprosu o patriotizme Lermontova [The role of the War of 1812 in the formation of imperial sentiments of Russian society in the first third of the 19th century: On Lermontov's patriotism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 4. pp. 182–187.
2. Ayzikova, I.A. (2013) Historical-literary significance of “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 31–41. (In Russian).
3. Anisimov, K.V. (2017) Problemy nauchnogo izdaniya pamyatnikov “massovoy” slovesnosti XIX veka (“Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu”) [Problems of academic publication of “mass” literature in the 19th century (“The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 23–35.
4. Bodrova, A. (2012) Kto zhe byl sostavitелем “Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu”? [Who compiled “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(118). pp. 158–167.
5. Kiselev, V.S. (2012) Ideologicheskii kontekst “Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” (stat'ya pervaya) [Ideological context of “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812” (Article One)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(1). pp. 35–51.
6. Aizikova, I.A. (2015) Dunayskaya armiya i Otechestvennaya voyna 1812 g. v interpretatsii avtorov “Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” (M., 1814): istoricheskie fakty i sotsial'naya mifologiya [The Danube Army and the Patriotic War of 1812 in the interpretation of the authors of “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812” (Moscow, 1814): Historical facts and social mythology]. *Biblioteka zhurnalov Rusin*. 3(3). pp. 8–25.
7. Nikonova, N.E. (2012) Obrazy Napoleona v “Sobranii stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu” (v ramkakh proekta po pereizdaniyu antologii) [Images of Napoleon in “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812” (as part of the anthology reprint project)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2(2). pp. 78–90.
8. Potashova, K.A. (2017) The blazing volcano in the witnesses' minds of the fire of Moscow in 1812. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 15(3). pp. 21–34. (In Russian).
9. Aizikova, I.A. (ed.) (2015) *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu: Yubileynoe izdanie* [The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Derzhavin, G.R. (1864–1871) *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 vols]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
11. Zhukovskiy, V.A. (1948) Konspekt po istorii russkoy literatury [Abstract on the history of Russian literature]. In: *Trudy otdela novoy russkoy literatury Instituta russkoy literatury* [Proceedings of the Department of New Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 295–312.
12. Kondratieva, O.N. (2015) Metaforika religioznogo diskursa [Metaphors of religious discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10(365). pp. 101–106.
13. Vinogradov, V.V. (ed.) (2000) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 volumes]. Moscow: Azbukovnik.

14. *The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. Synodal translation. Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo.
15. Likhachev, D.S. et al. (1997) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [The library of Old Rus' literature]. St. Petersburg: Nauka.
16. Arutyunova, N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–33.
17. Ricoeur, P. (1990) *Zhivaya metafora* [The living metaphor]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 435–456.
18. Adrianova-Peretts, V.P. (1947) *Ocherki poeticheskogo stilya drevney Rusi* [Essays on the poetic style of Old Rus]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
19. Chernykh, P.Ya. (2007) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [A Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk, Media.
20. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1991) *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
21. Afanasiev, A.N. (ed.) (1984–1985) *Narodnye russkie skazki* [Russian Folk Tales]. Moscow: Nauka.
22. Miller, V.F. (1892) *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excursions into the area of Russian folk epic]. Moscow: Kushnerev i K°.
23. Wheelwright, F. (1990) *Metafora i real'nost'* [Metaphor and reality]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafor* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 82–110.
24. Tolycheva, T. (Novosiltseva, E.V.) (1912) *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Eyewitness accounts of the twelfth year]. Moscow: G. Lissner i D. Sobko.
25. Petrov, A.M. (2019) *Syuzhetnye funktsii ognennoy stikhii v russkoy narodno-pravoslavnoy kul'ture* [Plot functions of the fire element in Russian folk-Orthodox culture]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 51. pp. 48–64.
26. Yakushkin, P.I. (2012) *Sobranie pesen P.V. Kireevskogo. Zapisi 1847 g. Skazki. Poslovitsy. Komediya* [Collected songs by P.V. Kireevsky. Records from 1847. Fairy tales. Proverbs. Comedy]. Moscow: RGB.
27. Propp, V.Ya. (1986) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of fairy tales]. Leningrad: Leningrad State University.
28. Kirillin, V.M. (2020) “Argolai” i “Ibnii Iłvi” Aleksandra Makedonskogo: o trudnostyakh perevoda na russkiy yazyk slavyanskogo zhitiya proroka Ieremii [“Argolai” and “Ibnii Iłvi” of Alexander the Great: about the difficulties of translating the Slavic life of the prophet Jeremiah into Russian]. *Studia Litterarum*. 5(3). pp. 200–235.
29. Anon. (1751) *The Bible, that is, the books of the Holy Scriptures, the Old and New Testaments*. In 4 vols. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. (In Russian).
30. Anon. (1822) *Odinnadtsat' poslaniiy apostol'skikh i otkrovenie svyatogo Ioanna Bogoslova. Na slavyanskom i russkom narechii* [Eleven Apostolic Epistles and the revelation of St. John the Theologian. In Slavic and Russian dialects]. St. Petersburg: V tipografii Nik. Grecha.
31. Trofimova, N.V. (2017) *Poetika drevnerusskogo voinskogo povestvovaniya* [Poetics of old Russian military narrative]. Moscow: Moscow Pedagogical State University.
32. Guzaurov, T. (2012) *Stanovlenie poeticheskogo kanona ofitsial'noy istorii: “nepamyatnye” sobytiya v “Sobranii stikhotvoreniy, odnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu”* [The

formation of the poetic canon of official history: “unmemorable” events in “The Collected Verses Related to the Unforgettable 1812”. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(118). pp. 168–177.

33. Kiseleva, I.A. (2019) O smyslovoy tsel'nosti definitivnogo teksta poem M.Yu. Lermontova “Demon” (1839) [On the semantic integrity of the definitive text of the poem by M.Yu. Lermontov “The Demon” (1839)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 17(4). pp. 91–106.

34. Staël, G. (2017) *Desyat' let v izgnanii* [Ten years in exile]. Translated from French. St. Petersburg: Sergey Khodov.

35. Koshelev, V.A. (2016) Gimn “na prognanie”, ili “Apokalipsis prelozhit” (o poetike pozdnego G.R. Derzhavina) [A hymn “to drive away”, or “To lay down the Apocalypse” (about the poetics of the late G.R. Derzhavin)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 14. pp. 89–106.

36. Kiseleva, I.A. (2017) *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema* [M.Yu. Lermontov works as a religious and philosophical system]. 2nd ed. Moscow: Moscow State Regional University.

37. Gregory the Theologian. (1912) *Tvoreniya izhe vo svyatykh” ottsa nashego Grigoriya Bogoslova, Arkhiiepiskopa Konstantinopol'skago* [Works of our holy father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. Vol. 1. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 544–575.

38. Augustine (Vinogradsky). (1856) *Sochineniya Avgustina, arkhiepiskopa Moskovskogo i Kolomenskogo* [Works of Augustine, Archbishop of Moscow and Kolomna]. St. Petersburg: Korablev i Siryakov.

39. Yakovlev, M.V. (2021) *Apokalipticheskoe napravlenie v russkoy poezii pervoy poloviny XX veka* [The apocalyptic Russian poetry of the first half of the twentieth century]. Orekhovo-Zuevo: State University of Humanities and Technology.

40. Kiseleva, I.A. (2020) “Prorok” (1826) A.S. Pushkina i “Prorok” (1841) M.Yu. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa [“The Prophet” (1826) by A.S. Pushkin and “The Prophet” (1841) by M.Yu. Lermontov: comparative semantics of the motive complex]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 18(1). pp. 111–129.

41. Müller, M. (1888) *Das Denken im Lichte der Sprache*. Leipzig: [s.n.].

Информация об авторе:

Поташова К.А. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» (Москва, Россия). E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Potashova, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, Federal State University of Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 16.10.2023

The article was submitted 27.04.2022;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 16.10.2023

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/23062061/33/4

«ИСТОРИЯ» Ф.К. ШЛОССЕРА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Николай Николаевич Подосокорский¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия,
n.podosokorskiy@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются роль и образ «Истории» выдающегося немецкого историка Ф.К. Шлоссера (1776–1861) в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Ранее эта книга не становилась специальным объектом исследования для достоевистов, хотя достоверно известно, что Достоевский был знаком с трудами Шлоссера, а в его романе «Идиот» «История» Шлоссера упоминается непосредственно, причем в весьма ярком контексте. Показано, как трактовка Шлоссером трагической фигуры Наполеона оказала влияние на роман русского писателя.

Ключевые слова: Наполеон, Петр Великий, герцог Энгиенский, принцесса де Роган, битва при Ватерлоо

Благодарности: исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-00258 «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (<https://rscf.ru/project/23-28-00258/>).

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. «История» Ф.К. Шлоссера в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 65–77. doi: 10.17223/23062061/33/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

A HISTORY BY FRIEDRICH CHRISTOPH SCHLOSSER IN THE IDIOT BY FYODOR DOSTOEVSKY

Nikolay N. Podosokorsky¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, n.podosokorskiy@gmail.com*

Abstract. The article discusses the role and image of *A History* by Friedrich Christoph Schlosser (1776–1861), an outstanding German historian, professor of Heidelberg University, in Dostoevsky's novel *The Idiot* (1868), in which different characters call to read and study world and Russian history (the novel also mentions the books of historians N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, J.B.A. Charras, etc.) and discuss facts that recreate history. The abbreviated title of Schlosser's work in Dostoevsky's novel does not allow us to uniquely identify the exact title of the book, since Schlosser was the author of many works with a similar name at once, of which, however, two main ones stand out – *A World History* in 18 volumes (1844–1857) and *History of the Eighteenth Century and of the Nineteenth Till the Overthrow of the French Empire* in 8 volumes (4th ed., 1853–1860). Both of these multi-volume works were translated into Russian, starting from 1858 and until the end of the 1860s. Schlosser's *History* has never become a special subject of research in Dostoevsky studies although it is reliably known that Dostoevsky was well acquainted with Schlosser's works: in letters to his acquaintances, he repeatedly recommended them for reading; Schlosser's books were available in the writer's home library; Schlosser was repeatedly referred to by authors of various articles published in *Vremya* and *Epokha*, journals of the brothers M.M. and F.M. Dostoevsky. In *The Idiot*, Schlosser's *History* is mentioned directly, and in a very vivid context: high school students Kolya Ivolgin and Kostya Lebedev are on their way to buy Schlosser's *History* for their friend Petrov, but on the way they buy a hedgehog and an axe instead of the necessary books. The author of the article attempts to interpret this bizarre scene from the fourth part of *The Idiot*, in which the characters of the novel themselves see a kind of “allegory”. The study proves that the mention of Schlosser's multi-volume historical work in Dostoevsky's novel cannot be called accidental and transient, and that Schlosser's *History* is one of the undoubted sources of the text of *the Idiot* as a whole (*A History* mentions many historical plots and figures addressed by the characters of the novel), although traces of its influence can be found and in Dostoevsky's earlier novel *Crime and Punishment* (1866). A special place in the article is given to how the German historian's interpretation of the tragic figure of Napoleon I and his era was reflected in *The Idiot*. In particular, an appeal to Schlosser's most detailed *History of the Eighteenth Century and of the Nineteenth Till the Overthrow of the French Empire*

may clarify the subtext of Keller's mention of the Princess de Rohan in a conversation with Prince Myshkin on the eve of the wedding of the latter. The author also suggests that the non-canonical spelling in the novel *The Idiot* of Napoleon's famous Waterloo campaign of 1815 as "Waterlo" may be due to the fact that in some places of the Russian translation of Schlosser's *History* the Battle of Waterloo was also called "the Battle of Waterlo".

Keywords: Napoleon, Peter the Great, Duke of Enghien, Princess de Rohan, Battle of Waterloo

Acknowledgements: The research is performed within IWL RAS with support of the grant of the Russian Science Foundation (project number 23-28-00258).

For citation: Podosokorsky, N.N. (2023) *A History* by Friedrich Christoph Schlosser in *The Idiot* by Fyodor Dostoevsky. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 65–77. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/4

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» в числе разнообразных книг, к которым время от времени обращаются в своих разговорах те или иные герои, непосредственно упоминается и «История» выдающегося немецкого историка Ф.К. Шлоссера (1776–1861). В четвертой части «Идиота» на дачу к Епанчиным внезапно заявляются два подростка: Коля Иволгин с ежом и Костя Лебедев с топором. Епанчины спускаются на террасу смотреть ежа, принесенного мальчиками, но вскоре выясняется, что «еж вовсе не их, а принадлежит какому-то третьему мальчику, Петрову, который дал им обоим денег, чтобы купили ему у какого-то четвертого мальчика "Историю" Шлоссера, которую тот, нуждаясь в деньгах, выгодно продавал; что они пошли покупать "Историю" Шлоссера, но не утерпели и купили ежа, так что, стало быть, и еж и топор принадлежат тому третьему мальчику, которому они их теперь и несут вместо "Истории" Шлоссера» [1. Т. 8. С. 423].

Первое, что обращает тут на себя внимание, – это причудливая взаимосвязь упомянутых вещей и существ. Попробуем в ней разобраться. Итак, некий мальчик Петров (полного имени его нам не сообщают, но фамилия происходит от имени Петр) просит двух своих товарищей купить ему у неназванного четвертого мальчика «Историю» Шлоссера (Schlosser на немецком буквально означает «слесарь», а точнее – «замочник», изготовитель замков и ключей). Два его посланца зачем-то покупают у встречного мужика ежа и топор, «потому что кстати, да и очень уж хороший топор». Затем ежа Коля перепродает Аглае и, по ее настоятельной просьбе, незамедлительно относит к князю Мышкину, усматривая в этом послании некую «аллегорию». Петров же, надо полагать, в итоге получает вместо «Истории» Шлоссера один топор и оставшиеся неизрасходованные деньги.

На символическом уровне Петров, стремящийся купить «Историю» замочника/ключника, может отсылать к Священной истории апостола Петра, которому Иисус вручил ключи от Царствия Небесного (Мф 16: 18–19), назвав его при этом камнем, на котором будет создана Церковь Христова. Топор же, который посланцы купили вместе того, о чем их изначально просили, в данном контексте отсылает к профанной истории, поскольку является узнаваемым атрибутом другого знаменитого Петра, основателя Российской империи. Вот как о российском самодержце пишет, к примеру, упомянутый историк Шлоссер: «...однажды в Петергофе, он заставил своих гостей, – в том числе и иностранных послов, – отрезвиться после обеда рубкою дерев, которые ему действительно нужно было вырубить. Он был совершенно убежден, что все, что он делает – хорошо и честно. В этом он был так убежден, что однажды, собственноручно рубя головы стрельцам, пригласил иностранных послов также приняться за эту работу и, по его примеру, исправлять должность палачей» [2. Т. 6. С. 42]. Кроме того, по словам Шлоссера, «правда и то, что духовных интересов и идеальных стремлений он [Петр] не понимал, как не имел ни нравственных принципов, ни уважения к справедливости. Он, как Наполеон, непреклонно достигал всякой материальной цели, которой можно достичь внешними средствами, и, подобно Наполеону, терпел неудачи в делах истинной цивилизации, потому что для прочности здания нужны нравственная сила, нравственная основа и вечные принципы» [2. Т. 6. С. 40].

Таким образом, Достоевский на этом примере в очередной раз показывает, как в романе профанная история пытается вытеснить и заменить собой историю Священную. Ведь даже Николай и Константин как два помощника Петрова также могут быть прочитаны либо в рамках Священной истории как святые Николай Мирликийский и Константин Великий, жившие в одно время и сделавшие после Петра неизмеримо много для утверждения и распространения христианства в мире; либо, в рамках профанной истории, как наследники Петра Великого – Константин и Николай (первый в 1825 г. был провозглашен российским императором, но в итоге не стал им, а второй царствовал почти три десятилетия).

Знание русской и всеобщей истории, по твердому убеждению Достоевского, было исключительно важно для человека образованного. Собственно весь роман «Идиот» пронизан призывами читать разные исторические труды. В первой части «преначитанный» Лебедев вспоминает об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, говоря, что в ней «можно и должно» найти «историческое» имя князя Мышкина [1. Т. 8.

С. 8]¹. Во второй части Рогожин признается князю, что начал читать «Историю России с древнейших времён» С.М. Соловьева по настоянию Настасьи Филипповны:

Вот эту книгу у меня увидала: «Что это ты, “Русскую историю” стал читать? (А она мне и сама как-то раз в Москве говорила: “Ты бы образил себя хоть бы чем, хоть бы «Русскую историю» Соловьева прочел, ничего-то ведь ты не знаешь”). Это ты хорошо, сказала, так и делай, читай. Я тебе реестрик сама напишу, какие тебе книги перво-наперво надо прочесть; хочешь иль нет?» И никогда-то, никогда прежде она со мной так не говорила, так что даже удивила меня; в первый раз как живой человек вздохнул [1. Т. 8. С. 178–179].

В третьей части Лебедев пускается в рассуждения о том, из каких фактов вообще «воссоздается история у умеющего» [1. Т. 8. С. 314]. Наконец, в четвертой части в числе прочего, как бы мимоходом упоминается «История» Шлоссера.

Сокращенное название труда немецкого историка, профессора Гейдельбергского университета не позволяет однозначно идентифицировать название книги, поскольку Шлоссер являлся автором сразу многих трудов с похожим названием, из которых, впрочем, легко выделяются два главных: «Всемирная история» в 18 томах (1844–1857) и «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» в 8 томах (4-е изд., 1853–1860). *По сути обе эти «Истории» являются «всемирными»*, просто первая охватывает период с глубокой древности до середины XIX в., а вторая – от Войны за испанское наследство до поражения Наполеона в битве при Ватерлоо. Иначе говоря, вторая «История» является как бы расширенной и более полной версией последних томов первой истории, причем обе названных «Истории» также, в свою очередь, выросли из других «Историй» Шлоссера, вышедших ранее отдельными изданиями: «История восемнадцатого века» (1823), «Всеобщая история античности» (1826–1834) и др.

Первые издания двух главных многотомников Шлоссера публиковались в русском переводе с 1858–1861 гг., а в 1868 г., когда начал выходить роман «Идиот», начался выпуск и второго издания на русском обоих трудов. Но отметим, что к моменту написания «Идиота» полностью на русском языке вышла только Шлоссерова «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» (1858–1860), тогда как последние, 17-й и 18-й, тома первого русского издания собственно «Всемирной истории» вышли лишь в 1869 г. Поэтому уместно

¹ О роли «Истории» Н.М. Карамзина в романе «Идиот» см. также: [3].

предположить, что о событиях до XVIII в. автор «Идиота» сверялся с «Всемирной историей», а с событиями XVIII и XIX вв. – с «Историей восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи».

О реальном чтении Достоевским Шлоссера свидетельствует посланный ему в конце августа 1862 г. счет из книжного магазина А.Ф. Базунова, в котором значится: «Шлоссер, “История”, 3 части» [4. С. 116]. Известно, что восемь томов «Истории» Шлоссера (не до конца ясно, какой именно из двух) имелись в домашней библиотеке Достоевского [5. С. 147]. При этом писатель, по всей видимости, знакомый с обеими «Историями» Шлоссера неоднократно рекомендовал их к прочтению в письмах к своим знакомым. В частности, его призыв прочесть «Историю» Шлоссера, наряду с «Историями» Соловьева, Карамзина, Прескотта и некоторых других историков содержится в письмах к Н.Л. Озмидову от 18 августа 1880 г. [1. Т. 30. Кн. 1. С. 212] и некоему Николаю Александровичу от 19 декабря 1880 г. [1. Т. 30. Кн. 1. С. 237].

Благодаря сохранившейся тетради, в которую старший брат писателя, издатель журналов «Время» и «Эпоха» М.М. Достоевский собственноручно вносил сведения о поступивших в редакцию рукописях, известно, что некий автор предлагал напечатать у братьев Достоевских статью о «Всемирной истории» Шлоссера [6. С. 279]. Кто этот автор, неизвестно. Вместе с тем реклама поступивших в продажу томов «Всемирной истории» Шлоссера публиковалась в журнале «Время» (1861. № 11), а в журнале «Эпоха» на Шлоссера ссылались авторы различных статей. В частности, в статье «Иероним Савонарола» отмечалось, что опытность Шлоссера «в деле оценки исторических личностей не подлежит сомнению» [7. С. 663]. А в статье «Теория безобразия» указывалось на то, что Шлоссер «связал историю литературы с историей человечества» [8. С. 5].

Знакомство самого Ф.М. Достоевского с «Историей восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» Шлоссера обнаруживает себя уже в романе «Преступление и наказание», где Раскольников использует характерные словечки о Наполеоне, свойственные русскому переводу этого труда. Например, Раскольников говорит о Наполеоне, что тот «*тратит* полмиллиона людей в московском походе» [1. Т. 6. С. 211], причем слово «тратит» в тексте романа выделено курсивом. Ранее исследователь В.И. Мельник предположил, что здесь мы имеем дело с цитированием самого Наполеона по журналу «Сын отечества» (1813. № 8. С. 97) и книге В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», где приводятся слова недоброжелателей французского императора, называвших его полководцем, «тратившим по десять тысяч человек в сутки»

(Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1837. Т. 1. С. 287) [9. С. 231]. Однако источником этой фразы применительно к Наполеону могла быть и гораздо более близкая по времени выхода «Преступления и наказания» «История» Шлоссера. Так, во втором томе «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» говорится, что король Пруссии Фридрих II Великий «не мог тратить людей так, как тратили их Мёрльборо и Наполеон» [10. Т. 2. С. 229].

Если же говорить о романе «Идиот», то в нем герои наиболее часто обращаются к трем периодам всемирной и российской истории. Во-первых, это Средние века, в которых их интересуют как общие явления (папство, рыцарство) и бедствия (голод), так и отдельные события (к примеру, знаменитое Хождение в Каноссу 1077 г.). Во-вторых, это XVIII в. (эпоха Петра Великого и его наследников, фигура Остермана, царствование Людовика XV и террор времен Великой французской революции). Наконец, в-третьих, это эпоха Наполеона I. Все эти явления, события и процессы подробно освещаются в «Историях» Шлоссера. В них также представлены яркие портреты папы Григория VII и императора Священной Римской империи Генриха IV, о противостоянии которых рассказывает Рогожин князю Мышкину; «бесстыдной» мадам Дюбарри, за которую молится Лебедев; «первейшего из всех интриганов в мире» князя Талейрана [2. Т. 6. С. 638], с которым сам себя сравнивает «ужаснейший интриган» Лебедев [11] и др. Заметим, что Шлоссер как раз и считал «главной задачей истории... изображение характеров и хода развития известной эпохи» [2. Т. 1. С. 322].

Наибольшее же значение в плане влияния «Историй» Шлоссера на роман «Идиот» имеет трактовка немецким историком трагической фигуры Наполеона Великого. Собственно она и появляется в тексте романа почти сразу (т.е. в следующей главе) после фантастического рассказа генерала Иволгина о его службе у Наполеона в Москве 1812 г. [12]. В некрологе о Шлоссере его ученик, также известный историк Георг Готфрид Гервинус (1805–1871)¹ специально отмечал относительно своего учителя, что тот «отгадал призвание Наполеона – быть реформатором своего времени, и смеялся над Лас-Казом, представлявшим его каким-то бумажным героем» [14. С. 26].

¹ Г.Г. Гервинус был хорошо известен Достоевскому, так как его статья «Теоретический очерк истории» была опубликована в ноябрьском номере журнала «Время» за 1861 год. В ней он называет сочинения Шлоссера «плодом всеобщей европейской жизни, не одной немецкой» [13. С. 281].

Сам Шлоссер называет Наполеона «величайшим человеком XVIII и XIX столетий» [2. Т. 6. С. 642], однако образ Наполеона является для него стержневым применительно к всемирной истории вообще. Так, Шлоссер сравнивает с Наполеоном Кира Персидского, Цезаря, Карла Великого, Петра Великого, Вольтера, даже Екатерину II и много кого еще. Когда он рассказывает о самых разных деятелях Античности, Средних веков и раннего Нового времени, он периодически соотносит их с Наполеоном и его окружением. Приведем несколько характерных примеров. Говоря о сиракузском тиране Дионисии Старшем (V–IV вв. до н. э.), Шлоссер отмечает, что его сторонник Филист был ему предан, «как предан был Наполеону какой-нибудь Гурго или Монтолон» (два генерала, адъютанта Наполеона, поехавшие с ним в ссылку на остров Святой Елены) [15. Т. 3. С. 318].

Об афинском стратеге Перикле Шлоссер пишет, что тот «до последнего дня своей жизни оставался властителем в полном смысле этого слова и производил на непослушнейший в мире народ такое же чарующее действие, как Наполеон на свою, обезумевшую от славы, армию» [15. Т. 1. С. 419]. Отметим, что Достоевский так же сблизил два этих имени в черновиках к намечавшейся переработке его ранней повести «Двойник», оставив запись о господине Голядкине: «Мечты сделаться Наполеоном, Периклом, предводителем русского восстания» [16. Т. 1. С. 610].

Описывая жизнь древнеримского диктатора Суллы, Шлоссер и здесь поясняет, что Лукулл, Помпей, Красс и Метелл Пий занимали при жизни Суллы «такое же положение, как маршалы Наполеона во французской империи» [15. Т. 4. С. 6]. Про историческое сочинение византийского императора Иоанна VI Кантакузина (ок. 1293–1383) Шлоссер сообщает, что оно «чрезвычайно сходно с историями Наполеона и французской империи, написанными какими-нибудь Тьерами и ему подобными господами» [15. Т. 9. С. 13]. Относительно освещения историком Филиппом де Коммином похода в Италию короля Франции Карла VIII (1470–1498) говорится, что тот превозносит оказанную французам помощь «немцами» (как он называет швейцарцев) «подобно тому, как французы превозносят работы при переходе Бонапарты чрез Сен-Бернар» [15. Т. 11. С. 123].

Схожий прием мы видим и в романе «Идиот», только в нем самые разные герои – от князя Мышкина и Ипполита Терентьева до генерала Иволгина – соотносят с историей Наполеона события своей личной жизни [17]. Возможно, что именно из «Истории» Шлоссера Достоевский взял для романа «Идиот» неканоничное наименование «Ватерлооской кампании»

как «Ватерлоской». Последнее усеченное название было восстановлено¹ при публикации текста «Идиота» во втором издании полного собрания сочинений Достоевского в 35 томах [16. Т. 8. С. 458], хотя в первом академическом полном собрании сочинений писателя в 30 томах и в книге историка Ж.Б.А. Шарраса, в связи с которой князь Мышкин и говорит об этой кампании, сохранено традиционное название битвы – «Ватерлоо», а не «Ватерло», как в отдельных местах русского перевода Шлоссера [2. Т. 6. С. 657].

Благодаря «Истории» Шлоссера становится более понятным и упоминание принцессы де Роган в «Идиоте». Накануне несостоявшегося венчания Настасьи Филипповны и князя Мышкина к последнему явился Келлер, назначенный его шафером, и внезапно «объявил, что, конечно, он вначале, как услышал, был враг, что и провозгласил за билльярдом, и не почему другому, как потому, что прочил за князя и ежедневно, с нетерпением друга, ждал видеть за ним не иначе как принцессу де Роган; но теперь видит сам, что князь мыслит по крайней мере в двенадцать раз благороднее, чем все они “вместе взятые”!» [1. Т. 8. С. 486].

В комментарии к этому месту в Полном собрании сочинений Достоевского в 35 томах сказано лишь то, что Роганы относятся к древнейшим и знаменитейшим княжеским родам Франции [16. Т. 9. С. 826]. Между тем в огромной и подробнейшей «Истории» Шлоссера, которая появляется в предыдущей главе той же четвертой части романа, в которой говорится о подготовке к венчанию князя, упоминается всего лишь одна-единственная принцесса де Роган, причем также в связи с историей Наполеона: «Бонапарте и вместе с ним очень многие полагали, что герцог Ангьенский, принц старой династии, также приезжал в Париж и возвратится туда снова, чтобы явиться на сцену в минуту убийства Бонапарте. На самом деле принц Ангьенский, давно живший в Эттенгейме (в Баденских владениях), был привлечен туда любовью к принцессе Роган (принцесса эта сошла с ума, когда его арестовали)» [10. Т. 6. С. 361–362].

Здесь речь идет об одном из самых позорных преступлений, совершенных Наполеоном, а именно о казни по его приказу герцога Энгиенского 21 марта 1804 г. Менее чем через два месяца после этого события Первая французская республика была превращена в Первую французскую империю. Напомним, что в том числе с обсуждения убийства Наполеоном герцога Энгиенского в салоне Анны Павловны Шерер начинается роман Л.Н. Толстого «Война и мир» (1865–1869), первый том которого вышел

¹ В первой, журнальной публикации романа «Идиот» и вовсе говорится о «Ватерлосской кампании» [18. С. 282].

лишь за несколько лет до «Идиота»¹. Упомянутая у Шлоссера принцесса Шарлотта-Луиза-Доротея де Роган (1767–1841) была женой герцога Энгийенского, с которой тот тайно обвенчался менее чем за месяц до своей гибели. Эмиссары Наполеона похитили ее мужа на ее глазах, что стало для нее огромным ударом. Кроме того, их брак не был признан родственниками герцога. Иначе говоря, Келлер завуалированно указывает готовящемуся к свадьбе наполеонисту Мышкину, что ожидал от него совсем другого выбора, по которому тот сам стал бы жертвой, а не губителем. Учитывая, что князь Мышкин в разговоре с Аглаей сравнивает себя с убийцей герцога Энгийенского – Наполеоном, признаваясь, что в своих снах он «не Наполеона, а всех австрийцев» разбивает [5. С. 354], слова Келлера звучат особенно зловеще. Только в истории Мышкина погибает не жених (тайный муж), а невеста, которую так же многие считают «сумасшедшей».

В заключение отметим, что главная ценность «Истории» Шлоссера состоит в том, что ее автор, маскирующий свое изложение внешними позитивизмом и прогрессизмом, умел при этом неким гениальным образом создавать у вдумчивого читателя ощущение действия в истории высшей духовной силы. Это преображающее свойство его труда чувствовали даже такие совсем не склонные к мистицизму и религиозному восторгу критики, как, к примеру, Н.А. Добролюбов, соглашающийся со словами из предисловия к первому тому «Истории восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи» Шлоссера в русском переводе: «Да, этот плохой рассказчик в самом деле мудрец, если можно кого-нибудь назвать мудрецом. Ничем не подкупится, ничем не обольстится он: ни блеск, ни гений, ни софизмы панегиристов, ни даже собственные желания – ничто не отуманит его зоркого взгляда, не смягчит его строгого приговора. Он знает людей, как их знали Монтань и Макиавелли. Но с тем вместе он верит в правду, он любит человека. Потому речь его, суровая и печальная, разрушая ваши иллюзии, укрепляет ваши убеждения во всем истинно добром и высоком» [20. С. 468–469]. Надо полагать, что за эту мудрость, выражающуюся в бескорыстной любви к человеку и в вере в правду, его ценил и Ф.М. Достоевский.

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.

¹ Об обсуждении в романе Л.Н. Толстого убийства герцога Энгийенского, правда, в связи с романом Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» писала О.А. Мерсон [19. С. 156].

2. Шлоссер Ф.К. Всемирная история : в 8 т. 2-е изд. СПб.; М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868–1877.
3. Касаткина Т.А. Горизонтальный храм: «поэма романа» «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2001. № 14. С. 8–25.
4. Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского: Биография в датах и документах. М.; Л. : Academia, 1935. 382 с.
5. Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб. : Наука, 2005. Т. 8. 338 с.
6. Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха» 1864–1865 / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М. : Наука, 1975. 303 с.
7. Эпоха. Журнал литературный и политический, издаваемый под редакцией М.М. Достоевского. 1864. № 1–2. 888 с.
8. Эпоха. Журнал литературный и политический, издаваемый семейством М.М. Достоевского. 1864. № 7. 470 с.
9. Мельник В.И. К теме: Раскольников и Наполеон // Достоевский: Материалы и исследования. Л. : Наука, 1985. Т. 6. С. 230–231.
10. Шлоссер Ф.К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи : в 8 т. СПб. : В Типографии Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1858–1860.
11. Подосокорский Н.Н. Образы «Галейранов» и наполеоновский миф в творчестве Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альманах № 25 / гл. ред. К.А. Степанян. М. : [б. и.], 2009. С. 247–276.
12. Подосокорский Н.Н. 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 39–71.
13. Время. Журнал литературный и политический, издаваемый под редакцией М.М. Достоевского. 1861. № 11. 544 с.
14. Гервинус Г.Г. Некролог Ф. Шлоссера. СПб. : А. Серно-Соловьевич, 1862. 75 с.
15. Шлоссер Ф.К. Всемирная история : в 18 т. СПб. ; М. : В типографии Иосафата Огризко, 1861–1869.
16. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 35 т. СПб. : Наука, 2013– (издание продолжается).
17. Подосокорский Н.Н. Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 177 с.
18. Русский вестник, издаваемый М. Катковым. 1868. № 11.
19. Меерсон О.А. Преступление и наказание в «Войне и мире». Этиология заболевания наполеоновской идеей убийства во благо от потомков к предкам // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 143–157.
20. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1961–1964. Т. 3.

References

1. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
2. Schlosser, F.C. (1868–1877) *Vsemirnaya istoriya: v 8 t.* [World History: in 8 vols]. Translated from German. 2nd ed. St. Petersburg, Moscow: M.O. Volf.

3. Kasatkina, T.A. (2001) Gorizontaĭ'nyy khram: "poema romana" "Idiot" [A horizontal temple: A "poem of the novel" "Idiot"]. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 14. pp. 8–25.
4. Grossman, L.P. (1935) *Zhizn' i trudy F.M. Dostoevskogo: Biografiya v datakh i dokumentakh* [The life and works of F.M. Dostoevsky: Biography in dates and documents]. Moscow; Leningrad: Academia.
5. Budanova, N.F. (2005) *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye* [F.M. Dostoevsky's library: The reconstruction. An academic description]. St. Petersburg: Nauka.
6. Nechaeva, V.S. (1975) *Zhurnal M.M. i F.M. Dostoevskikh "Epokha" 1864–1865* [M.M. and F.M. Dostoevsky's magazine "Epoch" in 1864–1865]. Moscow: Nauka.
7. Dostoevsky, M.M. (ed.) (1864a) *Epokha* [Epoch]. 1–2.
8. Dostoevsky, M.M. (ed.) (1864b) *Epokha* [Epoch]. 7.
9. Melnik, V.I. (1985) K teme: Raskol'nikov i Napoleon [On the topic: Raskolnikov and Napoleon]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya*. 6. pp. 230–231.
10. Schlosser, F.C. (1858–1860) *Istoriya vosemnadtsatogo stoletiya i devyatnadsatogo do padeniya Frantsuzskoy imperii: v 8 t.* [History of the 18th and the 19th century until the fall of the French Empire: In 8 volumes]. St. Petersburg: General Staff of His Imperial Majesty for Military Educational Institutions.
11. Podosokorskiy, N.N. (2009) Obrazy "Talleyranov" i napoleonovskiy mif v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Images of "Talleyrand" and the Napoleonic myth in the works of F.M. Dostoevsky]. In: Stepanyan, K.A. (ed.) *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoevsky and World Culture]. Vol. 25. Moscow: [s.n.], pp. 247–276.
12. Podosokorskiy, N.N. (2011) 1812 god i napoleonovskiy mif v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" [1812 and the Napoleonic myth in F.M. Dostoevsky's "The Idiot"]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 39–71.
13. Dostoevsky, M.M. (ed.) (1861) *Vremya. Zhurnal literaturnyy i politicheskiy* [Time. Literary and political magazine]. 11.
14. Gervinus, G.G. (1862) *Nekrolog F. Shlossera* [Obituary of F. Schlosser]. St. Petersburg: A. Serno-Solovievich.
15. Schlosser, F.C. (1861–1869) *Vsemirnaya istoriya: v 18 t.* [World History: in 18 vols]. St. Petersburg; Moscow: Iosafat Ogrizko.
16. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 35 t.* [Complete Works in 35 vols]. St. Petersburg: Nauka.
17. Podosokorskiy, N.N. (2009) *Napoleonovskaya tema v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [The Napoleonic theme in the novel "The Idiot" by F.M. Dostoevsky]. Philology Cand. Diss. Velikiy Novgorod.
18. *Russkiy vestnik*. (1868) 11.
19. Meerson, O.A. (2022) Prestupleniye i nakazaniye v "Voyne i mire". Etiologiya zabolevaniya napoleonovskoy idey ubiystva vo blago ot potomkov k predkam [Crime and Punishment in "War and Peace." Aetiology of the disease by the Napoleonic idea of killing for the good from descendants to ancestors]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal*. 1(17). pp. 143–157.
20. Dobrolyubov, N.A. (1961–1964) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.

Информация об авторе:

Подосокорский Н.Н. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия). E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.N. Podosokorsky, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2023;
одобрена после рецензирования 13.10.2023; принята к публикации 16.10.2023*

*The article was submitted 11.09.2023;
approved after reviewing 13.10.2023; accepted for publication 16.10.2023*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/33/5

ДУНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА М.М. ПРИШВИНА: К ВОПРОСУ О КРУГЕ ЧТЕНИЯ И «ВЕЧНЫХ СПУТНИКАХ» ПИСАТЕЛЯ

Максим Владимирович Скороходов¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, msk2002@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются актуальные для изучения наследия М.М. Пришвина вопросы – о структуре его библиотеки, круге чтения и «вечных спутниках» писателя. Особое внимание уделяется библиотеке в Дунине, где Пришвин приобрел дом с участком – усадьбу и где подолгу находился, стремясь в последние годы жизни к работе в уединении. Дунинское книжное собрание состояло из избранных книг двух библиотек – М.М. Пришвина и В.Д. Пришвиной. Работа построена на анализе художественных произведений писателя, его дневниковых записей и мемуарных источников.

Ключевые слова: М.М. Пришвин, русская литература, библиотека, русская литературная усадьба, дача, дневник, круг чтения

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Скороходов М.В. Дунинская библиотека М.М. Пришвина: к вопросу о круге чтения и «вечных спутниках» писателя // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 78–90. doi: 10.17223/23062061/33/5

Original article

MIKHAIL PRISHVIN'S DUNINO LIBRARY: ON THE WRITER'S READING PREFERENCES AND "ETERNAL COMPANIONS"

Maxim V. Skorokhodov¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, msk2002@rambler.ru*

Abstract. The article raises relevant questions for the study of Mikhail M. Prishvin's heritage – about the structure of his library, formed over several decades, about his reading preferences and “eternal companions”. In 1946 Prishvin bought a house and a plot of land in Dunino near Moscow, which he called his homestead.

Here he spent the last years of his life, going to Moscow only in cold weather. Thus, the writer sought to build a circular composition of his life, referring in memory to the Khrushchevo estate, associated with the distant years of his childhood. Dunino for Prishvin was the world, which he created and built for himself, for his own internal use. This world was quite closed, only occasionally welcoming joy-bringing communication. In Dunino, the writer worked in seclusion, using a small library with books selected from two libraries – of his own and of his wife Valeria D. Prishvina. The Dunino library received new books both during the writer's lifetime and after his death. Based on the analysis of Prishvin's works, his diary entries and memoirs sources, the article identified books that the writer referred to as his "eternal companions". These include the Gospels, the works of Mikhail Lermontov, Alexander Blok, Sergei Yesenin, Vladimir Solovyov, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, Anton Chekhov, William Shakespeare, Jack London, Knut Hamsun, *Thus Spoke Zarathustra* and *Beyond Good and Evil*. *A Prelude to the Philosophy of the Future* by Friedrich Nietzsche, and a small atlas through which Prishvin followed the events of the Great Patriotic War. Many of the books contain notes by Prishvin, quite important for understanding the directions of his creative pursuits. His "eternal companions" included musical compositions, which, like poetic texts, were to be devoid of "man-made nature" and were to sound "like a prayer". The library included various dictionaries, publications related to the writer's hobbies (photography, driving and care of a car, hunting, nature conservation). During his life in Dunino, Prishvin read works by his contemporaries, including those published in periodicals, with particular attention to the magazines *Ogonyok* and *America*. A significant place in the library belonged to editions with inscriptions by their authors and Prishvin's own books, which he tried to improve (for example, he whitened out his own picture which he did not like, changed the image of a dog because the image suggested by the artist seemed unconvincing to him). The writer, unlike Prishvina with her characteristic *escape from time*, read newspapers. This brought him closer to the inhabitants of manor houses, many of whom regularly read the news in newspapers. The Dunino estate had another manor tradition – reading aloud works that Prishvin recently wrote and favourite works by other authors to the closest people.

Keywords: Mikhail Prishvin, Russian literature, library, Russian literary estate, dacha, diary, reading preferences

Acknowledgements: This work was performed in the IWL RAS and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Skorokhodov, M.V. (2023) Mikhail Prishvin's Dunino library: On the writer's reading preferences and "eternal companions". *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 33. pp. 78–90. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/5

Выявление круга чтения писателя дает возможность определить сферу его интересов, выявить вероятные влияния на его творчество. Как правило, основой круга чтения становятся формирующиеся на протяжении

нескольких десятилетий личные библиотеки. Изучение их состава позволяет определить читательские предпочтения писателя. К тому же книги такой библиотеки нередко содержат размышления по поводу прочитанного и различные пометы. В ходе их анализа исследователи получают возможность не только составить перечень прочитанных книг, но и в какой-то степени определить их значимость для писателя, выступающего в роли внимательного читателя. Изданы библиографические описания библиотек В.А. Жуковского [1], А.С. Пушкина [2], А.Н. Островского [3], Ф.М. Достоевского [4], А.П. Чехова [5], А.А. Блока [6], М. Горького [7, 8] и ряда других писателей. Естественно, даже в тех случаях, когда исследователям известен состав личных библиотек, необходимо выявлять и другую литературу, входившую в поле читательского интереса писателей (подробнее см.: [9]).

Состав личной библиотеки М.М. Пришвина, 150-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2023 г., до настоящего времени не изучен, хотя многие издания из книжных собраний писателя и его последней жены Валерии Дмитриевны демонстрируются в музее писателя в подмосковном Дунине. Вместе с тем художественные произведения Пришвина и, в еще большей мере, его дневниковые записи, а также воспоминания современников создают основу для определения круга чтения писателя и наиболее важных для него книг. Именно эти источники анализируются в данной работе. Актуальным представляется не только выявить упоминания и оценку Пришвиным тех или иных произведений, но и (в случаях, когда это представляется возможным) проследить эволюцию его суждений о тех авторах, к наследию которых он обращался в течение длительного времени, а также отметить образы из круга чтения, которые важны для текстов писателя.

Краткая характеристика некоторых из наиболее значимых для Пришвина произведений содержится в комментариях к его дневникам, которые издавались с 2007 по 2017 г. (подготовка текстов Я.З. Гришиной и Л.А. Рязановой, комментарии Я.З. Гришиной и В.Ю. Гришина). Исследователи же обращаются, как правило, к отдельным авторам, которых считают особо важными для Пришвина. Наиболее яркий пример – рассмотрение влияния Ф. Ницше в статьях А.М. Подоксенова [10–12].

Внимание к книге, к освоению мира через книгу зародилось у М. Пришвина в детские и юношеские годы. На формирование страсти к чтению оказала влияние и судьба писателя, активно печатавшегося в период Серебряного века, когда в орбиту его читательского интереса входили произведения русских и зарубежных классиков, писателей-современников, а

также литература, необходимая для творческой работы. В статье мы обращаемся преимущественно к последним годам жизни Пришвина, которые он провел в Дунине, куда переместил часть библиотек своей и В.Д. Пришвиной. Эта объединенная, но достаточно скромная в силу особенностей загородной жизни библиотека активно пополнялась как при жизни писателя, так и после его смерти.

Остановимся на существенном для нашей темы вопросе: считал ли Пришвин себя дачником и, соответственно, дунинскую библиотеку – дачной? Неоднократно называя своих соседей дачниками, при покупке в 1946 г. дома Пришвин говорил о предстоящем приобретении как о даче, однако потом, когда земельный надел с домом стал его собственностью, местом проживания, любимым пространством, он начал писать об усадьбе, обращаясь в памяти к усадьбе Хрущево (Хрущево-Левшино), связанной с далекими годами детства. Таким образом Пришвин выстраивал кольцевую композицию своей жизни – от усадьбы до усадьбы, от Хрущева до Дунина, два опорных пункта, между которыми протекала его жизнь. М.М. Пришвин 18 августа 1947 г. записал в дневнике: «Усадьба Дунино пришла ко мне в точности как замещение Хрущева. / И общество собирается вокруг усадьбы, как в Хрущеве» [13. С. 624]. И на следующий день – крайне важная запись: «...вещь “Жень-шень” существует для всех, а вещь “усадьба Дунино” для меня и для моих немногих гостей» [13. С. 628]. Эти слова свидетельствуют о том, что Дунино для Пришвина – тот мир, который он создавал и выстраивал для себя, для своего внутреннего использования. Этот мир был достаточно замкнутым, лишь иногда приоткрывавшимся для приносящего радость общения.

Хотя официально в советской реальности 1940–1950-х гг. никаких усадеб не существовало, для Пришвина была важна усадебная жизнь как возможность для отдыха, для важных, греющих душу встреч, причем только с теми людьми, с которыми ему действительно хотелось увидеться, как время для творчества. Писатель с радостью погружался в «Дунинское пустынножителство» [13. С. 235] и, оставаясь в одиночестве, отдавался работе (см., например, дневниковую запись от 31 августа 1947 г.: «Все дачники уехали из Дунина, и вечером стало светло (их электрические печки уехали). Пишу “Моя страна”. Ляля вчера уехала в Москву» [13. С. 642]).

Того же мнения относительно восприятия нового места проживания как усадьбы была и супруга Пришвина – одна из глав ее книги «Наш дом» называется «Прошлое дунинской усадьбы». Хотя в исторических документах, которые цитирует В.Д. Пришвина, говорится о «даче села

Козина», она делает специальное разъяснение: «Слово “дача” будем понимать здесь в прямом его значении *дара*, как оно и разумелось в XVIII веке» [14. С. 84].

Библиотеки, которые Пришвин собирал в разные годы, в том числе в период дунинской жизни, состояли не только из тех книг, которые можно причислить в «вечным спутникам», были среди них и другие издания. Приведем характерные дневниковые записи 1920–1930-х гг. 17 сентября 1926 г. Пришвин пишет о своих планах: «Начать собирать библиотеку, наметить отделы: 1) о царизме, потому что он будет объяснять современность через недавнее прошлое, 2) охотничий, 3) “Вечные спутники”» [15. С. 137]. И еще одна цитата, вновь с упоминанием «вечных спутников», – из дневника за 2 октября 1934 г.: «Мои вечные спутники <приписка: поэты>: Лермонтов, Блок, Есенин; Пушкин тоже бы, но тут начинается вопрос, который, усиливаясь, делает мне совсем недоступным: Брюсова, Маяковского и других подобных больших, в том числе и Гете. Этот вопрос о рукотворности вещи, мне поэзия должна быть как молитва. Из прозаиков у меня живут: Шекспир, Толстой, Достоевский, Гамсун» [16. С. 501]. Пришвин, мастер прозы, выступает против эксперимента в поэзии, когда акцент смещается на приемы, которые отвлекают читателя от целостного восприятия поэтического текста.

Для Пришвина чтение художественных произведений – это не только получение эстетического удовольствия, но и возможность погрузиться в мир другого автора, понять, каким образом особенности его жизненного пути воплотились в творчестве. Об этом – в начале «Осударевой дороги»: «Всегда я понимал при чтении книг, что автор и есть настоящий источник его героев» [17. С. 6].

Пришвина дала общую характеристику «очень маленькой» дунинской библиотеки и упомянула, что в нее входили «книги самого Пришвина и книги других авторов, которыми он пользовался при очередной работе». В библиотеке были словари В.И. Даля, славяно-русский и энциклопедический Брокгауза и Эфрона, «книги классиков русской и зарубежной литературы». Тут же и другой «вечный спутник» – «маленький атлас мира с затертыми до дыр картами, по которым Пришвин следил за военными действиями, живя в Усолье во время Великой Отечественной войны». И рядом на специальной полке книги, которые можно отнести к разряду делового чтения – они были необходимы при работе писателя над «Осударевой дорогой» и «Корабельной чашей», в том числе научные труды о лесе, административные и географические справочники. Отдельная полка была выделена под литературу, посвященную увлечениям писателя: это

«практические руководства по фотodelу, по вождению автомобиля и уходу за ним, литература по вопросам охоты и охраны природы» [14. С. 321]. Хотя, по словам Пришвиной, супруг намеренно очищал свою библиотеку от всего «второстепенного», «живая жизнь неуклонно ее пополняла» [14. С. 321]. Так, например, 10 мая 1953 г. Пришвин записал в дневнике: «Взять с собой: книги Данилевского и В. Соловьева, Олега <Поля> и Тагора, “Кашееву цепь”...» [18. С. 349].

Пришвина отмечала, что один из самых ценных разделов дунинской библиотеки – книги с дарственными надписями – продолжал пополняться и после смерти писателя. Это были уже дары не ему, а дому, в котором хранится память о нем. Это обстоятельство требуется учитывать при определении состава дунинской библиотеки пришвинского времени, при подготовке ее описи. Раскрыть же круг чтения помогают дневниковые записи, на анализе которых мы и остановимся.

В третьей декаде апреля 1948 г. Пришвин неоднократно делает записи, свидетельствующие о чтении им произведений Дж. Лондона – то «с восхищением» [19. С. 115], то с негативной оценкой «слабого рассказа» «Мексиканец» [19. С. 117]. Были и произведения, которые писатель читал в дунинские годы впервые, как, например, «Консуэло» Ж. Санд (запись от 16 октября 1949 г. [19. С. 617]). Порой встречаются критические характеристики произведений русских классиков. Так, 21 июня 1948 г. Пришвин записывает: «Перечитал “Обломова” и был изумлен, до чего плохо, тенденциозно было написано это прославленное произведение Гончарова. Успех заключался в современности идеи» [19. С. 172].

Пришвин внимательно читал и произведения современных ему авторов, с некоторыми из которых периодически встречался или переписывался. Так, 28 июля 1948 г. он упомянул повесть К.Г. Паустовского «Преодоление времени», написанную, по его мнению, под чеховскую «Степь»: «Опыт очень интересный: внимательное разглядывание мелочей жизни в добром расположении к человеку...» [19. С. 202]. Напомним, что произведение Паустовского «Преодоление времени: повесть о лесах» с иллюстрациями В. Климашина публиковалось в журнале «Огонек» с № 17 за 1948 г.; со временем подзаголовок станет общепринятым заглавием. Актуальность для повести Паустовского чеховского опыта Пришвин отметил и позже. Более того, писатель преломляет этот опыт и на свое творчество: «...какой бы превосходный материал дало Дунино для рассказа, подобного “Степи”» (запись от 22 августа 1948 г. [19. С. 220]). Важность для творчества Паустовского чеховского наследия отмечал и К.А. Федин, охарактеризовавший рассказ «Дождливый рассвет»

в письме к его автору от 19 июня 1946 г.: «Это – Чехов. Не то, чтобы ты “поднялся” до Чехова – это тебе незачем. Ты просто стоишь вровень с Чеховым по прелести и тонкости чувства. <...> Чехов всегда порождал во мне такое чувство, вдобавок к нетерпеливой уверенности, что и ты можешь писать хорошо»¹.

Отметим, что Пришвин не только вспоминал, но и перечитывал произведения А.П. Чехова, причем оценивал их совершенно по-иному, чем раньше. «“Мужики” Чехова прочел как в первый раз. Значит, в то время я был такой, что они до меня “не доходили”, как вообще и вся поэзия Чехова», – отмечает писатель 3 января 1949 г. [19. С. 360]. Позже мысли Пришвина вновь обратились к повести «Степь», также он упоминает и чеховскую повесть «В овраге».

На многих книгах библиотеки М. Пришвина имеются его пометы, требующие внимательного изучения. Комментарии А.З. Гришиной к дневниковым записям писателя свидетельствуют о том, насколько они важны для изучения творческой биографии писателя. Так, на полях русского издания книги Ричарда Джеффериса «The Story of my Heart» (1883) («История моего сердца»), хранящейся в составе библиотеки Пришвина в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля, имеются весьма содержательные пометы: «“Итак, “усиление” души = моему “методу” исследования жизни” (с. 13) <...> “Мы любим природу, хотя она к нам равнодушна: мы можем любить ее, потому что мы больше ее, любим и не спрашиваем о взаимности” (с. 62)» [20. С. 826–827] (см. также: [14. С. 322–325]).

Собственные книги, занимавшие значительную часть дунинской библиотеки, становились для Пришвина, как и произведения других авторов, «вечными спутниками». Писатель общался со своими изданными книгами как с кем-то родным или очень близким – старался их улучшить, сделать более приятными в общении. Так, он замазал в книге не понравившуюся ему собственную фотографию, а в другой поменял изображение собаки, поскольку предложенный художником образ представлялся ему неубедительным. В Дунине М. Пришвин в соответствии с традициями усадебной и дачной жизни читал близким свои сочинения, над которыми работал в то время.

Владельцы дач советского периода и их гости не только отдыхали и общались на лоне природы, но и занимались хозяйственными делами. Так, в конце мая 1949 г. в Дунине, как отмечал Пришвин, «рассаживали на клумбе цветы, а к вечеру Ляля и Родионов читали Гумилева <...> а мы

¹ ГМИРЛИ им. В.И. Даля. ОР ГЛМ. Ф. 144. Оп. 2. Ед. хр. 334. Л. 2–3.

с Павл<ом> Семен<овичем> слушали их, разинув рты» [19. С. 503]. Показательно, что отказ от прочтения произведения знакомого писателя воспринимается как недружественный поступок. Это подтверждает одна из пришвинских дневниковых записей лета 1949 г.: «...понял явственно, что Панферов отдалился от меня только оттого, что я не ответил на его годовую просьбу по телефону прочитать и, значит, похвалить его роман» [19. С. 554].

Безусловно, для выявления «вечных спутников» Пришвина актуален анализ его художественного творчества. Я.З. Гришина выявила в записях за 1947 г. аллюзию на сказку Г.-Х. Андерсена «Соловей» (1843) [21. С. 886]. Образ соловья, близкий андерсеновскому, можно отметить и в раннем творчестве Пришвина – в главе «Черный сад» повести «У стен града невидимого» (1909). Риторическим вопросом о соловьином пении писатель задается и в дневниковой записи от 29 июня 1909 г. «Неужели же это все напрасно тысячелетия просвистел соловей в саду...» [22. С. 218]. В позднем же дневнике (запись от 22 апреля 1947 г.) писатель развивает мысли Андерсена: «Попробуйте записать песнь соловья и посадить ее на иглу граммофона, как это сделал один немец. Получается глупый щебет и ничего от самого соловья, потому что сам соловей – не только он один с его песней: соловью помогает весь лес или весь сад...» [13. С. 489]. Однако невозможно сводить этот образ только в литературной традиции. Соловья, поющего в весеннем саду, Пришвин слышал в самых разных местах – от Хрущева до Дунина. Соловей, яркий усадебный символ, стал отправной точкой для размышлений о смысле человеческого бытия, о его сути: «Многие из нас слышали соловья, но не каждый из нас слышал своего соловья. В жизни своей своего соловья слышал я один только раз: вся душа моя, вся моя личность пела вместе с этим соловьем, и весь сад, и вся роса, и весь мир» (запись от 29 сентября 1947 г. [13. С. 670]). Своего рода итогом «соловьиной темы» у Пришвина можно считать дневниковую запись от 29 мая 1953 г., сделанную после недели, проведенной в Дунине, когда к нему вернулись здоровье и работоспособность: «...сидел против вечерней зари и слушал 1-ю симфонию Скрябина <...>. Это не соловьи объясняли зарю, а человек во всей своей сложности, и человек без всякой “человечины”, а сам, как соловей, оставаясь в природе» [18. С. 360]. Без сомнения, к «вечным спутникам» Пришвина относятся не только произведения словесности, но и великие музыкальные сочинения. Причем музыка для него, как и поэзия, не должна содержать элементов «рукотворности», она «должна быть как молитва» [16. С. 501].

В круг читательского интереса Пришвина входили Евангелие и произведения философов, которые глубоко его волновали. В числе «вечных спутников» – книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (издание 1913 г. сохранилось в дунинской библиотеке) и «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего». В произведениях и дневниковых записях Пришвина присутствуют как цитаты из книг философа, так и размышления, вызванные его учением. При этом заметна значительная эволюция взглядов на Ницше. Если в 1930 г. Пришвин, думая о Ницше, расценивал его как человека, «взявшего на себя бремя двух тысячелетий» [23. С. 260], то в 1946 г. отнес философа наряду с А. Гитлером и В.В. Розановым к числу «страшных людей» [13. С. 215]. Писатель неоднократно противопоставлял идеи Ницше христианству; одно из наиболее ярких сравнений относится к декабрю 1943 г.: «Оба эти бога – Маркс и Ницше, с религией Ближнего и Дальнего, являются от распада в сердцах людей единого истинного Бога Иисуса Христа» [24. С. 655]. В тот период своей жизни высший смысл писатель видел в Евангелии.

Дневниковые записи указывают на чтение Пришвиным газет. Это занятие, которому нередко отдавались владельцы русских помещичьих усадеб, свойственно и многим литературным персонажам. Так, чтение газеты «Русские ведомости» являлось одним из ежедневных занятий отца главного героя автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба». С детства, со времени жизни в Устах, привыкает к естественности чтения газет и сам Глеб. В отношении к газетам – отличие пристрастий Михаила Михайловича и Валерии Дмитриевны. Пришвин 17 июля 1948 г. отмечал: «Понятно, почему Ляля не читает газет и не интересуется событиями текущего времени. <...> Это побег от времени, от изменений и зависимости своего духа от внешних событий» [19. С. 192]. И два дня спустя: «Ляля не считается со временем: не читает газет» [19. С. 193]. Для Пришвина же были важны текущие новости, которые находили отклик не только в его дневниковых записях, но и в художественных текстах.

Входили в круг чтения Пришвина и журналы. Так, он отмечал «очень хороший» журнал «Америка», надеясь, что и «Огонек» будет таким же (запись от 8 августа 1948 г. [19. С. 212]).

Значительное внимание Пришвин уделял исторической литературе, чтение которой позволяло ему глубже понять события своего времени. Характерна в этом отношении запись от 18 июля 1948 г.: «Вычитал из истории Средних веков, что борьба между иконоборцами (сектантами) и

иконодулами (монахами) была упорная, долгая и глубокая, и я понял, что наше время смотрит в зеркало прошлого» [19. С. 192].

К формированию своей библиотеки Пришвин всегда относился с особым вниманием. Однако, отправляясь в Дунино, он должен был сначала обустроить быт и лишь потом заняться «вечными спутниками». Книг не оказалось среди множества вещей, которые планировалось «взять с собой в первую машину»: «...самоварчик, охотн<ичьи> сапоги и резиновые, термос, ружье и патроны, купить лампочки и плитки 220, блесны и удилища, насыпки для сенников, подушки, одеяла, простыни, полотенца личные, тряпки, клеенку на стол, занавески, лампу, керосин, спички, кочергу, ухват, топор, вилы, лопату и пр., ведра, кадки, чугунок, кастрюли, сковородки, посуда всякая, умывальник, шайки, таз эмалированный, мочалку, мыло, угольный утюг» (запись от 11 сентября 1946 г. [13. С. 283]).

Лишь затем началось комплектование усадебной библиотеки, еще позже – корректировка ее состава. Библиотека создавалась как для общения с «вечными спутниками», так и для повседневной творческой работы, для занятий любимыми делами, а также как коллекция получаемых в дар книг.

Проведенный анализ показывает, что для Пришвина всегда было актуально чтение художественных произведений современников и предшественников, трудов философов, исторической и справочной литературы, а также периодики – газет и журналов. Следы этого чтения мы обнаруживаем не только в дневниках и письмах, но и в художественной прозе писателя.

Список источников

1. Библиотека В.А. Жуковского: описание. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 416 с.
2. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: (библиографическое описание). СПб., 1910. XX + 442 с.
3. Библиотека А.Н. Островского: (описание). Л. : БАН, 1963. 273 с.
4. Библиотека Ф.М. Достоевского: опыт реконструкции: научное описание. СПб. : Наука, 2005. 338 с.
5. Ханило А.В. Личная библиотека Чехова в Ялте; с приложением. Франкфурт-на-Майне, 1993. 171 с.
6. Библиотека А.А. Блока: описание. Л. : БАН, 1984. Т. 1–3.
7. Балика Д.А. Личная библиотека А.М. Горького нижегородских лет. Горький, 1948. 68 с.
8. Личная библиотека А.М. Горького в Москве: описание : в 2 кн. М. : Наука, 1981. 410 + 228 с.
9. Скороходов М.В. К.Г. Паустовский – читатель: к вопросу о круге чтения и библиотеках писателя и героев его произведений // Русская словесность. 2023. № 3. С. 55–64.

10. Подоксенов А.М. Фридрих Ницше в контексте мировоззренческого диалога Михаила Пришвина и Василия Розанова // *Philologos*. 2010. № 1–2. С. 116–131.
11. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. Философский контекст творчества (часть 1) // *Credo New*. 2019. № 4 (100). Статья № 3.
12. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше. Философский контекст творчества (часть 2) // *Credo New*. 2020. № 1 (101). Статья № 5.
13. Пришвин М.М. Дневники 1946–1947. М. : Новый Хронограф, 2013. 968 с.
14. Пришвина В.Д. Наш дом. М. : Молодая гвардия, 1977. 336 с.
15. Пришвин М.М. Дневники 1926–1927. Книга пятая. М. : Русская книга, 2003. 582 с.
16. Пришвин М.М. Дневники 1932–1935. Книга восьмая. СПб. : Росток, 2003. 1008 с.
17. Пришвин М.М. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. Осударева дорога; Корабельная чаша. М. : Худож. лит., 1984. 439 с.
18. Пришвин М.М. Дневники 1952–1954. СПб. : Росток, 2017. 832 с.
19. Пришвин М.М. Дневники 1948–1949. М. : Новый хронограф, 2014. 824 с.
20. Гришина Я.З. Комментарии // Пришвин М.М. Дневники 1944–1945. М. : Новый Хронограф, 2013. С. 734–897.
21. Гришина Я.З. Комментарии // Пришвин М.М. Дневники 1946–1947. М. : Новый Хронограф, 2013. С. 771–935.
22. Пришвин М.М. Ранний дневник: 1905–1913. СПб. : Росток, 2007. 800 с.
23. Пришвин М.М. Дневники 1930–1931. Книга седьмая. СПб. : Росток, 2006. 704 с.
24. Пришвин М.М. Дневники 1942–1943. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 813 с.

References

1. Kanunova, F.Z. (ed.) (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: opisaniye* [Vasily A. Zhukovsky's library: a description]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Modzalevsky, B.L. (1910) *Biblioteka Aleksandra S. Pushkina: (bibliograficheskoye opisaniye)* [Aleksandr S. Pushkin's library: (a bibliographical description)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Stepanov, A.N. (ed.) (1963) *Biblioteka Aleksandra N. Ostrovskogo: (opisaniye)* [Aleksandr N. Ostrovsky's Library: (a description)]. Leningrad: The Library of the USSR Academy of Sciences.
4. Budanova, N.F. (ed.) *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii: nauchnoye opisaniye* [Fyodor M. Dostoevsky's Library: An Experience of Reconstruction: A Scientific Description]. St. Petersburg: Nauka.
5. Khanilo, A.V. (1993) *Lichnaya biblioteka Chekhova v Yalte* [Chekhov's Personal Library in Yalta]. Frankfurt-am-Main: [s.n.].
6. Miller, O.V., Kolobova, N.A. & Vovina, S.Zh. (1984) *Biblioteka Aleksandra A. Bloka: opisaniye* [Alexander A. Blok's library: a description]. Leningrad: The Library of the USSR Academy of Sciences.
7. Balika, D.A. (1948) *Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo nizhegorodskikh let* [A.M. Gorky's personal library of the Nizhny Novgorod years]. Gorky: Gorky Regional Library named after Lenin.

8. Smirnova, A.D., Peshkova, M.M. & Beislehem, R.G. (eds) (1981) *Lichnaya biblioteka A.M. Gor'kogo v Moskve: opisanie* [Maxim Gorky's personal library in Moscow: a description]. Moscow: Nauka.

9. Skorokhodov, M.V. (2023) K.G. Paustovskiy – chitatel': k voprosu o krughe chteniya i bibliotekakh pisatelya i geroev ego proizvedeniy [Konstantin G. Paustovsky as a reader: On his reading circle, libraries and heroes]. *Russkaya slovesnost'*. 3. pp. 55–64.

10. Podoksenov, A.M. (2010) Fridrikh Nitshe v kontekste mirovozzrencheskogo dialoga Mikhaila Prishvina i Vasiliya Rozanova [Friedrich Nietzsche in the Context of World Outlook Dialogue of Mikhail Prishvin and Vasilii Rozanov]. *Filologos*. 1–2. pp. 116–131.

11. Podoksenov, A.M. (2019) Mikhail Prishvin i Fridrikh Nitshe. Filosofskiy kontekst tvorchestva (chast' 1) [Mikhail Prishvin and Friedrich Nietzsche. The philosophical context of creativity (Part 1)]. *Credo New*. 4(100). Article no. 3.

12. Podoksenov, A.M. (2020) Mikhail Prishvin i Fridrikh Nitshe. Filosofskiy kontekst tvorchestva (chast' 2) [Mikhail Prishvin and Friedrich Nietzsche. The philosophical context of creativity (Part 2)]. *Credo New*. 1(101). Article no. 5.

13. Prishvin, M.M. (2013) *Dnevniky 1946–1947* [Diaries 1946–1947]. Moscow: Novyy Khronograf.

14. Prishvina, V.D. (1977) *Nash dom* [Our home]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

15. Prishvin, M.M. (2003) *Dnevniky 1926–1927. Kniga pyataya* [Diaries of 1926–1927. Book Five]. Moscow: Russkaya kniga.

16. Prishvin, M.M. (2003) *Dnevniky 1932–1935. Kniga vos'maya* [Diaries 1932–1935. Book Eight]. St. Petersburg: Rostok.

17. Prishvin, M.M. (1984) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

18. Prishvin, M.M. (2017) *Dnevniky 1952–1954* [Diaries 1952–1954]. St. Petersburg: Rostok.

19. Prishvin, M.M. (2014) *Dnevniky 1948–1949* [Diaries 1948–1949]. Moscow: Novyy khronograf.

20. Grishina, Ya.Z. (2013) Kommentarii [Comments]. In: Prishvin, M.M. *Dnevniky 1944–1945* [Diaries 1944–1945]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 734–897.

21. Grishina, Ya.Z. (2013) Kommentarii [Comments]. In: Prishvin, M.M. *Dnevniky 1946–1947* [Diaries 1946–1947]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 771–935.

22. Prishvin, M.M. (2007) *Ranniy dnevnik: 1905–1913* [The Early Diary: 1905–1913]. St. Petersburg: Rostok.

23. Prishvin, M.M. (2006) *Dnevniky 1930–1931. Kniga sed'maya* [Diaries of 1930–1931. Book Seven]. St. Petersburg: Rostok.

24. Prishvin, M.M. (2012) *Dnevniky 1942–1943* [Diaries of 1942–1943]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторе:

Скорыходов М.В. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: msk2002@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Skorokhodov, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
E-mail: msk2002@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.06.2023;
одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 27.06.2023;
approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 17.10.2023*

Научная статья

УДК 303.44

doi: 10.17223/23062061/33/6

**ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ
В ВУЗОВСКОМ УЧЕБНОМ ЧТЕНИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТРЕБОВАННОСТИ
И ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**
Статья первая

**Ирина Александровна Айзикова¹,
Валентина Николаевна Горенинцева²**

*^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ wand2004@mail.ru; ² anatol_valya@mail.ru

Аннотация. В условиях трансформации традиционных учебных текстов в сложные текстовые образования поликодового толка, передающие информацию читателям по нескольким каналам, возникает вопрос о востребованности и эффективности их использования в высшем образовании, что напрямую связано с анализом и оценкой эффективности их восприятия. Подобные исследования прежде всего требуют поиска методологических подходов. Целью статьи является апробация комплексного применения количественных и качественных методов – опроса и фокус-группы – к изучению востребованности и эффективности чтения поликодового текста студенческой аудиторией.

Ключевые слова: комплексная методология, поликодовые тексты, востребованность, эффективность, высшее образование

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Айзикова И.А., Горенинцева В.Н. Поликодовые тексты в вузовском учебном чтении: методология исследования востребованности и эффективности использования. Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 99–114. doi: 10.17223/23062061/33/6

Original article

POLYCODE TEXTS IN UNIVERSITY EDUCATIONAL READING: METHODOLOGY FOR DEMAND AND EFFECTIVENESS ANALYSIS (ARTICLE I)

Irina A. Aizikova¹, Valentina N. Gorenintseva²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,

¹wand2004@mail.ru; ²anatol_valya@mail.ru

Abstract. Since complex polycode formations, simultaneously transmitting information through multiple channels, are increasingly substituting traditional educational texts, there arises a question whether such polycode text are effective in university educational reading. The analysis and assessment of their demand and perception effectiveness requires new research methodologies. The research aims at testing the integrated use of quantitative and qualitative methods (surveys and focus groups) to study the demand and effectiveness of polycode text for university students' educational reading. The research is based on the concepts of polycode, primarily verbal-visual, text, their communications and ways of generating meanings by Marshall McLuhan, Roland Barthes, Hal Foster, Rudolf Arnheim, Will Eisner, Françoise Barbe-Gall, Yury M. Lotman, Natalia V. Zlydneva, Maria K. Skaf et al. The quantitative data were collected via the online questionnaire, while subjective perspectives were obtained via focus groups. The obtained data have been considered as integrity and compared to identify their coincidences, contradictions, and correlations. The research has confirmed the hypothesis that an integrated approach to understanding and assessing the demand and effectiveness of polycode educational reading by university students provides the most reliable, valid data about the object and subject of research. The indicators obtained via the above methods, taken together and correlated with each other, are complementary and mutually adjusted; therefore, the integrated methodology gives a more well-grounded, trustworthy, and broader picture of polycode text functioning in university education than those based the data collected via the above discussed methods separately. An integrated approach to the analysis and assessment of the demand and effectiveness of polycode educational reading text has never been applied in the Russian studies of polycode texts before. This attempt had brought up the problem of students' reading competencies for different types of educational content to comprehend the concept of the effectiveness of polycode educational reading by university students and identify its dependence both on the nature of the text and a number of other factors related to the skills of monocode text reading, visual literacy, and reader's "cultural memory". When compared, the survey and focus group results have shown no direct correlation between the high demand for polycode texts and their effectiveness in university education. The identified reasons for the low effectiveness of polycode educational texts, which are so popular with students now, have demonstrated the barriers faced by many students: 1) the lack of reading skills in at least one type of monocode educational text encumbers understanding

and grasping the content of the polycode text embedded in by its author; 2) the reader's insufficient knowledge and cultural background prevents him/her from understanding any type of text, and, first of all, structurally complex verbal-visual formations, requiring recoding of sign systems.

Keywords: integrated methodology, polycode texts, demand, effectiveness, higher education

Acknowledgements: The research is supported by the TSU Development Programme ("Priority-2030").

For citation: Aizikova, I.A. & Gorenintseva, V.N. (2023) Polycode texts in university educational reading: Methodology for demand and effectiveness analysis (Article I). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 33. pp. 99–114. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/6

Введение

В эпоху постграмотности традиционные учебные тексты¹, в которых изобразительный ряд играет дополняющую функцию, трансформируются в сложные текстовые образования поликодового толка, где вербальные и иконические элементы складываются в «одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1. С. 15]. Общеизвестным сегодня можно считать утверждение о том, что восприятие поликодовой информации является более эффективным способом познания, поскольку в таком случае создается «целостный образ в нашем сознании несмотря на то, что информация разного типа усваивается нами по-разному» [2. С. 133]. В связи с этим, как отмечают исследователи, ценность поликодовых текстов возрастает в разных областях общественной жизни, включая образование.

Однако представляется, что в университетской среде, в которой полимодальность признана одним из важнейших требований к современной организации образовательного процесса, где, по словам исследователей, «прогнозируется развитие учебных текстов в логике “новой упаковки смыслов в сложных визуально-текстовых структурах”» [3. С. 107], не поставлен вопрос об особых читательских компетенциях студентов, необходимых для плодотворной работы с поликодовыми текстами, в частности вербально-изобразительными. Востребованность и эффективность чтения последних студенческой аудиторией априори считаются высокими в силу

¹ Под учебным текстом мы будем понимать любой текст, изначально спроектированный или адаптированный для решения предметных, метапредметных и личностных задач в процессе учебно-познавательной деятельности.

природы текстов данного вида, особенностей его воздействия на читателя, о чем речь шла выше, и общего читательского опыта, обретенного студентом еще в школе. Сам факт востребованности учебных поликодовых текстов вузовской аудиторией выступает своего рода доказательством эффективности его чтения и, соответственно, использования в обучении¹.

Между тем современная исследовательница М.К. Скаф справедливо констатирует, что «чем дальше, тем актуальнее умение воспринимать тексты, создаваемые встраиванием текстов разной природы друг в друга... комбинацией двух уровней коммуникации: визуальной и вербальной, которые воздействуют на читателя-зрителя одновременно и, что самое важное, взаимосвязанно» [4. С. 210]. С особой силой, вопреки широко распространенному мнению о том, что изображение, в отличие от вербального текста, воспринимается легко, М. Скаф подчеркивает дефицит визуальной грамотности современных читателей, т.е. умения извлекать смысл из изображения, работать с информацией, закодированной иными способами, нежели линейный вербальный текст, а также способности интерпретировать изображение словом, «считывать знаки сразу в двух семиотических системах... и знаки, которые возникают на стыке этих систем...» [5]. Это, в свою очередь, закрывает для прочтения даже опытным читателям столь востребованный в вузовской среде поликодовый вербально-визуальный текст, требующий различной ментальной деятельности по его дешифровке и усвоению, или, по крайней мере, значительно снижает эффективность его обучающего воздействия.

Названные компетенции и способы их формирования еще предстоит выявить и описать, опираясь на понимание как природы поликодового текста, так и интермедиальных процессов его восприятия. Для начала это требует поиска методологических подходов к анализу и оценке востребованности и эффективности использования вербально-изобразительных учебных текстов в высшем образовании. Последнее напрямую связано с эффективностью их чтения.

Цель исследования заключается в апробации применения к изучению востребованности и эффективности чтения поликодового текста студенческой аудиторией количественных и качественных методов – анкетного

¹ Под эффективностью чтения как процесса, направленного на извлечение информации из текста любой символической системы, на ее восприятие (т.е. обработку чувственных данных, которыми в итоге сможет оперировать мышление) и понимание (мыслительная операция, связанная с интеграцией новой информации в свою систему знаний, от чего она меняется, а вместе с ней меняется человек), мы подразумеваем способность выполнить эти действия с достижением обозначенного выше результата.

опроса и фокус-группы – в комплексе¹. Основные исследовательские вопросы предлагаемой статьи: 1) каковы возможности и ограничения применения указанной методологии к выбранным объекту и предмету исследования; 2) обеспечивают ли результаты, полученные комплексом методов, выход непосредственно в практическую область формирования навыков восприятия поликодового текста, которые, как и в случае с любым другим видом текста, не являются врожденными свойствами человека.

Гипотеза исследования заключается в том, что комплексный подход к исследованию востребованности и эффективности чтения вербально-изобразительного учебного текста студенческой аудиторией предоставляет наиболее достоверные и валидные данные об объекте и предмете исследования, поскольку ограничения одного метода восполняются возможностями другого, а сопоставительный анализ количественных и качественных показателей как совокупности позволяет выявить наличие/отсутствие между ними совпадений, противоречий, противоположностей, корреляций и сделать, кроме прочих, объективные выводы прикладного характера.

При изучении востребованности и восприятия поликодового текста студентами, обучающимися в университетах г. Томска, был проведен анкетный онлайн-опрос, в котором приняли участие 166 человек, и фокус-группа с участием 10 студентов, что представляет собой достаточно референтную выборку для оценки предлагаемой методологии. Однако в качестве *ограничений* исследования выделим лимитированность изучаемой социальной группы, на которую можно экстраполировать выводы, студентами одного города. Вместе с тем это же обстоятельство позволяет распространить полученные данные 1) на участников фокус-группы и 2) на достаточно широкую студенческую аудиторию, если учесть, что обследованная сосчитоит из молодых людей, приехавших в Томск из разных населенных пунктов России, закончивших заведения среднего школьного образования разного типа (школы, лицеи, гимназии). Кроме того, к числу ограничений относится принадлежность всех студентов фокус-группы к одному томскому университету, их обучение по одной специальности, в то время как анкетирование прошли студенты трех томских университетов, обучающиеся по разным специальностям. Это не дает возможности перенести выводы, полученные из наблюдений над фокус-группой, на всех студентов, принявших участие в опросе. Но результаты анкетирования и фокус-группы сопоставимы: количественные и качественные

¹ Традиционно названные методы применяются в подобных исследованиях по отдельности.

показатели дополняют и корректируют друг друга, внося вклад в научное представление об объекте и предмете исследования, а также в решение актуального вопроса о читательских компетенциях, позволяющих студентам работать с поликодовыми текстами, об инструментах и технологиях оценки их сформированности, наконец, в перспективе, о механизмах и факторах их формирования.

Обзор литературы

Наиболее изученными сегодня представляются *природа поликодового текста и его особенности*. Его гетерогенность как ключевая характеристика выделяется в качестве инварианта в исследованиях Е.Е. Анисимовой [1], А.А. Бернацкой [6], А.Г. Сониной и Д.С. Мичурина [7], Ю.А. Сорокиной и Е.Ф. Тарасова [8], G. Kress, T. van Leeuwen [9] и др. Вторым определяющим признаком выступает неаддитивная целостность: поликодовый текст осмысливается как сложно устроенное единство, генерирующее новые смыслы. Например, Ю.М. Лотман уподобляет поликодовый акт коммуникации «переводу, влекущему за собой <...> определенные потери и одновременно обогащение “меня” текстами, несущими чужую точку зрения» [10. С. 54]. М.И. Седова подчеркивает, что «изображение и текст образуют новую вербально-визуальную форму, которая бывает шире и интереснее, чем ее визуальная и вербальная составляющие, взятые по отдельности» [11. С. 72]. Исходя из эмерджентности поликодового текста, американский теоретик кино и изобразительного искусства R. Arnheim рассматривает изображение как гештальт – целостный образ определенной ситуации, который нельзя свести к сумме составляющих его компонентов [12].

Сложная природа поликодового текста предопределяет особый исследовательский интерес к *проблемам его восприятия, декодирования и востребованности*. Опираясь на формулу М. McLuhan о медиа как внешнем расширении человека («extensions of man») [13], В.Е. Чернявская пишет о том, что гиперпространство задает «принципиально иное рамочное пространство антропоцентризму», предполагая «селективную деятельность субъекта и активность читателя в конструировании смыслов» [14. С. 8]. Размышляя в русле лотмановской концепции о роли контекстуальных связей и систем кодирования смыслов в поликодовом тексте, Н.А. Симбирцева указывает на субъективизм его восприятия, результатом которого становится множество зачастую конфликтующих сценариев прочтения и интерпретации поликодового текста [15]. В свою очередь, Т.Е. Никольская и С.Ю. Павлина делают акцент на культурно-,

социально- и национально обусловленных аспектах восприятия поликодового текста [16].

Так, поликодовость современной коммуникации, по мнению М.Ю. Гудовой, радикально трансформирует модель чтения, для которой очевиден ценностный сдвиг к «текстам новой природы» [17. С. 20]. Ю.В. Щербина пишет о растущей популярности синоптического чтения (перекрестного восприятия нескольких взаимосвязанных текстов, достигающего предельного воплощение при интернет-серфинге), отражающего, по ее мнению, переход от логоцентризма к иконоцентризму [18]. Иконический поворот, повлекший за собой переосмысление грамотности, актуализирует в науке понятия «визуальное мышление» (определяемое D. Roam как «естественная способность человека видеть не только посредством глаз, но и мысленно» [19. Р. 14]) и «визуальная грамотность» (по определению R. Braden и J. Hortin, «способность понимать (читать) и использовать (писать) изображения, а также думать и учиться в терминах изображений» [20. Р. 37]). По определению M. Walsh, мультимодальная грамотность относится к осмыслению, которое происходит посредством чтения, просмотра, понимания, интерпретации, реагирования и взаимодействия с цифровыми текстами и мультимедиа [21. Р. 213].

Формирование навыков мультимодальной грамотности рассматривается зарубежными исследователями как обязательный компонент содержания современного образования. Концепция педагогики мультимодальной грамотности, разрабатываемая New London Group (1996), базируется, кроме прочего, на обязательном обучении всем формам репрезентации значения, включая лингвистические, визуальные, звуковые, пространственные и жестовые [22]. M. Anstey, G. Bull. также отмечают, что преподаватели и студенты должны понимать метаязык всех семиотических систем [23], поскольку, как объясняет G. Kress, в том случае, когда автор выстраивает письменный текст линейно, он как бы создает «маршрут» деятельности читателя, направленный на его восприятие и понимание; при модусном построении текста читатели самостоятельно определяют «маршрут» своих действий, что естественно влияет на восприятие и понимание информации, содержащейся в «читаемом» мультимодальном тексте [24]. Согласно когнитивной теории мультимедийного обучения R.E. Mayer, эффективное усвоение материала, представленного в виде поликодового текста, происходит благодаря сформированному умению переключать внимание между текстом и изображением и устанавливать связи между этими двумя элементами, что, в свою очередь, приводит к интеграции новой информации в уже имеющуюся систему знаний, а также к возможности использовать усвоенную информацию в

дальнейшем [25]. F. Barbe-Gall пишет о необходимости обучения проникновению в пространство и время изотекста, его персонажей и способы их изображения, на основе которого в человеке рождается умение быть свободным в своем восприятии [26].

В отечественной педагогической науке наиболее полно исследован лингводидактический аспект применения учебных поликодовых текстов. В своей диссертации, посвященной применению поликодового текста в практике РКИ, В.А. Сенцова отмечает, что взаимодействие вербального и невербального компонентов позволяет эффективно решать задачи формирования и развития определенных навыков и умений [27]. Рассуждая об умении читать поликодовый, в частности, изотекст, Н.В. Злыднева указывает на необходимость формирования у читателя эмоциональной вовлеченности, внимания, воображения, обеспечивающих глубокое понимание и долгосрочное запоминание информации [28].

С другой стороны, А.П. Усольцев и Т.Н. Шамало опасаются возможного замедления формирования важнейших аспектов мышления, интегрально объединяемых понятием теоретического мышления [29]. А.Г. Войтов пишет о недостаточном опыте работы с визуальным материалом у вузовских педагогов [30]. В целом, как отмечают В.С. Барташ и Т.Г. Галактионова, научное осмысление особенностей влияния визуализации на возникновение и развитие новых форм учебного текста, а также форматов работы с ним носит несистемный характер [3].

Одним из наиболее продуктивных методов исследования поликодовых текстов и их восприятия считается традиционная психоаналитическая интерпретация, включая эмпирические методы – разного рода опросники, наблюдения, интервью, метод свободных ассоциаций (см. например, монографию С. Pajaczkowska & I. Ward [31]). В западной и американской социологии и антропологии достаточно давно используются методы фотовывявления и фотоотклика (см. D. Harper [32]), расширяющие возможности традиционного эмпирического исследования.

Для социологического анализа восприятия поликодовых сообщений возможны как качественные (интерпретационные), так и количественные методы. В частности, для анализа применяются семиотические методы, например, визуальная семиотика R. Barthes [33], визуальная грамматика G. Kress и T. van Leeuwen [9]. Для исследования восприятия книжной иллюстрации до сих пор актуальна концепция Ch.S. Peirce с делением знаков на «иконические», «индексальные» и «символические» [34]. М.В. Гончаренко, Н.А. Лукьянова перечисляют такие популярные зарубежные методы, как ментальные карты T. Buzan, метод визуального мышления D. Roam, метод визуальных скетчей M. Rhodery [35]. Практические

исследования подтверждают, что в первую очередь реципиенты считают иконический слой знаков книжной иллюстрации, тогда как восприятие символического слоя затруднено и требует специальной подготовки [7].

Не менее востребованы аппаратные средства нейро- и психофизиологической диагностики, регистрирующие электрическую активность головного мозга и оценивающие глазодвигательные реакции (айтрекинг). Нейроисследования позволяют получить информацию о роли нейро- и психофизиологических процессов в восприятии текста и данные об эмоциональном переживании текста. По окуломоторным реакциям легко понять, какие области поликодового текста привлекают внимание читателя, а какие остаются незамеченными, какие сложны для восприятия, а какие прочитываются легко [36].

Таким образом, обзор литературы указывает на актуальность и неизученность поставленной нами проблемы и сформулированной цели предлагаемой статьи.

Методология, материалы и методы

Наше представление о поликодовых текстах, прежде всего вербально-изобразительных, об осуществляемых с ними коммуникациях и порождаемых смыслах как продуктах их восприятия опирается на концепции таких ученых, как М. McLuhan [13], R. Barthes [33], Н. Foster [37], R. Arnheim [12], J. Bertin [38], W. Eisner [39], L. Esplund [40], F. Barbe-Gall [26], D. Roam [19], Ю.М. Лотман [10], В.П. Зинченко [41], Н.В. Злыднева [28], М.К. Скаф [4], М.И. Седова [11], Н.А. Симбирцева [15] и др.

Для получения количественных данных о предпочитаемых форматах учебного контента, востребованности у студентов поликодовых текстов, о понимании ими особенностей таких текстов, об их восприятии вербально-изобразительных текстов использовался метод анкетного онлайн-опроса¹, в котором приняли участие студенты трех томских вузов (Томского государственного (ТГУ), Томского государственного педагогического (ТГПУ) и Сибирского государственного медицинского университетов (СибГМУ)). Общее число респондентов составило, как уже было указано выше, 166, из которых представителей СибГМУ – 70 (42,2%), ТГУ – 64 (38,6%), ТГПУ – 32 (19,3%).

Для опроса были отобраны респонденты, обучавшиеся на разных курсах (2–4-м) по разным специальностям: социогуманитарных, естественно-

¹ Опрос был организован и проведен выпускницей 2023 г. НИ ТГУ М.Е. Воронковой под руководством И.А. Айзиковой.

научных и технических. Преобладающей возрастной группой среди заполнивших анкету являются студенты в возрасте 20 лет (33,94%), далее по мере убывания следуют возрастные группы 19 лет (23,64%) и 21 год (21,82%). В распределении респондентов по гендерному критерию мы видим преобладание респондентов женского пола – 75,3% (125), в то время как респонденты мужского пола составили 24,7% (41).

Для обработки данных использовались описательная статистика, шкалирование, табличное представление и др. При интерпретации данных применялся факторный анализ с учетом переменных, влияющих на ответы респондентов (специальность, возраст, пол), проводился анализ взаимосвязи выделенных факторов с дополнительными переменными.

Наряду с анкетным опросом был применен метод фокус-группы для качественных оценок чтения студентами поликодового текста. Участниками очной фокус-группы выступили 10 студентов 3-го курса, обучающихся в НИ ТГУ по специальности «Издательское дело». Преобладали студенты с отличными и хорошими оценками успеваемости, подтверждающими их компетентность в работе с вербальными текстами (редакторский анализ, рецензирование), являющуюся для них профессиональной. В соответствии со сценарием был выдержан следующий тайминг: 1) проведение инструктажа для участников – 5 мин; 2) работа с тремя разными видами текста (вербальный, изобразительный и поликодовый: вербально-изобразительный) – по 10 мин. на каждый; 3) анкетирование – 10 мин; 4) завершение фокус-группы – 5 мин. Мы получили ответы на 4 блока вопросов: по чтению вербального (стихотворение Е. Евтушенко «Но ты воскресла в облике ином...» [42] с отсылкой к картине П. Пикассо «Девочка на шаре» [43]), изобразительного (репродукция данной картины) и поликодового экспериментального текста (стихотворение Е. Евтушенко, иллюстрированное репродукцией картины П. Пикассо), а также по культурному «фону» участников. Каждый текст демонстрировался участникам с компьютера на большой настенный экран на протяжении всего этапа. Для обработки данных использовался контент-анализ.

Для проверки нашей гипотезы полученные данные были рассмотрены как совокупность, что позволило восполнить ограничения одного метода возможностями другого и составить достоверную характеристику студенческой аудитории по признакам востребованности ею поликодовых учебных текстов, особенностей и эффективности их чтения. Кроме того, данные, полученные и проанализированные разными методами, были сопоставлены с целью выявления их совпадений, противоречий, противоположностей, корреляций, включая корреляцию степеней

востребованности и эффективности студенческого чтения учебных поликодовых текстов.

Результаты исследования

Проведенный авторами данной статьи анкетный онлайн-опрос позволил получить ряд важных количественных данных довольно широкого спектра по изучаемой проблеме непосредственно от исследуемой аудитории. Ответы на вопросы закрытого типа были обработаны автоматически.

Полученные данные, прежде всего, указывают на востребованность того или иного вида учебных материалов: респондентам было предложено выбрать предпочтительные типы мономодальных (линейный текст; аудиотекст; визуальный текст) и поликодовых учебных материалов (текст, сопровождаемый графиками, таблицами и схемами; мультимодальный текст; интерактивный текст). Допускалась возможность множественного выбора. Как следует из графика на рис. 1, подавляющее число респондентов выбрали поликодовые тексты, сопровождаемые графиками, таблицами и схемами (78,9%). На втором месте по популярности – мономодальные визуальные тексты, которые выбрали более половины респондентов (55,4%). Простой линейный текст в качестве предпочтений указал 61 респондент (36,8%). Мультимедийные и интерактивные тексты набрали практически одинаковое количество голосов – 28,31 и 25,9% соответственно. В наименьшей степени востребованными оказались аудиотексты, которые указали менее 10% респондентов (9,63%). В целом, респонденты выбирали поликодовые учебные материалы почти в два раза чаще, чем мономодальные (221 и 119 случаев выбора соответственно). Наибольшая востребованность поликодовых текстов, где вербальный текст сопровождается графиками, таблицами и схемами, а также мономодальных визуальных текстов объясняется характерным для постиндустриального общества доминированием визуального контента над традиционным вербальным. Современному студенческому поколению присуще визуальное мышление, сформировавшееся в контексте развития и распространения информационно-коммуникационных технологий.

На следующем этапе анализа мы распределили респондентов на три группы: выбиравшие только монокодовые тексты (линейный вербальный текст, визуальный текст, аудиотекст); выбиравшие только поликодовые тексты (тексты, сопровождаемые графиками, таблицами и схемами; мультимодальные тексты; интерактивные тексты, а также их различные комбинации); указавшие различные комбинации монокодовых и поликодовых типов учебных материалов. Как показывает диаграмма на рис. 2,

наименьшее количество респондентов предпочитают монокодовые тексты (11,5%). Количество респондентов, выбирающих исключительно поликодовые тексты, практически в два раза больше (21,1%). Однако подавляющее большинство респондентов ожидаемо предпочитают комбинировать в учебной деятельности как монокодовые тексты, так и тексты, осложненные кодами разных знаковых систем (67,5%).

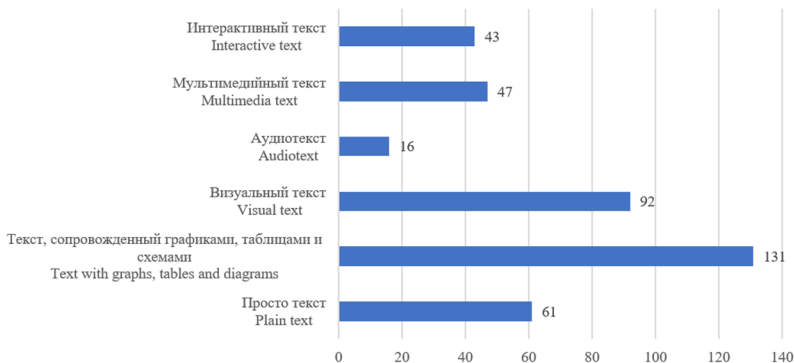

Рис. 1. Предпочитаемый тип учебного материала (от общего числа респондентов)

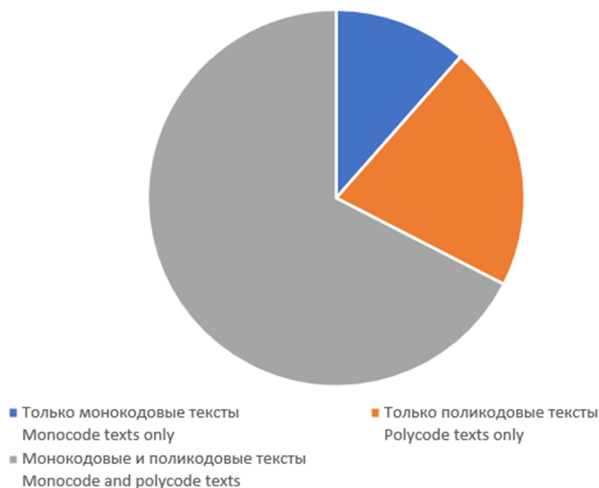

Рис. 2. Распределение респондентов по выбору монокодовых и поликодовых учебных материалов

Из 45 респондентов, указавших только один тип учебного материала, подавляющее большинство выбрали тексты, сопровождаемые таблицами, графиками и схемами (27); существенно меньшее количество респондентов выбрали простой вербальный или визуальный текст (7 и 6 соответственно); 3 человека обозначили свое предпочтение мультимедийных текстов, по одному человеку указали, что выбирают аудио- или интерактивный текст. Наиболее востребованными комбинациями, используемыми респондентами в учебных целях, стали следующие варианты: тексты, сопровождаемые таблицами, графиками и схемами + визуальный текст (24 респондента) и тексты, сопровождаемые таблицами, графиками и схемами + простой вербальный текст (19 респондентов).

Таблица 1 дает информацию о специфике предпочтений типов учебных материалов среди студентов определенных научных специальностей. Мы распределили всех участников анкетирования на три группы в зависимости от научной области: социогуманитарные, естественно-научные и точные (логические) науки.

Т а б л и ц а 1

Распределение предпочтений типов учебных материалов по научным областям

Тип учебных материалов	Научная область (кол-во респондентов), %		
	Социогуманитарные науки	Естественно-научные науки	Точные науки
Простой текст	37,7	35,1	36,4
Текст с графиками, таблицами и схемами	83,1	85,1	90,9
Визуальный текст	46,8	51,4	63,6
Аудиотекст	7,8	12,2	0
Мультимедийный текст	19,5	31,1	54,5
Интерактивный текст	18,2	32,4	45,5

Согласно полученным данным, простой линейный текст выбрали не более 40% в каждой группе респондентов, при этом разница между группами – в пределах 1–2%. Текстам, сопровождаемым графиками, таблицами и схемами, отдают предпочтение более 80% респондентов в каждой группе. Мультимедийные и интерактивные тексты пользуются большей популярностью у студентов, изучающих точные науки (54,5 и 45,5% соответственно), в то время как среди студентов, изучающих естественные науки, эти типы учебных материалов отметили около трети респондентов (31,1 и 32,4% соответственно); среди студентов социогуманитарных специальностей такой выбор сделали менее 20% (19,5 и 18,2%

соответственно). Можно предполагать, что студенты, изучающие точные науки, лучше знакомы с мультимедийными и интерактивными технологиями.

Таблица 2 показывает распределение ответов респондентов по вузам: три наиболее популярные опции совпали у всех трех вузов. Тексты, сопровождаемые графиками, таблицами и схемами, получили существенное преимущество у всех студентов, участвующих в опросе.

Наименьшей популярностью в качестве учебных материалов во всех вузах пользуются аудиотексты: в большей степени они востребованы у студентов ТГПУ (15,63% респондентов), в то время как в СибГМУ аудиотексты отметили 10% респондентов, в ТГУ – 6,25% респондентов. Также необходимо заметить, что интерактивные тексты оказались в большей степени востребованы у студентов СибГМУ, чем у студентов ТГУ и ТГПУ (на 11 и 6% соответственно).

Т а б л и ц а 2

Распределение предпочитаемых типов учебных материалов по томским вузам

Тип учебных материалов	Вуз, %		
	ТГУ	СибГМУ	ТГПУ
Простой текст	39,06	35,71	34,38
Текст с графиками, таблицами и схемами	78,13	81,43	75
Визуальный текст	46,88	50	53,13
Аудиотекст	6,25	10	15,63
Мультимедийный текст	25,56	28,57	31,25
Интерактивный текст	20,31	31,43	25

График на рис. 3 показывает гендерную структуру предпочтений. Их сравнение показало, что мужчин, выбирающих вербальные линейные тексты, на 20% больше, чем женщин, в то время как женщины на 9% чаще, чем мужчины, выбирают визуальные тексты. Разница между мужчинами и женщинами, выбравшими мультимедийные и интерактивные тексты, составляет 5% (мужчины выбирают такой тип учебных материалов чаще, чем женщины). Наиболее частотным вариантом как у мужчин, так и у женщин были тексты, сопровождаемые графиками, таблицами и схемами. Разница между мужчинами и женщинами, выбравшими этот тип учебного материала, составляет 3% и представляется несущественной. Реже всего как мужчины, так и женщины выбирали аудиотексты (разница составляет 1% и также представляется несущественной).

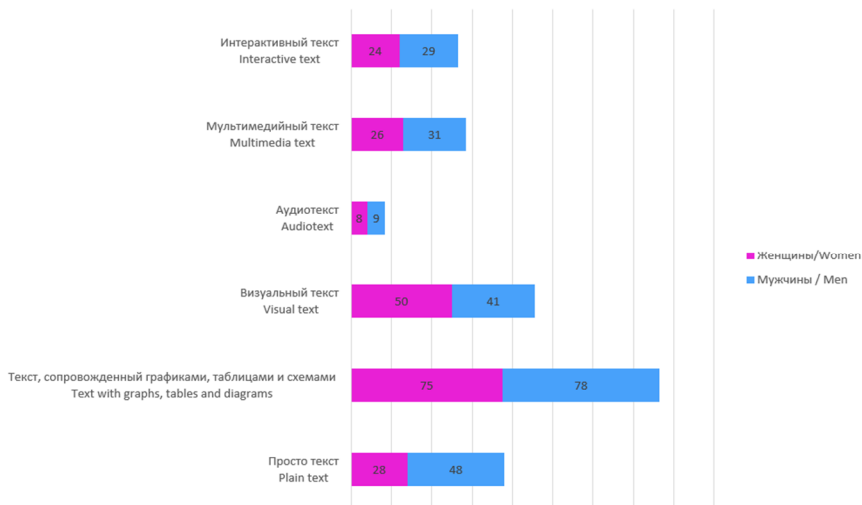

Рис. 3. Распределение предпочтений учебных материалов по гендерному признаку, % от количества опрошенных мужчин и женщин

Согласно табл. 3, преимущество во всех возрастных группах имеют тексты, сопровождаемые графиками, таблицами и схемами. На втором месте во всех группах – визуальные тексты, исключая респондентов в возрасте 21 год, которые чаще выбирали простой линейный текст, однако разница составила всего 3% (1-й выбор), что представляется несущественным. Следующим выбором в группах респондентов 18 и 20 лет был простой линейный текст, в то время как респонденты 19 и 21 года выбрали мультимедийный текст. Также необходимо отметить, что респонденты 19, 22 и 23 лет одинаково часто выбирали мультимедийный и интерактивный текст. Наименьшей популярностью во всех возрастных группах пользовался аудиотекст, однако необходимо отметить, что респонденты в возрасте 18 лет также редко выбирали и мультимедийный текст.

Ответы на один из вопросов анкеты (открытого типа) позволили получить количественные данные о том, какие средства визуализации предпочитают респонденты. Под визуализацией мы понимаем изображение либо элементов текста, либо структур, извлеченных из текста, для образовательных или аналитических нужд. Текстовую информацию представляют визуально в виде списков, таблиц, диаграмм, снабжают иллюстрациями (фотографиями, схемами, рисунками).

Т а б л и ц а 3

Возрастная структура предпочтений определенных типов учебных материалов, % от общего числа респондентов данной возрастной группы)

Тип материала	Возраст, % от общего кол-ва респондентов						
	18	19	20	21	22	23	24
Простой текст	50	20,5	39,3	47,2	15,4	40	0
Текст с графиками, таблицами и схемами	71,4	76,9	78,6	77,8	100	80	100
Визуальный текст	64,3	46,2	42,3	44,4	69,2	60	50
Аудиотекст	14,3	2,6	14,3	8,3	7,7	0	0
Мультимедийный текст	14,3	38,5	21,4	19,4	30,8	40	50
Интерактивный текст	35,7	38,5	21,43	8,3	30,8	40	50

Как показывает диаграмма на рис. 4, наиболее частотными средствами визуализации учебного материала выступают различные виды схематизации и структурирования материала: схемы и кластеры (29,1%), а также таблицы и списки (22,3%). Иллюстративные опоры (иллюстрации, фотографии) стоят на третьем месте (18,5%). Графики и диаграммы отметили 11,7% респондентов. На все остальные средства визуализации приходится менее 5% ответов в каждом случае.

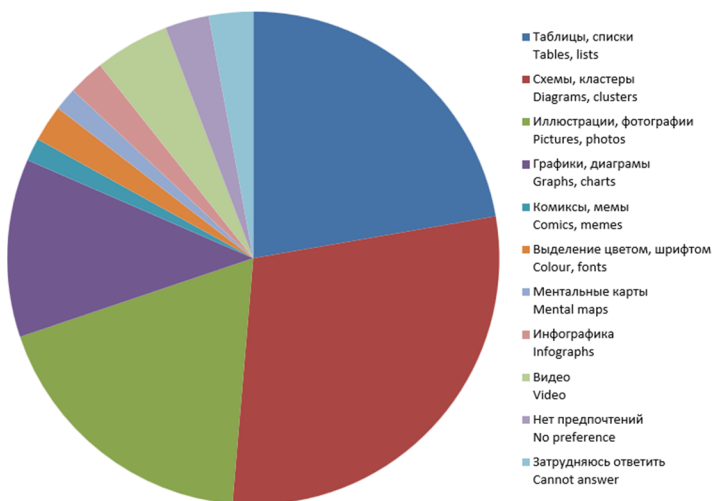

Рис. 4. Распределение респондентов по предпочитаемым средствам визуализации

Еще один вопрос открытого типа позволил выяснить в количественных показателях, как различается восприятие и усвоение материала с наличием визуального, аудио-, мультимедийного, интерактивного контента и просто вербального текста.

Три четверти опрошенных (120 из 166) указали, что восприятие текста, имеющего визуальный, аудио-, мультимедийный или интерактивный контент, отличается от восприятия простого вербального текста; 34 респондента заявили, что восприятие не отличается; 12 респондентов не смогли дать ответ.

Из 120 респондентов, указавших, что восприятие текстов, имеющих какой-либо невербальный контент, отличается от восприятия простого вербального текста, подавляющее большинство (117) отмечали, что визуализированный, интерактивный, мультимедийный текст «интереснее», «легче воспринимается и запоминается», «позволяет задействовать долговременную память», «полностью погружает в информацию», «повышает доверие к материалу», «вызывает большое количество ассоциаций, облегчающих запоминание», «позволяет легче запомнить массивы информации» и что простой вербальный текст, напротив, «хуже усваивается», «его сложно уловить с первого раза» (3). При этом 3 респондента указали, что воспринимают информацию исключительно визуально и совсем не воспринимают вербальный текст.

Вместе с тем некоторые респонденты отметили, что инфографика мешает восприятию (1), избыточность визуального материала отвлекает (1), мультимедийные материалы нередко очень поверхностны (1). Также 8 респондентов указали, что тяжело воспринимают и запоминают аудиотексты (8) и не используют их в учебной деятельности (1). Только 3 респондента предпочли аудиотекст прочим видам учебных текстов.

Следующий вопрос открытого типа логически связан с предыдущим. Его целью было выяснить, что, по мнению респондентов, является причиной(ами) отличий в восприятии и усвоении материала с наличием визуального, аудио-, мультимедийного, интерактивного контента и просто вербального текста. Наибольшее количество респондентов объясняют предпочтение материалов с визуальным, мультимедийным, интерактивным контентом, доминированием визуального канала восприятия (16). Ряд респондентов указали на то, что мультимедийные и интерактивные тексты позволяют задействовать разные анализаторы одновременно, что позволяет эффективнее усваивать учебную информацию (10). Некоторые респонденты отмечают, что визуальный и мультимедийный контент предпочтительнее, потому что его проще структурировать (4) и такой контент интереснее (4); визуальный материал позволяет задействовать

процессы синтеза и анализа, что облегчает запоминание (1); мультимедийные и интерактивные тексты эффективнее, потому что позволяют взаимодействовать с ними (1); интерактивный контент позволяет не терять концентрацию долгое время (1), в то время как простой вербальный текст требует больших усилий для удержания концентрации (1). Низкую популярность аудиотекстов респонденты объясняют тем, что аудиоформат не позволяет структурировать и классифицировать контент и создает вербальный шум (3), а также вызывает стресс и беспокойство (1).

Чрезвычайно показательны ответы на еще один вопрос открытого типа – о достаточности навыков эффективного чтения учебной литературы, о проблемах, возникающих при работе с учебными текстами того или иного вида. Значительная часть респондентов всех трех университетов ответили, что читательских компетенций им хватает, ни с какими проблемами восприятия текстов того или иного вида они не сталкиваются (44,4%, 28 человек – ТГУ; 40,6%, 13 человек – ТГПУ; 36,2%, 25 человек – СибГМУ; это составляет почти 40% от общего количества опрошенных студентов). Остальные, безотносительно какого-то конкретного вида текста, указали на проблемы концентрации внимания и усидчивости, вычленения из текста главной мысли, запоминания, скорости чтения, сложности с пониманием текста из-за используемой в учебниках лексики, отсутствие интереса к материалу. При этом из ответов студентов на вопрос об опыте обучения читательским компетенциям в области традиционных и новых видов учебного текста (в том числе поликодового) следует, что совсем небольшая часть респондентов (не более 3–5% от общего количества) проходили тренинги по повышению эффективности чтения. В основном назывались тренинги, направленные на развитие навыков скорочтения (проводимые в том числе блогерами), а также упоминалась онлайн-платформа для развития внимания, памяти и мышления «Викиум». Студенты указали, что такие тренинги эффективны, но этой деятельностью важно заниматься регулярно.

Оценивая достоверность данных, полученных методом онлайн-опроса, мы исходим из того, что, как любой другой количественный метод, он допускает случайные ошибки выборки, связанные с ее формированием; во-первых, с тем, что анализ данных ведется по выборке, а не по всей студенческой аудитории г. Томска; во-вторых, с онлайн-форматом опроса, т.е. с добровольным саморекрутированием респондентов, пользователей интернета (в исследуемую группу могли войти не только студенты и не только томских вузов, один и тот же респондент мог ответить на вопросы анкеты не один раз, опрашиваемые могли предоставить фальсифицированные данные). Случайную ошибку выборки оценить не

представляется возможным. Смещения в анализе данных, которые могут возникать из-за различий религиозных, политических и других особенностей респондентов, не коррелируют с темой опроса и потому могут не учитываться.

Наконец, следует учитывать возможные ошибки в ответах, связанные с невнимательностью, недобросовестностью респондентов, «быстрой» стратегией заполнения анкеты, когда респондент выбирает первые варианты ответов, использует однотипные установки в ответах на все вопросы. В нашем случае очевидно не соответствующих вопросу, «быстрых» ответов выявлено не было, что мы связываем с темой, актуальной для студенческой аудитории и мотивирующей опрашиваемых к вдумчивому и внимательному прочтению анкеты. Свою роль сыграла и преамбула к анкете, четко объясняющая респондентам ее цель. Неточные ответы, ошибки пропуска, ответы общего характера встречаются в работе студентов с вопросами открытого типа о предпочитаемых средствах визуализации, восприятию разных видов текста, об оценке своих навыков чтения. Они свидетельствуют не столько о недобросовестности респондентов, о неправильной постановке вопроса (ответов типа «не понял вопрос», «нет»), сколько о том, что опрашиваемые не разбираются в предмете или, по крайней мере, недостаточно компетентны в нем либо не придают вопросу особого значения.

Наряду с опросом нами была проведена очная фокус-группа с целью получить качественные показатели, характеризующие, прежде всего, эффективность восприятия студентами поликодового текста (вербального, сопровождаемого невербальной визуализацией), – для научного обоснования эффективности использования данного вида текстов в высшем образовании, а также возможности и условий оптимизации работы с ними. Именно этих данных не дал нам проведенный опрос. Результаты фокус-группы, обсуждение проведенного исследования и выводы будут представлены в одноименной статье второй (см. следующий номер журнала).

Список источников

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : ТЕЗАРУС, 2013. С. 15.
2. Сергеева Ю.М., Уварова Е.А. Поликодовый текст: особенности построения и восприятия // Наука и школа. 2014. № 4. С. 133. С. 128–134.
3. Браташ В.С., Галактионова Т.Г. Современный этап трансформации учебного текста: доминирование визуального компонента // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 1 (51). С. 107–117.
4. Скаф М.К. Визуальная литература. Речевые фигуры и тропы // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 210.

5. Скаф М.К. Мария Скаф – о визуальных нарративах и о том, как с ними работать. URL: <https://design.hse.ru/news/720> (дата обращения: 20.08.2023).

6. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. 2000. № 3 (11). С. 104–110.

7. Сонин А.Г., Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 164–173.

8. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. 240 с.

9. Kress G., van Leeuwen T. Multimodal Discourse: «The Modes and Media of Contemporary Communication». Oxford UK : Oxford University Press, 2001. 152 p.

10. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. М. : Академический проект, 2002. С. 54.

11. Седова М.И. Изображение и текст // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1 (2). С. 72.

12. Arnheim R. Art and Visual Perception. University of California Press, 2004. 528 p.

13. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Gingko Press, 2003. 616 p.

14. Чернявская В. Поликодовость vs логоцентризм в речевом воздействии // Филологические науки. Научные доклады Высшей школы. 2016. № 2. С. 3–10.

15. Симбирцева Н.А. Специфика прочтения визуального текста // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (1). С. 163–165.

16. Никольская Т.Е., Павлина С.Ю. Национально обусловленные аспекты восприятия поликодового текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2019. № 1 (18). С. 132–145.

17. Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2015. 50 с.

18. Щербинина Ю.В. Выход из зоны Брока. Новые способы и актуальные практики чтения // Знамя. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/3/vygod-iz-zony-broka.html> (дата обращения: 20.08.2023).

19. Roam D. The Back of the Napkin (Expanded Edition): Solving Problems and Selling Ideas with Pictures. Portfolio. 314 p.

20. Braden R., Hortin J. Identifying The Theoretical Foundations of Visual Literacy // Journal of Visual Verbal Language. 1982. № 2 (2). P. 37–42.

21. Walsh M. Multimodal Literacy: What Does It Mean for Classroom Practice? // Australian Journal of Language and Literacy. 2010. № 33. P. 211–239.

22. The New London Group. A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures // Harvard Educational Review. 1996. № 66 (1). P. 60–93.

23. Anstey M., Bull G. Foundations of Multiliteracies. Reading, Writing and Talking in the 21st Century. London : Routledge, 2018. 258 p.

24. Крекс Г. Социальная Семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27429205> (дата обращения: 29.11.2020).

25. Mayer R.E. Cognitive theory of multimedia learning // The Cambridge Handbook of Multimedia Learning / ed. by R.E. Mayer. Cambridge University Press, 2014. P. 43–71. doi: 10.1017/CBO9781139547369.005

26. Barbe-Gall F. Comment parler d'art aux enfants. Adam Biro. 2002. 120 p.
27. Сенцова В.А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 184 с.
28. Злыднева Н.В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М. : Индрик, 2013. 360 с.
29. Усольцев А.П., Шамало Т.Н. Наглядность и ее функции в обучении // Педагогическое образование в России. 2016. № 6. С. 102–109.
30. Войтов А.Г. Наглядность, визуалистика, инфографика системного анализа : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2022. 212 с.
31. Pajaczkowska C., Ward I. (eds) Shame and Sexuality Psychoanalysis and Visual Culture. Routledge, 2008. 262 p.
32. Harper D. Talking about pictures: A case for photo elicitation // Visual Studies. 2002. № 17:1. P. 13–26. doi: 10.1080/14725860220137345
33. Barthes R. The Semiotic Challenge. New York : Hill and Wang, 1988. 293 p.
34. Pierce Ch.S. Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition. Vols. 1–6, various editors at the Peirce Edition Project. Indiana UP, 1982–2000.
35. Гончаренко М.В., Лукьянова Н.А. Социальное конструирование и визуальная метафора // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 60–66.
36. Бессонова Ю.В., Обознов А.А., Лобанова Л.А. Использование айтрекинга для диагностики мотивации личности // Айтрекинг в психологической науке и практике. М. : Когито-Центр, 2015. С. 147–157.
37. Foster H. Vision and Visuality. Discussion in Contemporary Culture. Number 2 / ed. by Hal Foster. Seattle : Bay Press, 1988.
38. Bertin J., Graphique S. Les diagrammes, les réseaux, les cartes. Paris : EHESS, 1999–443 p.
39. Eisner W. Comics and Sequential Art. W.W. Norton & Company, 2008. 192 p.
40. Esplund L. The Art of Looking: How to Read Modern and Contemporary Art. Basic books, 2018. 288 p.
41. Зинченко В.П. Восприятие и визуальная культура. М. : ЦГИ, 2018. 504 с.
42. Евтушенко Е. «Но ты воскресла в облике ином...». URL: http://ev-evt.net/stihi/m/moj_son.php (дата обращения: 5.09.2023).
43. Пикассо П. Девочка на шаре [репродукция с картины]. URL: <https://www.pablo-ruiiz-picasso.ru/work-1.php> (дата обращения: 5.09.2023).

References

1. Anisimova, E.E. (2013) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts)]. Moscow: TEZARUS.
2. Sergeeva, Yu.M. & Uvarova, E.A. (2014) Polycode text: features of construction and perception. *Nauka i shkola – Science and School*. 4. pp. 128–134. (In Russian).
3. Bratash, V.S. & Galaktionova, T.G. (2020) The current stage of transformation of educational text: the dominance of the visual component. *Vestnik MGPU. Seriya "Pedagogika i psikhologiya" – MSU Journal of Pedagogy and Psychology*. 1(51). pp. 107–117. (In Russian).

4. Skaf, M.K. (2014) Visual Literature: Rhetorical Devices and Tropes. *Detskie chteniya – Children's Readings*. 2(6). pp. 209–219. (In Russian).

5. Skaf, M.K. (n.d.) *Mariya Skaf – o vizual'nykh narrativakh i o tom, kak s nimi rabotat'* [Maria Skaf – about visual narratives and how to work with them]. [Online] Available from: <https://design.hse.ru/news/720> [Accessed: 15th September 2023].

6. Bernatskaya, A.A. (2000) On the problem of “text creolization”: the history and current state. *Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik – Speech Communication: Specialized Bulletin*. 3(11). pp. 104–110. (In Russian).

7. Sonin, A.G. & Michurin, D.S. (2012) Evolution of polycode texts: From influence to interaction. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of Psycholinguistics*. 16. pp. 164–173. (In Russian).

8. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990) Creolized texts and their communicative function. In Yu.A. Sorokin et al. In: Petrenko, V.F., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. & Ufimtseva, N.V. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of Speech Influence]. Moscow: Nauka.

9. Kress, G. & van Leeuwen, T. (2001) *Multimodal Discourse: “The Modes and Media of Contemporary Communication.”* Oxford, UK: Oxford University Press.

10. Lotman, Yu.M. (2002) *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. Moscow: Akademicheskii proekt.

11. Sedova, M.I. (2013) Image and text. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 1(2). pp. 72–74. (In Russian).

12. Arnheim, R. (2004) *Art and Visual Perception*. University of California Press.

13. McLuhan, M. (2003) *Understanding Media: The Extensions of Man*. Gingko Press.

14. Chernyavskaya, V. (2016) Multimodality vs “Logocentrism” in Persuasion. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady Vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School*. 2. pp. 3–10. (In Russian). DOI: 10.20339/PhS.2-16.003

15. Simbirtseva, N.A. (2013) Specifics of reading visual text. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. 10(1). pp. 163–165. (In Russian).

16. Nikolskaya, T.E. & Pavlina, S.Yu. (2019) Nationally determined aspects of perception of polycode text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 1(18). pp. 132–145. (In Russian).

17. Gudova, M.Yu. (2015) *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz* [Reading in the era of post-literacy: a cultural analysis]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Ekaterinburg.

18. Shcherbinina, Yu.V. (2018) Exit from Broca's area. New ways and current reading practices. *Znanya*. 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/3/vygod-iz-zony-broka.html> (Accessed: 15th September 2023).

19. Roam, D. (2013) *The Back of the Napkin (Expanded Edition): Solving Problems and Selling Ideas with Pictures*. Portfolio.

20. Braden, R. & Hortin J. (1982) Identifying the Theoretical Foundations of Visual Literacy. *Journal of Visual Verbal Linguaging*. 2(2). pp. 37–42.

21. Walsh, M. (2010) Multimodal Literacy: What Does It Mean for Classroom Practice? *Australian Journal of Language and Literacy*. 33. pp. 211–239. DOI: 10.1007/BF03651836

22. The New London Group. (1996) A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures. *Harvard Educational Review*. 66(1). pp. 60–93.
23. Anstey, M. & Bull, G. (2018) *Foundations of Multiliteracies. Reading, Writing and Talking in the 21st Century*. London: Routledge.
24. Kress, G. (2016) Social Semiotics and challenges of multimodality. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 77–100.
25. Mayer, R.E. (2014) Cognitive theory of multimedia learning. In: Mayer, R.E. (ed.) *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning*. Cambridge University Press. pp. 43–71. DOI: 10.1017/CBO9781139547369.005
26. Barbe-Gall, F. (2002) *Comment parler d'art aux enfants*. Adam Biro.
27. Sentsova, V.A. (2018) *Polikodovye teksty kak sredstvo obucheniya ital'yanskikh uchashchikhsya russkoy grammatike (I sertifikatsionnyy uroven')* [Polycode texts as a means of teaching Russian grammar to Italian students (I certification level)]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
28. Zlydneva, N.V. (2013) *Vizual'nyy narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya* [Visual narrative: Mythopoetic reading]. Moscow: Indrik.
29. Usoltsev, A.P. & Shamalo, T.N. (2016) Visibility and its functions in teaching. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 6. pp. 102–109. (In Russ.).
30. Voytov, A.G. (2022) *Naglyadnost', vizualistika, infografika sistemnogo analiza* [Visualization, and infographics of system analysis]. Moscow: Dashchikov i K.
31. Pajaczkowska, S. & Ward, I. (eds) (2008) *Shame and Sexuality Psychoanalysis and Visual Culture*. Routledge.
32. Harper, D. (2002) Talking about pictures: A case for photo elicitation. *Visual Studies*. 17(1). pp. 13–26. DOI: 10.1080/14725860220137345
33. Barthes, R. (1988) *The Semiotic Challenge*. New York: Hill and Wang.
34. Pierce, Ch.S. (1982–2000) *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition*. Vols. 1–6, various editors at the Peirce Edition Project, Indiana UP.
35. Goncharenko, M.V. & Lukyanova, N.A. (2022) Social construction and visual metaphor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 477. pp. 60–66. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/477/6
36. Bessonova, Yu.V., Oboznov, A.A. & Lobanova, L.A. (2015) Ispol'zovanie aytrenkinga dlya diagnostiki motivatsii lichnosti [Using eye tracking to diagnose personal motivation]. In: Brabanshchikov, V.A. (ed.) *Aytrenking v psikhologicheskoy nauke i praktike* [Eye tracking in psychological science and practice]. Moscow: Kogito-Tsentr. pp. 147–157.
37. Foster, H. (1988) Vision and Visuality. In Foster, H. (ed.) *Discussion in Contemporary Culture*. Vol. 2. Seattle: Bay Press.
38. Bertin, J. (1999) *Sémiologie Graphique. Les diagrammes, les réseaux, les cartes*. Paris: EHESS.
39. Eisner, W. (2008) *Comics and Sequential Art*. W. W. Norton & Company.
40. Eshlund, L. (2018) *The Art of Looking: How to Read Modern and Contemporary Art*. Basic books.
41. Zinchenko, V.P. (2018) *Vospriyatie i vizual'naya kul'tura* [Perception and Visual Culture]. Moscow: TsGI.
42. Evtushenko, E. (n.d.) “No ty voskresla v oblike inom...” [“But you have risen in a different form...”]. [Online] Available from: http://ev-evt.net/stihi/m/moj_son.php (Accessed: 15th September 2023).

43. Picasso, P. (n.d.) *Devochka na share [reproduksiya s kartiny]* [Young Acrobat on a Ball [a reproduction]]. [Online] Available from: <https://www.pablo-ruiz-picasso.ru/work-1.php> (Accessed: 5th September 2023).

Информация об авторах:

Айзикова И.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Горенинцева В.Н. – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anatol_valya@mail.ru

Вклад соавторов:

И.А. Айзикова – разработка теоретико-методологических оснований исследования, анализ и объяснение полученных данных.

В.Н. Горенинцева – теоретический анализ проблемы исследования в отечественной и зарубежной науке, анализ и объяснение полученных данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Aizikova, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of General Literary Studies, Publishing and Editing, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

V.N. Gorenintseva, Cand. Sci. (Philology), associate professor of the Department of Romance-Germanic and Classical Philology, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5720-0378. E-mail: anatol_valya@mail.ru

Contribution of the authors:

I.A. Aizikova: development of theoretical and methodological foundations of the study, analysis and explanation of the data obtained.

V.N. Gorenintseva: theoretical analysis of the research problem in Russian and foreign science, analysis and explanation of the data obtained.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 15.09.2023;
approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 17.10.2023*

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья

УДК 82-1/-9. 161. 1: 801.73

doi: 10.17223/23062061/33/7

И.С. ТУРГЕНЕВ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ РАБОТЫ НАД ОБРАЗОМ БАЗАРОВА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРЕДАКТИРОВАНИЯ БЕЛОВОГО АВТОГРАФА РОМАНА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

Вячеслав Михайлович Головко¹

¹ *Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
vmgolovko@mail.ru*

Аннотация. Противоположные интерпретации социально-философского романа Тургенева «Отцы и дети» в литературной критике 1860-х гг. и в академическом литературоведении последующего времени, как правило, подкрепляются апелляцией к метапоэтике писателя, по-разному определявшего своё отношение к главному герою произведения. Анализ авторских интенций, фиксируемых на уровне правки и саморедактирования белового автографа романа, позволяет выявить логику в работе Тургенева над образом «отрицателя» Базарова.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, творческий процесс, художественный текст, смыслообразование, текстологический комментарий, историко-литературный комментарий, редакции литературного произведения, авторедктирование писателя

Для цитирования: Головко В.М. И.С. Тургенев на завершающем этапе работы над образом Базарова (на материале авторедктирования белового автографа романа «Отцы и дети») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 115–136. doi: 10.17223/23062061/33/7

BOOK PUBLISHING

Original article

IVAN TURGENEV AT THE FINAL STAGE OF WORK ON THE IMAGE OF BAZAROV (ON THE MATERIAL OF THE SELF-EDITING OF THE FINAL AUTOGRAPH OF THE NOVEL *FATHERS AND SONS*)

Vyacheslav M. Golovko¹

¹ North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, vmgolovko@mail.ru

Abstract. The ambiguity of Turgenev's statements about his work on the image of Bazarov, fixed in the writer's metapoetics, is explained by the fact that he "dreamed of a figure ... tragic", "half-grown from the soil", the character conceived by him as "still standing on the eve of the future", "self-broken", endowed with the features of a "Hamletizing Don Quixote". An analysis of the laws of meaning generation in the novel, which are revealed when considering the logic in the writer's work on the image of the "denier", provides additional material for the textual and historical-literary commentary of the work. A.I. Batyuto, substantiating the concept of the canonical text of *Fathers and Sons*, rightly emphasized that, when preparing the novel for magazine publication (1862), Turgenev eliminated many details that portrayed Bazarov in an unfavorable light and restored or re-created those that emphasized the truly typical in the image of a Raznochinets-Democrat. This Turgenev's intention, realized in his work on the image of Bazarov, is fixed by the system of editing and self-editing of the final autograph of the novel. Correcting the text in accordance with the ideological concept, Turgenev removed the epigraph, which limited the problematics of the novel to social issues and did not sanction the depiction of the character's ontological drama. The writer made significant changes to the characterization of Bazarov's attitude to art: he removed associative links with discussions about the "usefulness" of art from D.I. Pisarev's pretext articles and direct statements about Bazarov's "misunderstanding" of art, and strengthened the idea of the character's negative attitude towards the theory and practice of "disinterested art", and of his deep understanding of the connection between artistic creativity and spiritual activity with all other spheres of society. By editing the final autograph, the writer sought to emphasize the generalized nature of the perception by "new people" of the two main forms of knowledge – science and art. A correction was made aimed at exacerbating the ideological conflict between the Democrat Bazarov and the Liberal Kirsanov, at substantiating the fact that the nihilist character is the spokesman for the "needs" of the people and "their aspirations". Emphasizing Bazarov's self-sufficiency, his ability of self-realization, Turgenev, while finalizing the text, actualized the idea of action as a way of a human's attitude to the world. In a number of cases, the writer abandoned lexical means that created the connotation of authorial irony in relation to the protagonist, more clearly expressed the desire to avoid rhetoric when characterizing

and describing the life goals of a character of this type, realizing that the image of a positive character is “the most difficult” in the writer’s work. A few corrections in the depiction of Bazarov’s illness and death are significant. Turgenev sought to organically connect the picture of the character’s death with the semantic field of the novel’s finale and its main motif of “endless life”. The pattern in the self-editing of the final autograph of *Fathers and Sons* was manifested in the elimination from the text of everything that would reduce Bazarov in the reader’s perception, in the strengthening of the positive principle in the character and appearance of Bazarov as a type of a public figure of the era, and in the actualization of the existential content of the philosophical connotations of the novel.

Keywords: Ivan Turgenev, creative process, literary text, meaning formation, textual commentary, historical and literary commentary, editions of literary work, writer’s self-editing

For citation: Golovko, V.M. (2023) Ivan Turgenev at the final stage of work on the image of Bazarov (on the material of the self-editing of the final autograph of the novel *Fathers and Sons*). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 115–136. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/7

Хрестоматийный роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» на всем протяжении его существования во времени вызывал и вызывает по сей день разные оценки и интерпретации. Процессом научного постижения художественной философии писателя в обновляющихся социокультурных контекстах во многом определяется видение глубины этого классического текста. Многослойный роман Тургенева в парадигме философии литературы уже в эпоху Серебряного века концептуально рассматривался модернистской критикой и академической наукой, а в известном исследовании академика П.Н. Сакулина «На грани двух культур. И.С. Тургенев» [1] анализировался в свете натурфилософской проблематики тургеневского творчества. Однако в комплексном рассмотрении романа Тургенева как социально-философского по жанру (в его психологической жанровой разновидности) литературоведческая и образовательная практика определилась лишь после фундаментальных исследований Б.М. Эйхенбаума, Л.В. Пумпянского, Г.А. Бялого, Г.Б. Курляндской, Б.И. Бурсова, А.И. Батюто, П.Г. Пустовойта, С.М. Петрова, А. Гранжара и других учёных. Своего рода итог подвёл Ю.М. Лотман, который, рассматривая в произведениях И.С. Тургенева процесс демифологизации по отношению к романным схемам, указал на особенности собственной мифологии писателя – она осуществляется в корреляции трёх пластов сюжетологии тургеневского романа: современно-бытового (то, в чём Добролюбов усматривал «чутьё автора к живым струнам общества». – *В.Г.*), архетипического («вечное» в произведениях писателя, во многом обусловленное идеями статьи-речи «Гамлет и Дон-Кихот») и космического

(натурфилософский план, «отменяющий» два первых) [2. С. 728]. Такой подход позволяет объективно рассматривать порою взаимоисключающие концепции смыслопорождения в романе «Отцы и дети», что имело место как в момент появления произведения на страницах журнала М.Н. Каткова «Русский вестник» в феврале 1862 г., так и спустя почти сто лет (статья В.А. Архипова «К творческой истории романа И.С. Тургенева “Отцы и дети”», опубликованная в 1958 г. [3], и вызванная ею острая полемика (см.: [4. С. 611])). Как говорил сам писатель после появления в печати «Отцов и детей», его «били палками... с обеих сторон» [5. П. Т. 11. С. 351]¹. Даже в демократической критике изображение Тургеневым «детей» вызывало прямо противоположные оценки: от утверждения, что они «представлены в романе во всем своём безобразии» («Асмодей нашего времени» М.А. Антоновича), до признания, что «Тургенев не нашел ни одного существенного обвинения» против «молодого поколения» («Базаров» Д.И. Писарева). Но характер изображения «красивого, пленительного» Базарова как «провозвестника» нового этапа в демократическом движении, как «крупной, оригинальной личности» [5. П. Т. 10. С. 295–296] вызывал неоднозначную оценку даже у самого автора. И это было вполне закономерно: Тургеневу «мечталась фигура... трагическая», «до половины выросшая из почвы», герой мыслился им как «стоящий ещё в преддверии к будущему» [5. П. Т. 4. С. 381], как «самоломанный», надёлённый чертами «гамлетизирующего Дон-Кихота».

В.А. Архипов, изучавший «историю переработки» Тургеневым текста романа «Отцы и дети», которая продолжалась с сентября 1861 г. до января 1862 г., пришёл к выводу, что автор делал всё, чтобы было выполнено требование редактора журнала М.Н. Каткова: «...фигура Базарова» не должна была «производить впечатления апотеозы» [5. П. Т. 4. С. 295]. Исследователь использовал это высказывание Тургенева из его письма к Каткову от 1(13) октября 1861 г. с целью доказать, что писатель стремился не к объективности в изображении нарождающегося типа общественного деятеля новой эпохи, а к дегероизации Базарова: он якобы искал «точки касания между ним и Ситниковым», пытаясь «изменить соотношение сил Базаров–Кирсановы в пользу Кирсановых» [3. С. 153]. В этом он усматривал факт вмешательства редактора «Русского вестника» в творческий процесс Тургенева, акцентируя внимание на тех моментах, когда писатель вынужден был делать некоторые уступки Каткову, возмущённому тем, что Базаров «господствует безусловно надо

¹ Далее при цитировании в тексте статьи указывается серия С. (Сочинения), П. (Письма), том и страницы.

всеми и нигде не встречает себе никакого дельного отпора» [6. С. 467]. Уместно вспомнить, что в 1862 г. в «Русском вестнике» Катков опубликовал несколько собственных статей антинигилистического содержания, в том числе посвящённых «Отцам и детям» («Роман Тургенева и его критики», «О нашем нигилизме (по поводу романа Тургенева)»). Резкая критика нигилизма осуществлялась в них с позиций введённого Катковым в журнальный контекст понятия «положительное начало»: «Прогресс возможен только там, – писал он, – где есть положительное начало, и чем крепче убеждение в нем, тем вернее совершается дело прогресса... дело жизни» [7. С. 108]. «Положительное начало» заключало в себе то, что, по мнению Каткова, составляло суть национальной, духовной самобытности русского народа, а базаровский нигилизм трактовался им как проявление антинародных, разрушительных сил в русском обществе.

В процессе анализа переработки Тургеневым «Отцов и детей», вплоть «до внесения последних поправок в издание 1862 года», В.А. Архипов приходил к выводу о наличии «антинигилистической тенденции» в этом произведении [3. С. 135, 140] и в духе советского тургеневедения середины XX в. «постепеновство снизу» и позиции социального эволюционизма писателя трактовал не как выражение идей демократического просветительства (см.: [8]), а как явление заурядного либерализма. Роман «Отцы и дети» он воспринимал как «политический», как свидетельство того, что «либералы заключили союз с реакционерами против революционных демократов» [3. С. 162]. Многоуровневость тургеневского романа не являлась в этом случае предметом литературоведческой рефлексии, в содержании произведения всё сводилось к «современно-бытовому», рассматриваемому (при всей внешней объективности) с антиисторических позиций, без дифференциации многообразных течений в русском либерализме середины и второй половины XIX в. В рецепции романа «Отцы и дети», ставшего эпохальным не только для русской, но и мировой литературы, оправдались слова ближайшего друга и критика Тургенева – П.В. Анненкова, без одобрения которого писатель не отдавал в печать свои сочинения: у Базарова «два лица, как у Януса, и каждая партия будет видеть только тот фас, который её наиболее тешит или который она разобрать способнее» [9. С. 110]. Итоги «разбора» того «фаса», который «тешил» автора статьи о «творческой истории политического романа “Отцы и дети”», его суждения о том, что Тургенев «на всем протяжении создания романа... колебался... между... двумя полюсами – рассказать правду в ущерб своей тенденции и провести свою тенденцию в ущерб правде» [3. С. 162], не подтверждаются данными текстологического комментария,

осуществлённого А.И. Батюто в процессе подготовки романа к изданию в академическом Полном собрании сочинений и писем писателя [4].

В процессе обоснования канонического текста «Отцов и детей» этот исследователь установил, что в сентябре–декабре 1861 г. Тургенев дорабатывал «парижскую рукопись» романа «Отцы и дети», представленную редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову, в соответствии с замечаниями П.В. Анненкова, но при этом вовсе не ограничиваясь его рекомендациями. В такой же мере неоднозначно писатель реагировал и на требования Каткова подчёркивать «пустоту и бесплодие» Базарова при внесении правки в текст романа [5. П. Т. 4. С. 303]. И если он в некоторых местах «психологически снижал проповедь передовых идей», т.е. пропаганду Базаровым «тезисов революционно-демократического просветительства» Чернышевского и Добролюбова (например, программное высказывание героя «Исправьте общество, и болезней не будет») (см.: [4. С. 578–579]), то делал это исходя из логики воплощения авторского замысла в изображении «трагической фигуры» «отрицателя», т.е. из стремления к тому, чтобы главного героя «сделать волком и всё-таки оправдать его» [5. П. Т. 4. С. 383]. Подводя итог анализа переработки Тургеневым «Отцов и детей», А.И. Батюто сделал вывод: «Характер Базарова... стал более суровым и волевым, а водораздел между благовоспитанными дворянскими «отцами» либерального толка и “волосатым” разночинцем демократом – более определённым и резким» [4. С. 582–583]. Имея в виду работу Тургенева над романом при подготовке его отдельного издания, осуществлённого в сентябре 1862 г., А.И. Батюто справедливо отметил, что «много, рисующее Базарова в невыгодном свете, было устранено Тургеневым, а многое другое, подчёркивающее подлинно типическое в образе разночинца-демократа, восстановлено или заново создано» [4. С. 588]. Подтверждаются ли эти положения исследователя анализом той внутренней логики, которая просматривается в работе писателя над образом Базарова на последней, завершающей стадии доработки белого автографа текста «Отцов и детей»?

Прежде чем обратиться к анализу результатов авторской интенции, необходимо отметить, что в 1984 г. П. Уоддингтоном был впервые опубликован «формулярный список» Базарова, находящийся в числе других подготовительных материалов к «Отцам и детям» в частном собрании М. и А. Ле Сен (Париж). Здесь указаны в качестве реальных прототипов Базарова Н.А. Добролюбов, И.В. Павлов и, возможно, Н.С. Преображенский [10. С. 566]: на них ориентировался писатель в самом начале работы над произведением. Позже, в статье «По поводу “Отцов и детей”» (1869) Тургенев писал о том, что «высоко ценил» Добролюбова «как человека и

как талантливому писателю» [5. С. Т. 14. С. 99]. И всё-таки не случайно в научных и художественных интерпретациях образа главного героя тургеневского романа наличествуют порою прямо противоположные тенденции, берущие начало от критики 1860-х гг. Многие исследователи неоднократно подчёркивали противоречивость высказываний самого автора о Базарове, которые всякий раз могли быть объяснены вполне объективными причинами. В письме к А.А. Фету 6 (18) апреля 1862 г., т.е. в момент наиболее напряжённых дискуссий о романе, Тургенев признавался: «Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? *Я этого сам не знаю*, ибо я не знаю, люблю ли я его или ненавижу! Вот тебе и тенденция! Катков распекал меня за то, что Базаров у меня вышел в апофеозе. <...> Вы упрекаете меня в параллелизме <...> но где он – позвольте спросить, – и где эти *пáры* (выделено И.С. Тургеневым. – *В.Г.*), верующие и неверующие? <...> Истина прежде всего» [5. П. Т. 4. С. 371] «Истина», о которой говорил Тургенев, с его точки зрения, была достижима только при «истинной свободе» творчества [5. С. Т. 14. С. 107]. В статье «По поводу “Отцов и детей”» писатель рассматривал роман как факт реализации «свободы в обширнейшем смысле – в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории» [5. С. Т. 14. С. 99, 108]. Во время работы над произведением он оставался верен своему эстетическому кредо: писатель должен обладать «способностью видеть *белое и чёрное* – и направо и налево...» (выделено И.С. Тургеневым. – *В.Г.*) [5. П. Т. 8. С. 200].

Этому принципу следовал Тургенев и на завершающем этапе работы над романом. В характеристику «отрицателя» Базарова вносились такие детали, которые говорят не о какой-либо тенденциозности в обрисовке главного героя, а о стремлении автора к «истине», о проявлении «истинной свободы» в изображении типа общественного деятеля 60-х гг. XIX в. Анализ такой работы писателя над образом Базарова фиксирует закономерность в формировании идейного содержания романа «Отцы и дети», позволяет разобраться в противоречивых высказываниях самого автора о его герое, а также внести дополнительные данные в историю рецепции произведения. Вопросы авторской доработки и правки текста «Отцов и детей» обстоятельно изучались вышеназванными учёными, но рассмотрение данных авторедактирования белового автографа, касающихся образа Базарова, в их логике позволяет в текстологический комментарий «Отцов и детей» вносить те наблюдения над процессом работы Тургенева, которые до сих пор не были отрефлексированы в специальной научной литературе и анализируются в системном виде впервые.

В процессе доработки текста «Отцов и детей» Тургенев снял уже в беловой автографе эпиграф: *«Молодой человек человеку средних лет: В вас было содержание, но не было силы. Человек средних лет: А в вас – сила без содержания. (Из современного разговора)»* [5. С. Т. 8. С. 446]. Почему писатель отказался от такого эпиграфа? Разумеется, не только по совету его литературных друзей. Во-первых, данный эпиграф воспринимался бы как автоаллюзия, воскрешающая в памяти небольшую поэму Тургенева «Разговор» (1845) и создающая смысловую параллель между диалогическим конфликтом этого произведения и «Отцами и детьми», где такой конфликт в принципе невозможен. Здесь весь роман «направлен против дворянства как передового класса» [5. П. Т. 4. С. 380], и автор не может находиться над «схваткой» [5. С. Т. 8. С. 240] героев. Но более важным является то, что такой эпиграф ориентировал бы на восприятие идейного конфликта поколений, т.е. ограничивал бы смысловое целое произведения первым слоем многоуровневого романа Тургенева: ведь в таком эпиграфе нет даже намёка на онтологическую драму героя, освещаемую во втором сюжетно-композиционном круге «Отцов и детей», без которой натурфилософская проблематика романа была бы утрачена. В результате этого на уровне герменевтического «предпонимания» идейное содержание отвечало бы жанровой норме «политического» романа, не выходило бы за рамки «социального реализма». Такого типа произведение ушло бы в небытие вместе с эпохой, его породившей. По этой же причине и в XXVII главе из слов умирающего Базарова о «силе, которая вся ещё тут, а надо умирать», Тургенев убрал следующую фразу: *«Вот уж точно, как говорил этот шут – как бишь его – Павел Петрович: сила без содержания!»* [5. С. Т. 8. С. 391, 477]. И дело не в том, что при отсутствии эпиграфа эта фраза утратила бы с ним предполагавшуюся ассоциативную смысловую связь, а в том, что ею локализовалась, даже упрощалась бы много-сложная художественная семантика образа Базарова.

В беловой автограф писатель внёс существенную правку, характеризующую отношение Базарова к искусству. Как известно, суждения тургеневского героя о «поэтах» и «химиках», о Рафаэле и Пушкине вызывали и продолжают вызывать критическое отношение к тургеневскому герою. Например, Г.А. Лопатин, один из идеологов революционного народничества, входящих в дружеский круг писателя, вспоминал, что, прочитав «Отцы и дети» в шестнадцатилетнем возрасте, почувствовал «любовное отношение Тургенева к Базарову», но его «волновал только один вопрос: почему для Базарова не существовало искусства? Разве материализм несоединим с любовью ко всему прекрасному?» [11. С. 394].

В VI главе после слов Базарова «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», сказанные в ответ на уничижительный отзыв Павла Петровича Кирсанова о «каких-то химиках и материалистах» [5. С. Т. 8. С. 219], в беловом автографе Тургенев снял следующий фрагмент текста: *«Если вы так строги к поэтам, то уж, разумеется, живописцам, музыкантам и прочим художникам от вас пощады ждать нечего?» – «Не о пощаде речь; я в них пользы не вижу. Другими словами»* [5. С. Т. 8. С. 449]. Казалось, писателю было бы важно подчеркнуть, что «шестидесятники», к поколению которых принадлежит Базаров, социальный прогресс связывали с развитием естественных наук, а потому искусство рассматривали исключительно с точки зрения «пользы», но Тургенев, снимая эту часть диалога персонажей, реализовывал две цели.

Во-первых, излишние комментарии Базарова противоречили бы сути ситуации: герой вовсе не намерен был исповедоваться перед «аристократией», «распространяться перед этим барином», он не был инициатором диалога и лишь «отрывисто и неохотно» отвечал на настойчивые вопросы Павла Петровича [5. С. Т. 8. С. 241, 245, 218]. Во-вторых, Тургенев отделил тем самым своего героя от утилитаристов позитивистского толка, лишённых объективности взглядов на духовную сторону человеческой жизни.

Эта тенденция усиливается следующей авторской правкой текста: во фразе Павла Петровича «Вы, стало быть, искусства вообще не признаёте» писатель убрал очень существенное с точки зрения художественной семантики слово «вообще» [5. С. Т. 8. С. 449]. Тем самым в каноническом тексте открывалась перспектива для рецепции одной из весьма значимых в характеристике Базарова идей в её более глубоком по смыслу содержании, нежели это может показаться при поверхностном прочтении произведения. Упрёки в адрес тургеневского героя по поводу предпочтения им «химиков», а не «поэтов» оказываются не столь безусловными и однозначными, как нередко это утверждается даже в научной литературе.

Оппонент Базарова тонко уловил связь его суждений об искусстве с отношением к существующему строю в целом: «Ну, а насчёт других, в людском быту принятых, постановлений вы придерживаетесь такого же отрицательного направления?» [5. С. Т. 8. С. 219]. «Допрос» Павла Петровича Кирсанова [5. С. Т. 8. С. 219] не случайно принял такой обострённый характер. Он понял, что Базаров искусство не отрицает «*вообще*», он имеет в виду те формы идеологии, в том числе и «поэзию», которые обеспечивают и поддерживают несправедливый и антинародный общественный порядок. «Нигилист» привлекал внимание к «общественным болезням» [5. С. Т. 8. С. 277], имея в виду состояние именно современного

социума. Базаров настаивал на том, что не существует «науки вообще», как и «искусства вообще», т.е. «бессознательного творчества»; его резкие оценки «искусства наживать деньги» объясняются глубоким пониманием того, что не может быть «чистой поэзии», что искусство всегда выполняет определённые социальные функции [5. С. Т. 8. С. 219, 245].

В X главе, где «словесная дуэль» между героями достигла своего апогея, Базаров не случайно непосредственно связал «толки об искусстве» как «бессознательном творчестве», т.е. такой «вздор», с игнорированием проблем народной жизни, которые требуют незамедлительного решения [5. С. Т. 8. С. 244–245]. Тургенев избегал откровенной тенденциозности в характеристике эстетических суждений Базарова, не отрывая при этом его оценки общественных ролей «порядочного химика» и «поэта» в современном обществе от общей философско-политической системы нигилизма. Но при этом подчёркивал, что данные оценки вовсе не объясняются его непониманием искусства или ортодоксальным отрицанием идеальных факторов, во многом определяющих социально-нравственный прогресс, развитие человека и человеческого общества.

Именно с этим связана правка текста в XV главе, где речь шла о реакции Одинцовой на отношение Базарова к искусству: «Она завела речь о музыке, но, заметив, что Базаров не признаёт *или не понимает* искусства, потихоньку возвратилась к ботанике...» [5. С. Т. 8. С. 456, 272]. В беловом автографе писатель вычеркнул слова «*или не понимает*», что существенно меняет смысл авторских характеристик героя. Удалив из текста резко снижающие общую характеристику Базарова слова о непонимании им искусства (см.: [5. С. Т. 8. С. 272]), писатель тем самым акцентировал внимание на главном в суждениях героя об искусстве: на отрицании героем «искусства наживать деньги» под прикрытием теорий «бессознательного творчества». Тем самым он предоставил возможность реципиенту адекватно воспринимать и оценивать реакцию Одинцовой на восприятие героем «музыки» или «поэзии». Существенной является и такая деталь: Одинцова в споре с Базаровым, отдающим приоритет содержательному потенциалу рисунка над словесным описанием какого-либо явления (XVI глава), не говорит в утвердительном плане об отсутствии у героя «художественного смысла»: «И так-таки у вас ни капельки художественного смысла нет?... Как же вы это без него обходитесь?» [5. С. Т. 8. С. 277]. Это именно вопрос, а не утверждение. То, что автор-повествователь нигде на протяжении всего текста романа не говорит о «непонимании» искусства героем, должно быть указующим знаком и для читателей, и для критиков, пытающихся разобраться в том, как и почему на самом деле оценивает искусство «отрицатель» Базаров.

Что же касается снятых в беловом автографе слов Базарова о том, что он в творениях деятелей искусств «*пользы не видит*», то тут необходимо иметь в виду следующий факт: типизируя образ разночинца-демократа, Тургенев с его обострённым чувством художественного историзма не мог игнорировать тенденции утилитаризма, которые имели место в демократической эстетике 60-х гг., в частности в «теории реализма» Д.И. Писарева. Критик, например, отказывал искусству в необходимом «количестве *пользы*» [12. С. 294, 476] и одновременно, солидаризируясь с Чернышевским, в статье «Посмотрим!» писал том, что «забота о музыкальных консерваториях, об операх, балетах, картинах и статуях», как и о других «потребностях второстепенной важности, развившихся у крошечного меньшинства сытых и разжиревших людей», «нелепа, отвратительна, неприлична и вредна» в условиях, «когда в обществе есть не только голодные люди, но даже голодные классы» [12. С. 450–451].

В свете таких внутренних ассоциаций текста романа Тургенева и демократической критики времени действия в этом произведении уже не покажется столь неожиданной отповедь медика Базарова на слова Павла Петровича Кирсанова о том, что он «не признаёт искусства»: «Искусство наживать деньги, или нет более геморроя!» [5. С. Т. 8. С. 219]. То, что в окончательном тексте романа Тургенев не сохранил слова Базарова о том, что он «*пользы не видит*» в «живописцах, музыкантах и прочих художниках», объясняется его нежеланием непосредственно указывать на один из претекстов романа, на возможный источник подобных суждений героя.

Эти суждения непосредственно восходят к некоторым положениям статей Писарева «Пушкин и Белинский», «Разрушение эстетики» и «Посмотрим!». В последней критик, например, объяснял, почему «издержки и хлопоты... ни при каком направлении художественной деятельности не окупаются тем количеством пользы, которое может быть принесено» всеми видами искусства [12. С. 476–481]. В данном случае просматриваемый генезис суждений Базарова о «пользе» искусства не способствовал бы достижению критерия подлинной художественности. Тургенев в этом случае не оставил без внимания слова П.В. Анненкова о том, что в творчестве «близко... подходить к специальному явлению жизни – нельзя»: произведение должно отражать «мысль» прототипа, «а не слово, выражение, ухватку». А если последнее имеет место, то, подчёркивал Анненков, это – *«шলেখте реалитэт... говоря совершенно по-гегелевски»* (курсив П.В. Анненкова. – В.Г.) [9. С. 111].

«Мысль» Писарева отражается в «Отцах и детях», но не в виде «слов и выражений» из его указанных статей, а в общей концептосфере романа. Она находит выражение ещё и в том, что писатель, напомним ещё раз,

отказался от первоначального намерения показать Базарова человеком, «не понимающим искусства» [5. С. Т. 8. С. 456]. Писарев, на которого, безусловно, ориентировался Тургенев, характеризуя уровень эстетического развития героя, особо подчёркивал важность духовного совершенствования человека, что невозможно без «понимания искусства»: «Это был бы с нашей стороны нелепейший ригоризм и формализм, если бы мы вздумали браковать гениальную мысль на том основании, что она проведена в поэме или в романе, а не в теоретическом рассуждении, – писал он в статье “Реалисты”. – ...Мы твердо убеждены в том, что каждому человеку, желающему сделаться полезным работником мысли, необходимо широкое и всестороннее образование, в котором Гейне, Гёте, Шекспир должны занять своё место наряду с Либихом, Дарвином и Ляйелем» [12. С. 105].

Базарова можно было бы упрекнуть в преувеличении общественной роли естественных наук, в плохом знании живописи Рафаэля или поэзии Пушкина. Но совершенно очевидно, что Тургенев стремился донести до читателя мысль об отрицательном отношении героя к теории и практике «незаинтересованного искусства» и «науке вообще», о его глубоком понимании связи художественного творчества, духовной деятельности со всеми другими областями и сферами социально-исторической жизни.

Правкой в беловом автографе писатель стремился подчеркнуть обобщённый характер такого восприятия единомышленниками Базарова двух основных форм познания мира и человека, и не случайно во фразе героя «а наука вообще *для меня* не существует вовсе» из диалога с Кирсановым в VI главе он убрал локализирующие содержание его высказывания о науке слова «*для меня*» [5. С. Т. 8. С. 450], указав тем самым на типические проявления в умонастроениях и мировоззрении этого героя.

Обострение идейного конфликта Базарова и Кирсанова подчёркивалось Тургеневым. Так, в рукописи «Отцов и детей» в оценочные высказывания камердинера Прокофьяча, называвшего Базарова «живодёром» и «прощелыгой», была добавлена весьма характерная деталь: крепостной Прокофьяч, «аристократ не хуже Павла Петровича», всех «уверял», что Базаров «со своими бакенбардами – настоящая свинья в кустах» [5. С. Т. 8. С. 238, 452]. В антипатии к «волосатому» Базарову [5. С. Т. 8. С. 209] Кирсанов, в сущности, сравнился со своим же камердинером. Но примечательно, что в этом же фрагменте текста, где говорится о том, что слуги Кирсановых «привязались» к Базарову, «чувствовали, что он всё-таки свой брат, не барин», Тургенев внёс существенные коррективы: в первоначальном варианте фразы «привязались к нему, хотя он над ними *подшучивал*», писатель заменил глагол на более мягкий по своей эмоциональной окраске – «*подтрунивал*», исключив тем самым наметившуюся было

духовно-нравственную дистанцию между героем и крепостными Кирсановых [5. С. Т. 8. С. 452, 237].

На тех страницах рукописи «Отцов и детей», где воссоздавался спор непримиримых оппонентов о народе и об отношениях народа и демократической интеллигенции, тоже остались следы тщательной правки автором текста романа. Мимо этого аспекта творческой истории произведения исследователи пройти не могли. Так, А.И. Батюто, в частности, указал на то, что под давлением Каткова писатель «оттенил изображение безуспешной попытки героя найти общий язык с крестьянами» [4. С. 573–574, 579]. В то же время вывод учёного о том, что подобные «влияния» не изменили «общего “плана романа”» [4. С. 572], подтверждаются наблюдениями над направленностью правки, которую вносил писатель в беловой автограф. Тургенев, как это давно установлено, ко всем советам и рекомендациям друзей и критиков относился неодинаково: он принимал во внимание только те, которые соответствовали его замыслу, его творческим задачам. В спор Кирсанова и Базарова о народе в X главе писатель практически не вносил изменений. «Отрицатель» предстаёт здесь как выразитель «потребностей» народа и «его стремлений» [5. С. Т. 8. С. 243]. О своей близости к народу он говорит не с «презрительной» (по отношению к аристократу Павлу Петровичу, как было в первоначальном варианте), а «с надменной гордостью» человека, «направление» идей и мыслей которого «вызвано... народным духом» [5. С. Т. 8. С. 452, 244]. Даже небольшая правка, внесенная в диалог героев о народе, в содержательном отношении является весьма существенной.

Рассмотрим некоторые принципиально важные штрихи и детали. На упрёк Кирсанова в том, что «нигилисты» говорят с народом «и презирают его в то же время», Базаров в первоначальном варианте отвечал: «Что ж, коли он, *в теперешнем своём положении*, заслуживает презрения!» [5. С. Т. 8. С. 244, 452]. При доработке текста Тургенев снял указание на современное, «теперешнее», т.е. социально-историческое, положение народа, ещё находившегося в 1859 г. (время действия в романе) в крепостной зависимости. Окончательная фраза «Что ж, коли он заслуживает презрения!» [5. С. Т. 8. С. 244] изменила смысл высказывания Базарова: стало очевидным, что он возлагал ответственность за бедственное положение народа не только на самодержавно-крепостнический порядок, но и на сам народ. Он не идеализировал народ, чем очень выгодно отличался от Кирсанова с его либеральным народолюбием, проявлявшимся в лучшем случае в том, что «раз в месяц избавлял мужика от экзекуции» [5. С. Т. 8. С. 226].

В результате авторской правки подтекстная мысль о необходимости исторических инициатив народа размыкала локальный хронотоп романа, открывала взгляд Базарова в будущее, связанное с надеждами на поиски народом новых форм его социальной самоорганизации. Изменение такого же типа внёс Тургенев и в слова героя о том, что «самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли *поможет беде*, потому что мужик... рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке» [5. С. Т. 8. С. 453]. Речь идёт о подготовке крестьянской реформы и о «беде» настоящего положения крестьянства. Писатель, подчёркивая, что Базаров рассматривает вопросы народной жизни, исходя не из проблем лишь сегодняшней ситуации, а в долгосрочной перспективе, внёс изменение в слова героя, существенно сместив смысловые акценты: «...самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли *пойдёт нам впрок...*» [5. С. Т. 8. С. 245]. В результате Базаров поставил вопрос не просто о свободе от крепостного права, т.е. о преодолении «беды» настоящего момента, а о необходимости коренного изменения самосознания народных масс и общества в целом.

Это в полной мере соответствовало представлениям самого писателя о том, что «нет никакого резона... насильственно вламываться в народную жизнь с чуждыми ему (народу. — В.Г.) принципами и теориями», народ должен «устраиваться сам», а дело «правительства» и «образованного класса... предоставлять ему только все необходимое» [11. Т. 2. С. 163]. Этим объясняется и то, что в беловом автографе Тургенев вычеркнул слова Базарова «*Мы не одни и народ не против нас*» [5. С. Т. 8. С. 453], потому что они обозначали бы наличие претензий «нигилистов» на их руководящую роль в развитии народной жизни, а это пришло бы в противоречие с идеей необходимости исторических инициатив самого народа. Вся правка диалога Базарова и Кирсанова о народе осуществлялась в свете представлений писателя о том, что «нужно не вносить новые общественные и нравственные идеалы в народную среду, а только предоставить ей свободу возделывать и растить те общественные идеалы и нравственные принципы, зародыши которых кроются в ней самой» [11. Т. 2. С. 163].

В целях акцентуации негативного отношения Базарова к либеральной идеологии, к «романтизму» и слабости воли его главного оппонента Тургенев при авторедактировании белового автографа нередко использовал выразительные средства и эмоционально-смысловые возможности экспрессивной лексики. Так, в VII главе, показывая критическое отношение Базарова к пиетету Павла Петровича перед английским аристократизмом и либерализмом, писатель в первоначальной фразе героя в адрес Павла

Петровича «Я уверен, что он не шутя воображает себя дельным человеком, потому что следит за *Timesom*...» заменил название влиятельной в Лондонском Сити газеты «The Times» на пренебрежительное «*Галиньяшка*», имея в виду газету либерального направления «Galignani's Messenger», которая издавалась Вильямом и Энтони Галиньяни (Galignani) в Париже на английском языке. В окончательном варианте «не шутя воображает себя дельным человеком, потому что читает *Галиньяшку*» первоначальная нейтрально-констатирующая деталь кардинально изменилась, приобретя иронически-оценочное качество [5. С. Т. 8. С. 450, 226]. Усиливая резкость базаровского осуждения Кирсанова за то, что он «жизнь поставил на карту женской любви» и в результате этого «ни на что не стал способен», Тургенев к словам «этакой человек – не мужчина», добавил: «не *самец*» [5. С. Т. 8. С. 450, 226]. В словаре Базарова появилось слово грубое, в данном контексте противоположное тому, что ассоциируется в понимании героя с «романизмом, чепухой, гнилью, художеством», но оно органично для речи «физиолога» и ярко подчёркивает глубокую чуждость ему социально-психологического облика Павла Петровича в целом [5. С. Т. 8. С. 226].

Часть вариантов текста романа, фиксируемая в беловом автографе, связана с характеристикой Базарова как «нового типа». В такой авторской правке просматривается определённая закономерность. Стремясь показать, что у Базарова все его высказывания и суждения не расходятся с делом, что он всё «пытает не словами, а делом», в отличие от «лишних людей», героев недавнего времени русской жизни, писатель вносил в текст соответствующие вставки. Так, попытки Аркадия Кирсанова объяснить «принципы» и особенности характеров «отцов» условиями их времени и воспитания, Базаров нейтрализует не только категориями нравственной модальности, но и ссылками на собственный опыт: «Воспитание? – подхватил Базаров. – Всякий человек сам себя воспитать должен – *ну хоть как я например...*» [5. С. Т. 8. С. 226, 450]. Вписанная в текст белового автографа ссылка героя на самого себя способствовала пониманию читателем того, что Базаров не манипулирует словами, что каждое его высказывание может быть подкреплено реальным фактом или поступком. В XXI главе Тургенев, указывая на самодостаточность, самоактуализацию героя, не случайно добавил в речь его отца слова о том, что, выбрав свой путь и формируя самого себя, Базаров ничего не «*тянул со своих родителей*» [5. С. Т. 8. С. 320]. «Дерзкую *самонадеянность*», а не «*самоуверенность*» героя, как было в первоначальном варианте, вынужден констатировать даже противник Базарова – Павел Петрович [5. С. Т. 8. С. 248,

454]. «Самонадеянность» – в данном случае, вопреки оценкам Кирсанова, это именно надежда на самого себя.

Обратим внимание на словесную нюансировку при работе писателя над образом Базарова. Дело Базаровых, придерживающихся «отрицательного направления», проявляется в реализации понимания того, что во имя будущего социального «строительства» «сперва нужно место расчистить» [5. С. Т. 8. С. 219]. Этим Базаров принципиально отличается от псевдонигилистов типа Ситникова и Кукшиной с характерными для их поведения побочными формами ритуала и культурной инсценировки (см.: [13]). Дистанцированность героя от пустословия подобных типов подчёркивалась в процессе доработки романа такой, например, правкой: в ответ на сетования Ситникова, что губернские женщины не понимают смысл того, о чём они говорят с Базаровым, в первоначальном варианте герой отвечал: «Да им совсем не нужно понимать *наши беседы...*», но затем множественное число в этой фразе Тургенев сменил на единственное: «Да им совсем не нужно понимать *нашу беседу...*» [5. С. Т. 8. С. 262, 455]. Казалось бы, небольшая деталь, но она изменила содержание высказывания очень существенно: писатель указал на то, что встречи и беседы героя с его «обезьянами» были единичными, а не систематическими. Или ещё пример: указывая на позитивистскую основу материализма Базарова, свойственную науке середины XIX в., Тургенев расширил спектр «силы ощущений», к которым герой сводит восприятие человеком мира. Благодаря вставке о том, что «*и честность – ощущение*», эта «сила» закономерно распространилась у естественника Базарова на сферу нравственности [5. С. Т. 8. С. 325, 465]. В XXVI главе писатель в сцену расставания Базарова с Аркадием Кирсановым, жизненные дороги которых принципиально разошлись, внёс релевантное дополнение в слова героя-нигилиста о трудной доле «отрицателей», которым по пути не с «мякенькими либеральными баричами», а с настоящими деятелями и борцами: «*Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замазает, да ты и не дорос до нас...*» [5. С. Т. 8. С. 475, 380].

Все отмеченные поправки, вставки, вычёркивания и подобное подчинялись одной цели – художественной типизации образа Базарова как разnochинца-демократа, т.е. воссозданию такого типа индивидуальности, который наиболее вероятно создавался общественно-историческими условиями периода обострения идейной борьбы в русском обществе конца 1850-х – начала 1860-х гг.

Авторская правка коснулась и тех фрагментов текста, где изобразительно-оценочными средствами выражалось в той или иной мере негативное отношение к герою. Но совершенно очевидно, что писатель

стремился ограничить, смягчить ауру негативизма. Так, показывая реакцию Базарова и Аркадия Кирсанова на приглашение Одинцовой приезжать в её имение Никольское (XV глава), первоначальный вариант «*“Нигилист”* только поклонился...» писатель заменил на «*Базаров* только поклонился...», исключив таким образом ироническую коннотацию этой фразы, которая создавалась взятым в кавычки словом «нигилист», т.е. в данном контексте – «чужим словом» [5. С. Т. 8. С. 456, 272]. То же самое наблюдается и в XXV главе, где «чужое слово» «нигилист» было заменено на «нейтральное» «неожиданный гость» [5. С. Т. 8. С. 471, 369]. В XVI главе Тургенев в авторской характеристике снял слова о «*сухом и одностороннем, но свободном и бойком*» уме Базарова, говорившие явно не в пользу этого героя [5. С. Т. 8. С. 459]. В XVII главе он значительно ослабил резкость проявления психологической реакции Базарова на собственное ощущение возникающей любви к Одинцовой. Если раньше эта реакция проявлялась в том, что с Анной Сергеевной он нарочито «*говорил отрывисто, почти грубо*», «*почти зло*», то в окончательном тексте он уже «*говорил нехотя*», «*преувеличенно резко*» [5. С. Т. 8. С. 460, 461, 285, 291]. Показывая борьбу влюблённого Базарова с самим собою, с собственным «романтизмом», писатель снял в окончательном тексте выражение крайне негативного проявления такой борьбы, когда его герой не только «грозил себе кулаком», но даже «*плевался*» [5. С. Т. 8. С. 287, 460]. В беловом автографе были вычеркнуты слова о Базарове как «*равнодушном и холодном*» человеке [5. С. Т. 8. С. 461]. Была внесена правка даже в такую, казалось бы, безобидную авторскую характеристику, как «*он никогда не лгал и не “сочинял”*»: писатель удалил слова «*не лгал*», потому что такое отрицательное свойство было в принципе не присуще этому герою [5. С. Т. 8. С. 460].

Противоречит ли таким проявлениям «невольного влечения» автора к Базарову [5. С. Т. 14. С. 99] тот факт, что при доработке текста он снял в беловом автографе два фрагмента, очень важных для, казалось бы, положительной характеристики мировоззрения и общественных устремлений Базарова? Во-первых, речь идёт о сцене посещения Базаровым имения Одинцовой (XV глава), где писатель убрал из текста, на первый взгляд, ценные сведения о герое: «*Всякое пошлое её (Одинцову. – В.Г.) отталкивало, а всякая сила её привлекала: в пошлости никто бы не упрекнул Базарова – а сила сказывалась во всём его существе: в резких чертах его лица, в его голосе, в самих движениях его длинных костлявых пальцев*» [5. С. Т. 8. С. 456]. Такое решение писателя объясняется «требованиями художественности» (Н.Г. Чернышевский): в том, что Базаров обладает «силой», читатель уже мог убедиться, и столь настойчивое повторение этого

мотива создавало бы ситуацию авторского «нажима», проявления тенденциозности в обрисовке героя, а в результате удаления этих строк из окончательного текста возможность такой ситуации была исключена. Но ещё более серьёзным и принципиальным выглядит отказ Тургенева от того фрагмента в диалоге с Одинцовой, где Базаров говорит о том, как он и его единомышленники представляют себе путь излечения от «общественных болезней», путь «исправления общества» [5. С. Т. 8. С. 277].

В беловом автографе автор вычеркнул следующие слова героя: *«Надо, разумеется, начать с уничтожения всего старого – и мы этим занимаемся помаленьку. Вы изволили видеть, как сжигают негодную прошлогоднюю траву? Если в почве не иссякла сила – она даст двойной рост»* [5. С. Т. 8. С. 456]. Казалось бы, такая метафора приоткрывала социальную суть нигилизма. Но, во-первых, подобная конкретика явно сужала бы смысл социального активизма Базаровых: ведь во время «схватки» с Кирсановым в X главе герой дал понять не только о первых шагах «расчистки места» для будущего, но и об отрицании всего того, о чём Павлу Петровичу и слово «страшно вымолвить» [5. С. Т. 8. С. 243]. Во-вторых, то, что «сперва нужно место расчистить», «уничтожая всё старое», Базаров уже говорил в том же самом диалоге с Кирсановым [5. С. Т. 8. С. 243, 456]. В-третьих, для писателя были гораздо важнее не прямолинейные высказывания Базарова, а выводы реципиента, которые он мог сделать самостоятельно, осмысливая характер деятельности «новых людей» на основе всей совокупности воссозданных в романе художественных картин. Отмеченная правка текста в этих случаях вовсе не является подтверждением факта редакторского вмешательства Каткова в творческий процесс Тургенева, а говорит лишь о том, что автор не только понимал, что изображение положительного героя – это «самое трудное» [5. П. Т. 12. Кн. 1. С. 39], но и стремился в своей работе избегать риторичности при характеристике и описании действий персонажа такого типа. Как писал Тургенев сразу после публикации романа в «Русском вестнике» о своём герое, «штука была бы неважная представить его – идеалом; а сделать его волком и всё-таки оправдать его – это было трудно...» [5. П. Т. 4. С. 383]. Отмеченная правка текста была конкретным выражением такой творческой позиции писателя.

Показательно, что практически не было правки тех страниц белового автографа и текста прижизненных изданий 1862, 1865, 1869, 1874 и 1880 гг., где ясно обозначилась философская ситуация романа (XXI глава) и где описывалась болезнь и смерть Базарова. Психологическому сгущению при изображении медитаций Базарова, осознающего «ничтожество» человека перед мирозданием, перед «вечной Изидой»

Природой [5. С. Т. 8. С. 323; Т. 7. С. 51], способствовала вставка о его реакции на то, что это «не смердит» [5. С. Т. 8. С. 465, 323] тем, кто перед лицом «глухой слепорождённой силы» Природы-Космоса [5. С. Т. 9. С. 120] не ощущает своё экзистенциальное одиночество. В отличие от них герой наделён трагическим осознанием того, что человек «сродни чему-то высшему, вечному – и живёт, должен жить в мгновение и для мгновения» [5. С. Т. 9. С. 121]. Некоторые из немногочисленных правок, внесённых в описание последних дней Базарова, в содержательном отношении были весьма значительными. Они усиливали впечатление того, что вызывало возмущение Каткова и восхищало Писарева: «даже... смерть» героя стала выражением его «торжества» [6. С. 469]. На попытки отца Базарова объяснить его болезнь «эпидемией», «заражением», которое можно «вылечить», герой, по сути, глядя смерти в глаза, сам себе ставит диагноз, «сурово и отчётливо» определяя его термином «*лиэмия*» [5. С. Т. 8. С. 476, 389]. В слова умирающего Базарова во время последней беседы с Одинцовой о том, что он думает, «как бы умереть прилично», Тургенев добавил: «*Всё равно: вилять хвостом не стану*», подчеркнув тем самым мощь натуры «*могучего*» героя [5. С. Т. 8. С. 477, 396, 476].

Однако особо следует отметить чрезвычайно важную для идейного звучания романа замену слов в последней фразе Базарова из того же завершающего диалога героя с Одинцовой. Эту правку Тургенев внёс в беловой автограф, повторив её затем во всех прижизненных изданиях. Первоначально это последнее обращение к Одинцовой выглядело так: «Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампу, и пусть она погаснет...». Слово «лампу» писатель заменил на слово «*лампаду*» [5. С. Т. 8. С. 488, 396], органично связав картину гибели Базарова с семантическим полем финала романа. Появление эмоционально-возвышенной лексики в языке героя чаще всего объясняют изменениями во внутреннем, духовном мире Базарова, переживающем испытание высоким чувством любви, открывающем для себя сложность жизни и то, что «всякий человек в своём роде художественное произведение» [5. С. Т. 8. С. 488]. Но в этом контексте символический образ светильника перед иконой связан не только с философией любви, но и с мотивом заупокойного песнопения «Со святыми упокой», где есть слова о «вечном примирении» – ключевые для философского финала романа «Отцы и дети». На этот источник финала романа впервые указал А.И. Батюто [4. С. 621]. Как справедливо отмечает И.А. Беляева, ключевая фраза концовок романов Тургенева обращает к необходимости «перепрочтения» всего текста [14. С. 7]. В «Отцах и детях» в результате такого «перепрочтения», раскрывается кардинальная идея романа: здесь каждый

персонаж показан как способный «любить и соединять себя с миром любовью». Это обеспечивает «надежду на “жизнь бесконечную”». <...> В основе гармонизации мира, когда из хаоса всех противоречий собирается космос содружества всего и вся, лежит сама природа человеческого сердца и та любовь, что в разной мере открыта каждому» [14. С. 13].

Подведём итоги. В системе работы автора над рукописью «Отцов и детей» правку белового автографа можно считать её завершающим этапом. Анализ изменений и добавлений, которые вносил Тургенев, работая над образом Базарова, даёт дополнительные аргументы для вывода о том, что писатель имел все основания сказать о своём отношении к герою: «При сочинении Базарова я не только не сердился на него, но чувствовал к нему “влечение, род недуга”...» [5. П. Т. 4. С. 382]. Но важно подчеркнуть, что авторские интенции при работе Тургенева над образом Базарова в их объективном значении могут быть отрефлексированы не столько на основании каких-либо оценочных высказываний даже самого писателя, сколько в ходе установления логики в его творческом процессе, которая обнаруживается в том числе и на этапе доработки текста произведения. Исследование данных авторедактирования белового автографа романа «Отцы и дети» позволяет установить закономерность в художественном раскрытии образа главного героя как типа индивидуальности, формируемого социально-историческими условиями времени активизации демократического движения и социальных реформ в России конца 1850-х – 1860-х гг. Эта закономерность проявляется в устранении из текста всего, что снижало бы образ Базарова в восприятии реципиента, и в упрочении позитивного начала в характере и облике Базарова как типа общественного деятеля эпохи. Одновременно усиливалось и экзистенциальное содержание философских коннотаций произведения. Подчёркивая в процессе правки белового автографа многие привлекательные личностные качества героя, глубину его понимания насущных проблем народной жизни, справедливость суждений о том, что подлежит отрицанию и что необходимо делать во имя «лучшей будущности России» [11. Т. 1. С. 383], писатель открывал перспективу торжества идей подлинного демократизма и гармонизации отношений между людьми и между человеком и «жизнью бесконечной» [5. С. Т. 8. С. 402].

Список источников

1. Сакулин П.Н. На грани двух культур. И.С. Тургенев. М. : Мир, 1918. 108 с.
2. Лотман Ю.М. О русской литературе: статьи и исследования (1858–1993): История русской прозы. Теория литературы. СПб. : Искусство-СПб., 1997. 848 с.

3. Архипов В.А. К творческой истории романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская литература. 1958. № 1. С. 132–162.
4. Батюто А.И. «Отцы и дети» [Подготовка текста, вариантов и комментариев] // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Сочинения : в 15 т. Т. 8. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 568–621.
5. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Сочинения : в 15 т. Письма : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР ; Наука, 1960–1968.
6. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М. : Худож. лит., 1983. 694 с.
7. Катков М.Н. Кое-что о прогрессе // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 10, Октябрь. С. 107–127.
8. Головкин В.М. «Постепенность снизу» как выражение позиций демократического просветительства И.С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета: Научный журнал. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 8–17.
9. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу : в 2 кн. Кн. 1: 1852–1874. СПб. : Наука, 2005. 532 с.
10. Тургенев И.С. Подготовительные материалы к роману «Отцы и дети» // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 12. М. : Наука, 1986. С. 563–576.
11. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 1. 528 с.; Т. 2. 557 с.
12. Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. Т. 3: Статьи 1864–1865. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1956. 565 с.
13. Головкин В.М. Émancipation Кржечинская и Eudoxie Кукушина. «Призвание» А. Плещеева и «Отцы и дети» И. Тургенева // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 211–230.
14. Беляева И.А. «Отцы и дети» И.С. Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 7–14.

References

1. Sakulin, P.N. (1918) *Na grani dvukh kul'tur. I.S. Turgenev* [On the verge of two cultures. I.S. Turgenev]. Moscow: Mir.
2. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature: stat'i i issledovaniya (1858–1993): Istoriya russkoy prozy. Teoriya literatury* [On Russian literature: articles and studies (1858–1993): History of Russian prose. Theory of literature]. St. Petersburg: Iskustvo.
3. Arkhipov, V.A. (1958) K tvorcheskoy istorii romana I.S. Turgeneva “Ottsy i deti” [On the creative history of Ivan S. Turgenev’s “Fathers and Sons”]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 132–162.
4. Batyuto, A.I. (1964) “Ottsy i deti” [Podgotovka teksta, variantov i kommentarii] [“Fathers and Sons” [Preparation of text, options, and comments]]. In: Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete Works and Letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 568–621.
5. Turgenev, I.S. (1960–1968) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete Works and Letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Nauka.
6. Annenkov, P.V. (1983) *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Katkov, M.N. (1861) Koe-chto o progresse [Something about progress]. *Russkiy vestnik*. 35(10). pp. 107–127.

8. Golovko, V.M. (2017) "Postepenovstvo snizu" kak vyrazhenie pozitsiy demokrati-cheskogo prosvetitel'stva I.S. Turgeneva ["Gradualism from below" as a position of I.S. Turgenev's democratic enlightenment]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta: Nauchnyy zhurnal. Seriya "Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie."* 2(26). pp. 8–17.
9. Annenkov, P.V. (2005) *Pis'ma k I.S. Turgenevu: v 2 kn.* [Letters to I.S. Turgenev: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
10. Turgenev, I.S. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 563–576.
11. Petrova, S.M. & Fridland, V.G. (eds) (1983) *I.S. Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [I.S. Turgenev in the memoirs of his contemporaries: in 2 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literature.
12. Pisarev, D.I. (1956) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literature.
13. Golovko, V.M. (2019) Émancipée Krzhechinskaya i Eudoxie Kukshina. "Prizvanie" A. Pleshcheeva i "Ottsy i deti" I. Turgeneva [Émancipée Krzhechinskaya and Eudoxie Kukshina. "Calling" by A. Pleshcheev and "Fathers and Sons" by I. Turgenev]. *Voprosy literatury.* 4. pp. 211–230.
14. Belyaeva, I.A. (2017) "Ottsy i deti" I.S. Turgeneva: roman o "vechnom primirenii" ["Fathers and Sons" by I.S. Turgenev: A novel about "eternal reconciliation"]. *Filologicheskii klass.* 3(49). pp. 7–14.

Информация об авторе:

Головко В.М. – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: vmgolovko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.M. Golovko, Dr. Sci. (Philology), professor, professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: vmgolovko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.07.2022;
одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 17.10.2023

The article was submitted 27.07.2022;
approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 17.10.2023

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/23062061/33/8

МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ: КОММЕНТАРИИ А.Г. ГАБРИЧЕВСКОГО К ЮБИЛЕЙНОМУ СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ ГЁТЕ (1932–1949)

Ирина Николаевна Лагутина¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, ilagutina@hse.ru*

Аннотация. Исследуется возможность для ученых-гуманитариев 1930-х гг. сохранять баланс между поэтикой и идеологией в работе с классическим наследием, в частности интерпретировать творчество Гёте на границе между марксизмом и буржуазным литературоведением. На примере издания Юбилейного собрания сочинений Гёте рассматриваются состав и структура комментариев академического собрания его сочинений, разработанные руководителем проекта А.Г. Габричевским. В основе его концепции – соединение концептуальной комментирующей статьи, фактографических примечаний и переводоведческих комментариев.

Ключевые слова: Юбилейное собрание сочинений Гёте, А.Г. Габричевский, комментарии, идеология, поэтика

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ».

Для цитирования: Лагутина И.Н. Между поэтикой и идеологией: комментарии А.Г. Габричевского к Юбилейному собранию сочинений Гёте (1932–1949)// Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 137–157. doi: 10.17223/23062061/33/8

Original article

BETWEEN POETICS AND IDEOLOGY: COMMENTARIES BY ALEKSANDR GABRICHEVSKY ON THE ANNIVERSARY EDITION OF GOETHE'S WORKS (1932–1949)

Irina N. Lagutina¹

¹ *National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation, irina.lagutina@gmail.com*

Abstract. This article considers the possibility for humanities scholars in the 1930s to maintain the balance between poetics and ideology while working with classical

material, in particular, to interpret Goethe's works on the edge between Marxism and bourgeois literary studies. The anniversary edition of Goethe's works, scheduled for the 100th anniversary of the author's death, illustrates the structure and composition of commentaries in academic publications of foreign classical writer's collected works, developed by the curator of the project, Aleksandr Gabrichevsky. He was an art and literary critic and translator, who headed the committee for the study of Goethe's works in the State Academy of Art Sciences, which was closed by that time. His main idea was based on three components: a conceptual commenting introduction, "factographic" notes, and commentaries explaining the principles of translation. The edition is prefaced by two conceptual articles, the essay "Wolfgang Goethe" by Anatoly Lunacharsky, the people's commissar of education, and Gabrichevsky's "Goethe's Poetry", which contains a latent controversy between social and aesthetic approaches to the interpretation of literary heritage. Quoting the essay "Karl Grün. About Goethe from the Human Point of View" by Friedrich Engels, Lunacharsky introduces into Soviet science a formula on the "internal duality", "ugly obsequiousness" of the German classic (he was a great poet and an insignificant bourgeois). He emphasizes that the goal of the commentaries should be not an analysis of Goethe's "pure" poetry and poetics, but a "living social portrait" and his "social ties" that can justify Goethe's "betrayal" and that bring him closer to the "new humanity" – the proletariat. The key to Gabrichevsky's interpretation was the concept "lyrical form". Gabrichevsky integrated Goethe's poetry into the "rhythm of European national literatures", which also included Dante, Shakespeare, Pushkin. Gabrichevsky's initial thesis was the idea of the *absolute lyricism of Goethe's works*. After Goethe, lyrics could not remain rhetoric; now it was "rhythmic clots of the flow of prose speech". The second conceptually significant concept for Gabrichevsky was connected with the idea of "young Goethe". It was not just a designation of the chronological stage of the poet's life, but a characteristic of the new "mood" of culture that was born with Goethe and that later, in the time of modernity, would be embodied in the cultural projects of "young Vienna" and "young Berlin". A number of commentaries aimed to explain the features of the translations of poetry that were commissioned specifically for this edition. Gabrichevsky wanted to include translation into the range of problems linked to the scientific interpretation of the original and therefore he developed new guidelines for "synthetic translation", believing that "the entire system of the original" should be translated, but not just one side of the work (idea, image, or phonetic structure). Gabrichevsky's scholarly discourse sometimes displayed autobiographical allusions, indeed. Gabrichevsky turned the official version of the duality of Goethe, broken by the "miserable" atmosphere of princely Weimar, into the basis of the tragic conflict that had an absolute and insoluble nature precisely because "inertness" and human "vulgarity" exist in all epochs.

Keywords: anniversary edition of Goethe's works, Aleksandr Gabrichevsky, commentary, poetics, ideology

For citation: Lagutina, I.N. (2023) Between poetics and ideology: Commentaries by Aleksandr Gabrichevsky on the anniversary edition of Goethe's works (1932–1949). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 137–157. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/8

Литературные юбилеи сталинской эпохи являлись не только инструментом культурной политики, но и важным средством идеологического воздействия. С одной стороны, юбилеи создавали новый отсчет времени, помогая стабилизировать пространство формирующейся социальной утопии, с другой – позволяли вовлекать в строительство «пролетарского», а затем «советского» национального мифа всю страну. Они выходили за рамки собственно биографического, литературного или художественного события, используя власть как источник необходимых идеологических клише, которые впитывались и воспринимались на уровне массового сознания. Частью такой утопии стал новый литературный канон, куда был включен и И.В. Гёте. Столетний юбилей со дня смерти великого немецкого поэта, всенародно отмеченный 22 марта 1932 г., проводился с использованием уже отработанных культурно-политических механизмов и должен был продемонстрировать существенное различие между Советским Союзом и культурной политикой буржуазных стран Европы, прежде всего Германии, где в недрах консервативной революции уже вызревал национал-социализм.

В центральной «Литературной газете» в дни гетевского юбилея появилась подборка статей, посвященных Гёте, их девизом стал тезис, что «гетевское наследство принадлежит только нам – мировому пролетариату в стране победившего социализма, партии, руководимой Сталиным» [1]. «Пролетариат» был провозглашен «верным наследником великих мыслителей и великих поэтов-классиков молодой Германии и среди них быть может величайшего – Иоганна Вольфганга Гёте», как скажет Луначарский в докладе, прочитанном 22 марта 1932 г. в Доме союзов на юбилейном вечере [2. С. 20].

Наряду с многочисленными торжественными мероприятиями по всей стране (вечера, конференции, концерты, спектакли, выставки) было запланировано издание 13-томного Юбилейного собрания сочинений Гёте под общей редакцией Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова, которое выходило в течение 1932–1949 гг. в Государственном издательстве художественной литературы¹.

Как было указано в опубликованном к юбилею «Проспекте Юбилейного собрания сочинений Гете», к его подготовке были привлечены крупнейшие советские германисты – литературоведы, искусствоведы и философы – А.Г. Габричевский, М.Н. Розанов, М.А. Петровский, С.В. Шервинский, П.С. Коган, В.М. Жирмунский, В.И. Вернадский, а для

¹ I и II том вышли в 1932 г., III и IV – в 1933 г., VI – в 1934 г., VII, VIII, IX, XI – в 1935 г., X – в 1937 г., V – в 1947 г., XII – в 1948 г. и XIII – в 1949 г.

новых переводов приглашены известные поэты – такие как Б. Пастернак, М. Волошин, М. Кузьмин, В.И. Иванов и др. [3. С. 15]. Многие из них являлись бывшими сотрудниками закрытой к этому времени Государственной академии художественных наук (ГАХН), где Габричевский – выдающийся искусствовед, литературовед и переводчик – возглавлял комиссию по изучению творчества Гёте. Когда в 1929 г. началась подготовка нового собрания сочинений Гёте, Габричевского назначили руководителем проектной группы, и ему была поручена не только редакторская работа, но подбор и приглашение авторов – переводчиков и комментаторов. Как напишет Розанов в комментариях к третьему тому, издание следует традиции структурирования собрания сочинений, установленной самим Гёте [4. С. 5]. Выход первых двух томов был приурочен к 22 марта 1932 г.

Когда в середине 1930-х гг. начались репрессии, большинство подготовителей издания были арестованы, в 1945 г. умер Вернадский, который должен был редактировать том, содержащий научные сочинения Гёте, и в результате выпуск этого тома так и не состоялся. Из оглавлений других томов были вычеркнуты или затерты имена Петровского, Б.И. Ярхо, арестованных по «Делу немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР», имя Жирмунского «то пропадает, то вновь возникает» в зависимости от его арестов [5. С. 255]. Каменев, являвшейся одним из трех главных редакторов издания, арестован и расстрелян в 1936 г. по делу «Троцкистско-зиновьевского центра», и начиная с 7 тома его имя исчезает с обложек книг. Несколько раз арестовывали и самого Габричевского, который в 1935 г. был сослан в Каширу, и после него руководителем издательского проекта стал переводчик-германист Н.И. Вильям-Вильмонт, который и завершает издание к новому юбилею Гёте в 1949 г.

Собрание сочинений предваряла титульная статья Луначарского «Вольфганг Гете», где была четко обозначена основная задача издания. «К текстам Гёте, – писал Луначарский, – мы прибавляем многочисленные вводные, комментирующие статьи. Почти все они составлены так, чтобы пополнить синтетический портрет великого поэта» [6. С. X].

Этой теме была посвящена вторая вводная статья «От редакции первого тома» (в нее частично был введен упоминаемый выше текст «Перспекта»), где цитировался огромный фрагмент из статьи Энгельса «Карл Грюн. О Гёте с человеческой точки зрения» (1847). Завершалась статья утверждением, что развитие современного гетеведения «должно будет привести к конечной победе намеченной Энгельсом точки зрения». «Эта ясная, глубокая и плодотворная мысль служит пробным камнем и *путеводной нитью редакторам и сотрудникам советского юбилейного*

издания» (здесь и далее в текстах курсив мой. – И.Л.) [3. С. 11]. Или, как скажет Луначарский, «в основу характеристики Гёте... мы кладем суждение Энгельса о Гете» [6. С. XX].

Сутью концепции Энгельса была идея, что в Гёте постоянно происходит «борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником... Гёте то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирующий мир гений, то осторожный, всем довольный узкий филистер... Немецкое убожество... побеждает его, и эта победа убожества над величайшим из немцев является лучшим доказательством того, что “изнутри” это убожество вообще нельзя победить» [7. С. 232–233].

Луначарский вслед за Энгельсом вводит в советскую науку формулу о «внутренней двойственности», «уродливой угодливости» немецкого классика (великий поэт и ничтожный филистер-буржуа) и подчеркивает, что целью комментариев должен стать не столько анализ «чистой» поэзии и поэтики Гете, но и «живой *социальный портрет*», его «социальные связи» [6. С. IX] – то, что может как-то оправдать его «предательство», и то, что сближает его с «новым человечеством», пролетариатом: «современный штаб великих вождей состоит из представителей подлинного авангарда человечества – пролетариата... С гордостью и радостью мы включаем в этот штаб великого Вольфганга Гёте. Он приходит сюда, к этому своему социальному апофеозу» [6. С. XX].

Такой разрыв между невозможностью победить «изнутри» буржуазное убожество и «социальным апофеозом» Гёте составляет нерв той идеологической установки, с которой приходилось иметь дело авторам Юбилейного собрания Гёте. Проблема же состояла в том, что – как точно заметил А.В. Луначарский – «лица, работающие над нынешним изданием, далеко не все являются марксистскими литературоведами», однако «обладая обширной эрудицией и прекрасно зная свой предмет, наши сотрудники, даже не марксисты, постарались выбрать в этом материале то, что характеризует именно социальные связи Гёте» [6. С. IX].

Эти формулировки не были столь безобидной, как может показаться, поскольку во время арестов и допросов сотрудников издания заставляли признаваться в создании «контрреволюционной группы», которая вела активную «борьбу с марксистским влиянием» и «протаскивала в печать статьи, мобилизовавшие на открытую борьбу с марксизмом в науке» (из протокола допроса Петровского 29 марта 1935 г.). Или, как под пытками «сознавался» Петровский, «всех нас, получивших первоклассное образование, связывало чувство превосходства над большевиками,

посягавшими на культуру, хранителями которой мы себя считали» (цит. по: [8. С. 32]).

Итак, новое собрание сочинений Гёте, включенное в канон «Великой Апроприации» [9. С. 16], должно было соединить *научный комментарий* и *идеологическое истолкование* его творчества. А.Г. Габричевскому, как непосредственному руководителю издания, приходилось лавировать между «подводными рифами» марксизма и научной объективностью, с чем он, к слову сказать, блестяще справился. Он был редактором первых двух томов (первый том посвящен лирике Гёте, второй – юношеским пьесам и эпическим поэмам), которые остаются лучшими в этом собрании сочинений, став образцом для подготовки научного аппарата академического издания зарубежной классики.

Комментирование произведений Гёте, как это было запланировано Габричевским, состояло из трех частей: статья-преамбула, фактографические примечания и небольшая заметка о четко обозначенных принципах перевода в каждом конкретном случае. Каждый том открывался вводной статьей, которая концептуально соединяла в единое целое опубликованные в томе произведения. Статьи по своей ценности и фундаментальности разнородны. С академической точки зрения наиболее интересны, и даже филигранны, размышления Габричевского, который сумел не только представить оригинальные концепции лирики и эпических поэм Гёте, но и встроить в научный дискурс тонкую критику сталинского режима или автобиографические мотивы.

Ключом к интерпретации Габричевского служит концепция «лирической формы», разработанная им уже в курсе лекций о Гёте, прочитанных в 1924–1925 гг. в Институте слова. Конспект этого курса сохранился в архиве племянницы Габричевского О.С. Северцевой и был нами транскрибирован и опубликован в книге, посвященной «гетеане» ученого [10].

А.Г. Габричевский считает, что «внутренняя структура» творчества Гёте имеет абсолютную ценность для эстетики, поэтики и антропологии – изучения сознания «человека на грани двух эпох». Он интерпретирует его сочинения, сознательно игнорируя марксистско-социальный подход, только с научно-философской точки зрения как «парадигму», «внутреннюю форму», встраивая его поэзию в найденный им «ритм европейских национальных литератур», куда также включает Данте, Шекспира, Пушкина.

Роль Гёте уникальна, хотя и «стихийна», он «создатель и завершитель языка и литературы». Исходным тезисом Габричевского становится новая в гётеведении *идея об абсолютной лиричности всего гётевского творчества* [10. С. 658–740]. В первом томе это положение подробнее раскрывается Габричевским в статье «Лирика Гёте»: величие Гёте в том,

считает ученый, что стихию лирического он впервые выразил как непосредственное «поэтическое содержание», «чистый лиризм». До него лирика была описательной, лишь повествующей о внутренних состояниях поэта, но Гете впервые включил в поэзию совершенно новые и до него принципиально невыразимые области, «мимолетные», «неуловимые состояния человека», движение жизни. После него лирика не могла остаться риторикой, теперь это, как тонко замечает ученый, *«ритмические сгустки потока прозаической речи»* [11. С. 21].

Другими словами, по мнению Габричевского, именно Гёте впервые осуществил «невиданную» в истории мировой поэзии гармонию между максимально выразительной, эмоциональной напряженностью и «бесконечным богатством предметных, объективных содержаний» [11. С. 18]. Его стихи всегда проникнуты чувством природы как живого органического целого, они «свидетельствуют об исключительной зоркости гетевского глаза, для которого наглядность образа и есть высший критерий его правдивости» [12. С. 11].

Развитие поэтики Гёте (анакреонтика, «буря и натиск», классика, поздний стиль) А.Г. Габричевский связывает с обогащением и утончением выразительности «словесной ткани» и расширением «предметной сферы» – от «центробежной экспрессии» («я» как бы порождает мир из себя) через «пластическую» центростремительную форму («я» уничтожается в созерцании замкнутого в себе образа, а словесная ткань «оплетает» предметы) до синтетической ступени (овладев законами бытия, оно обзревает мир как живую игру мыслей и чувств, явлений и законов), от символа к бесконечности аллегории, когда «каждый кусок бытия ценен теми бесконечными связями, которые существуют между ним и бесконечным множеством других вещей». Поэтическое развитие Гёте связано со сменой душевных кризисов, которые наступали всякий раз, когда он «творчески исчерпывал все возможности данной культурной и бытовой обстановки» [11. С. 15]. В конспекте лекций Габричевский уточнял, какой смысл он вкладывает в понимание гетевского «кризиса»: кризисы Гёте не были «станциями линии развития» (nicht Stationen einer Entwicklungslinie), но некими «зонами времени» (Jahreszonen) или «силовыми ядрами» (Kräfte Kugel): «систола» – уход в себя – сменяется «диастолой», «расширением» – *«приятием и овладением действительностью»* [10. Л. 3]. Непосредственность переживания остается, меняется только поэтическое настроение. Или, как пишет Габричевский, «вместо необузданного набухания природных сил – тихий подземный рост древесного корня и луковичи гиацинта» [11. С. 21–22], вместо песенной стихии – новый жанр

лирической рефлексии, когда словесный ритм покорно следует за ритмом мысли, поэтически формулируя вечные законы бытия.

В такую философско-филологическую интерпретацию творчества Гёте вкрапляются отдельные автобиографические мотивы, что уже случалось ранее, в его других текстах – и мечта об Италии [13], и идея внутреннего «переустройства» при невозможности «перестроить реальный мир» [14. С. 188–189]. Критика буржуазной Германии XVIII в., ставшая общим местом марксизма (по словам Ф. Энгельса, «это была одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса» [7. С. 561]), позволяла, не вступая в открытый конфликт с властью, вводить вполне прозрачные аллюзии на сталинскую Россию, что и делает Габричевский в этой статье. Вот как он описывает гетевский Веймар: «... в политически бесцветной и отсталой обстановке тогдашней Германии все творческие усилия немецкой буржуазии, с одной стороны, неизбежно направлялись по руслу чисто интеллектуальной и художественной культуры, с другой стороны – каждый подъем и продвижение по этому руслу приводило если не к катастрофе, то во всяком случае к капитуляции перед косностью и мертвенностью общественной жизни» [11. С. 16]. Вероятно, можно прочитывать этот пассаж и как историю культурной «катастрофы» со многими культурно-просветительскими и научными учреждениями первых лет советской власти, в том числе и разгон ГАХН.

Рассуждая о том, что «двойственность» жизни Гёте в Веймаре «заставляла поэта искать такую постановку проблемы личности, которая намечала бы пути ее роста и совершенствования не в антагонизме, а в согласии с объективными законами природы и истории», А.Г. Габричевский не только делает обязательную для цензуры отсылку к советской формуле о «двойственности» Гёте, но и пытается объяснить самому себе свою «проблему личности» в сталинской России.

Завершение вводной статьи к этому тому было совсем не юбилейным. Ее последняя фраза – «... каждое освобождение “изнутри” трагически сопровождалось порабощением “извне”» [11. С. 36]. Гётевская «свобода духа», которую неоднократно подчеркивал ученый, была враждебна любому тоталитаризму – и политическому, и эстетическому. Словечко Энгельса «изнутри», процитированное и Луначарским в статье к этому же тому «Вольфганг Гёте», не случайно возникает в финале статьи Габричевского (и тоже в кавычках, как бы демонстративно отсылая к текстам Энгельса и Луначарского), рождая ироническую переключку и трагически усиливая высказанную свободным «изнутри» ученым идею внешнего «порабощения».

Единственный экземпляр первого тома собрания сочинений Гёте в Российской государственной библиотеке со статьей А.В. Луначарского «Вольфганг Гёте» сохранился только до страницы XXXII, завершаясь ничем не значащей фразой: «Культурно-художественная атмосфера, которая окружала Гёте, его первые живописные, литературные и театральные впечатления относились к веселому и грациозному стилю рококо». Из книги изъяты разделы с середины третьего по восьмой, где Луначарский разбирает работы буржуазных литературоведов. Его критика направлена, прежде всего, против Ф. Гундольфа – немецкого профессора и германиста, автора знаменитого фундаментального труда «Гёте» (1916), цитаты которого, кстати сказать, Луначарский сознательно искажает или передает своими словами. Ведь Гундольф в 1920–1930-е гг. входил в поэтический круг поэта Стефана Георге (George-Kreis), внутри которого происходило формирование важнейших политико-идеологических концептов «консервативной революции» и идеологии национал-социализма. Того самого Гундольфа, «решительное» влияние которого на свое понимание поэзии Гёте Габричевский отметил еще в 1922 г. в статье «К поэтике “Западно-восточного дивана”», подчеркнув «блестящий анализ» и назвав его и Г. Зиммеля, «единственными истолкователями» Гёте [15. С. 67], а в 1930-е гг., опираясь в своей интерпретации творчества и «судьбы» Гёте на Гундольфа, уже не упоминая его имени.

А.В. Луначарский выступает, прежде всего, против тезиса Гундольфа, что природная сущность Гёте была, как каждая природа, тем более как гениальная природа, не социальна и что в нем проявляется высшая органическая целостность индивидуального начала [16. S. 279]. И между строк двух концептуальных статей первого тома – Луначарского «Вольфганг Гете» и Габричевского «Лирика Гете» – звучит скрытая полемика между философско-филологическим и социальным, между «буржуазным» и «марксистским» подходами к истолкованию литературного творчества. Луначарский пишет: «Несчастному Гундольфу не приходит в голову, что одно дело – социальность, которая может сделать гения великим и радостным сотрудником здорового общества, другое дело такая социальность, которая сгибает гения в бараний рог и заставляет его пресмыкаться перед ничтожеством» [6. S. XXXVII]. Или: «В своей большой биографии Гёте Гундольф исходит из представления о том, что судьба человека определяется его характером, его “энтелехией”. С этой точки зрения, по Гундольфу, гетевская судьба вся полна единой светлой закономерностью; смысл ее заключается в том, что Гёте должен был из “прекрасной натуры” сделаться “прекрасной культурой”; и так как, по мнению того же Гундольфа, это вполне удалось Гёте, то он и предстоит перед нами как “классический человек”» [6. S. XXXVII].

В таком виде «представления» Гундольфа действительно выглядят лишними всякого смысла. Однако в книге немецкого гетеведа речь идет о другом – о том, что Гёте перерабатывает в органически-завершенную «полноту» (Fülle), «внутреннюю форму» разрозненные фрагменты своей жизни и «стихийное начало», «грубую материю» (Rohrstoff) своего творчества, являясь образцом, на примере которого можно исследовать явление «индивидуальности» как таковой: «Тот, для кого его личность (Gestalt) имеет прежде всего всемирно-историческое значение как “живая форма” (Gestalt), а его творчество – как великий формообразующий комплекс (Bildungskomplex) нового времени, тот найдет сердцевину Гёте в его поэзии, которая в самом плотном, сконцентрированном виде воплощается в его силе художника (Bildnerkraft), особенно в его классических произведениях (Gebilden)... Создать из собственной великой природы “прекрасную культуру”, “формообразование” (schöne Kultur, Bildung) – в этом был инстинкт Гёте, потом его сознательное стремление, а потом и его достижение» [16. S. 8].

Хорошо видно, как Луначарский искажает ключевые понятия Гундольфа – прежде всего, идею о целостности творчества и жизни Гёте как единой органической «формы», на которую опирался Габричевский, выстраивая свое понимание «лирической формы» и фундаментальной лиричности поэзии Гёте. Это необходимо Луначарскому, чтобы доказать тезис о «высокопарно-красноречивом и возвышенно-туманном, но, в сущности, довольно-таки пустом Гундольфе», критикуя его за «по существу неверную» попытку «изобразить склонившегося перед действительностью Гёте как вершину всяческой мудрости» [6. С. XXXX, XXXV].

В заключительной части своей книги, которая называлась «Entsagung und Vollendung», Гундольф вводит термины, которые вызвали наибольшее негодование Луначарского. Понятие «Entsagung» – самоотречение, примирение – толковалось Гундольфом как главный жизненный и философский итог, к которому Гете пришел в последние годы жизни. Слова «самоотречение» (Entsagung) и «самоограничение» (Selbstbeschränkung), введенные в гетеведение Гундольфом, проходят красной нитью через многие работы Габричевского о Гёте, где соотносятся им не только с жизненной позицией «зрелого» поэта, но и с трагедией Вертера и Фауста, Вильгельмом Мейстером и Тассо, героями «Избирательного сродства» и даже с лирическим «я» «Дивана». Entsagung оказывается для Габричевского «сутью» поэтического сознания вообще как трагический опыт поэта, а не смирение перед «историческим убожеством» буржуазного строя, как это понимает Луначарский.

Второе понятие Гундольфа *Vollendung* – «свершение», завершение личности поэта. Габричевский пишет: «*Entsagung* = *Vollendung*» [10. Л. 23 об.]. Самоотречение (или «примирение») – это и есть «свершение», завершение личности поэта как таковой. Можно утверждать, что подобный образ Гёте-мудреца, Гёте-поэта в корне противоречил уже идеологически трансформированному к началу 1930-х гг. образу «поэта-филистра», на который ссылается Луначарский.

Сумев сохранить научный подход в Юбилейном собрании сочинений, в 1933 г. Габричевский уже вынужден идти на уступки цензуре, чтобы не отказаться от главного в своей интерпретации Гёте. Для сборника стихотворений Гёте, вышедшего массовым тиражом в издательстве «Academia», Габричевский публикует ту же статью «Лирика Гёте», добавляя в нее отсылки к идеологическому и «социальному» образу Гёте [12. С. 11–12]. Однако постепенно выясняется, что главной темой статьи является не «идейно бедная» поэзия, а жизненная судьба поэта – «примирение» гения, который подчиняется неумолимым законам природы. *Entsagung* = *Vollendung*: «Титан, сверхчеловек принужден смириться, одинокому художнику и мыслителю остается один путь – от самоизживания и утверждения личности к ее самовоспитанию и ограничению» [12. С. 17].

Этот фрагмент, казалось бы, аккуратно отсылает к официально-двойственному портрету Гёте, «вынужденного» жить в «убогой» обстановке и поэтому вынужденного смириться. Но все же речь идет совсем не о вульгарно-социологическом «смирении» Гёте перед обстоятельствами, как это описывает Энгельс и вслед за ним Луначарский, а о философском «примирении» с высшими законами бытия. В такой «тайной» стратегии статьи подспудно пробивается и философская рефлексия Габричевского о себе самом, и реплика в защиту гетеведения Гундольфа, и внутренний глубокий протест против идеологической инструментализации любимого поэта.

Комментирующая статья А.Г. Габричевского «Молодой Гёте» во втором томе Юбилейного собрания сочинений посвящена творчеству Гёте эпохи «Бури и натиска» и предваряет публикацию его четырнадцати юношеских пьес и фрагментов. «Молодой Гете» – второе концептуально значимое понятие для Габричевского (наряду с абсолютной лиричностью гетевского творчества), поэтому с объяснения его значения он начинает свою статью. Гениальность Гёте, считает ученый, состоит не только в безусловной поэтической одаренности, выделявшей его на фоне современников. «Поэтические образы» молодого Гёте, «как в зародыше», уже содержат парадигму мировоззрения всего XIX в., «питая» все последующее развитие европейской научной и философской мысли. В эпоху «штюрмерства» на развалинах риторической культуры рождается особое

мироощущение – Габричевский характеризует его словами «юношеская страстная любовь к жизни», «переизбыток силы и бодрости», «динамическое чувство бытия» [17. С. 12]. Поэтому слова «молодой Гёте» – это не просто обозначение хронологического этапа жизни поэта, а характеристика этого нового рождающегося вместе с Гёте «самочувствия» и «настроения» культуры, которое уже в эпоху модерна воплотится в культурных проектах «молодой Вены» и «молодого Берлина».

Новый этап развития культуры А.Г. Габричевский соотносит с построением нового образа «динамичной» природы. Природа как «огромное живое целое... само себя создающее в могучем борении сил». Человек в такой картине мира воплощает тот же самый комплекс переизбытка сил – созидательных и разрушительных, он «титан» и «гений», он действует как сама природа. С одной стороны, «клокочущая, распирающая грудь энергия хочет излиться из нее, слиться с природным целым». С другой – «гордое» самоутверждение личности, создающей свой мир, отвоевывающий его у других, как пишет Габричевский, «презирая и сокрушая все то, что ей навязывается извне», отыскивая природный первоисточник в своем сердце, «переживая» мир с максимальной космической полнотой [17. С. 16–17]. Отсюда – титанизм героев «бурных гениев», отсюда – центральная трагическая проблема эпохи, «бунтарская» реакция на мир наталкивает Гёте на новую драматическую форму и драматический сюжет.

Концепция трагического конфликта Гёте, как она представлена у Габричевского, безусловно, связана с его собственной эпохой XX в. Как мы уже упоминали, для Габричевского основу гетевской поэтики образует лирическое начало – эту мысль он подчеркивает практически в каждой статье о Гёте, поэтому в драматических произведениях поэт преобладает над драматургом, а трагедийное начало вообще чуждо его творческому принципу преодоления всяких противоречий. Тем не менее Гёте создает драматические фрагменты как попытку найти выход из той жизненной ситуации, в которой он жил. Ученому удастся связать поэтику Гёте с социальной установкой, которую требовала официальная концепция Юбилейного собрания сочинений. Он превращает официальную версию о двойственности Гёте, сломленного «убогой» атмосферой княжеского Веймара, в основу трагического конфликта, носящего абсолютный, неразрешимый характер именно потому, что косность и человеческая пошлость неискоренимы ни при какой власти. С одной стороны, он пишет, с оглядкой на цензуру: «Гёте творил в обстановке глухого политического безвременья, где не имел перед глазами образцов подлинной исторической жизни и борьбы». Но следующее предложение опровергает этот тезис: «...конфликт между героической личностью и средой кончается

трагически не потому, что личность гибнет в борьбе, а потому, что она в конце концов оказывается бессильной осуществить свой замысел, который искажается, душится, засасывается тупой косностью (*Gravitation*) и липким илом (*Schlamm*) человеческой пошлости» [17. С. 21].

Немецкие слова, введенные в текст и как бы «цитирующие» немецкие тексты Гёте (ставшие концептуально значимыми в книге Гундольфа), имеют лишь косвенное отношение к смыслу высказывания, а скорее несут нагрузку усиления отрицательно-оценочного смысла. Когда Габричевский переводит *Gravitation* (гравитация) как «косность», в том числе и в следующем отрывке из письма Гёте Гердеру («условия коснения и конечного перевеса ничтожества»), или намекает на метафору из стихотворения «Ксеркс», посвященного знаменитому персидскому царю, посланного Мерком своему молодому другу Гете («...кто погружал в ил благополучие целых народов...») [17. С. 21], можно предположить, что он пишет не столько о Веймаре, сколько вводит аллюзии на современность, а возможно, и современного грузинского «Ксеркса». Гетевский конфликт природы и цивилизации у Габричевского оборачивается конфликтом историческим, «эпохальным», в котором проступают современные черты: герои ранних драм и драматических фрагментов Гёте гибнут оттого, что их героические замыслы оказываются бессильными перед человеческой «пошлостью» и «косностью» общества.

Разбираемые А.Г. Габричевским ранние драмы Гёте в совокупности стали известны и полностью опубликованы лишь в конце XIX в. в знаменитом трехтомном собрании, на которое Габричевский постоянно ссылается («*Der junge Goethe*», Leipzig, 1875). До недавнего времени эти пьесы считались незначительной частью гётевского наследия, и лишь в последние годы интерес к ним усилился как к «средству поиска формы (*Gestaltungsmittel*)» [18. S. 43]. Габричевский с поразительной глубиной увидел в поисках молодого Гете эту «форму» уже 20-е гг. XX в.

Если в «Проспекте к Юбилейному собранию сочинений» и в статье Луначарского обосновывается необходимость использовать в комментариях «огромный добытый мировой и особенно немецкой наукой фактический материал, критически переработав его с точки зрения принципов марксистского литературоведения» [3. С. 5], Габричевский даже не упоминает о «принципах» марксизма: примечания должны предоставлять читателям «научно проверенный фактический материал и критический аппарат», «добытый многолетними трудами немецкого гетеведения». Задача такого издания – натолкнуть читателей на дальнейшие «более углубленные социологические и эстетические изыскания» [19. С. 7]. И действительно, в комментариях и примечаниях было учтено большинство

существующих к тому времени авторитетнейших комментированных изданий Гёте (Виехоф, Дюнце, Бурдах) с точными библиографическими отсылками. Заметки Габричевского очень основательны, информативны и четко структурированы, выполнены с учетом академической традиции научного комментария: во-первых, это основной фактический материал, касающийся творческой и библиографической истории каждого стихотворения; во-вторых, комментарий, «построенный главным образом на привлечении параллельных мест из лирики и из других произведений Гёте, включенных в настоящее издание, и на широком использовании высказываний самого автора о данном произведении» [20. С. 533]; в-третьих, перечень существующих русских переводов.

Большой объем академического текста был посвящен *разъяснению особенностей переводов*, сделанных специально для этого издания. Это был важный для А.Г. Габричевского, как руководителя издательской группы, проект, поскольку в начале 1930-х гг. он разрабатывает новые «принципы перевода», добиваясь «максимально полноценного и эквивалентного художественного перевода», т.е. перевода, который был бы не подражанием, не стихотворным пересказом, но «передачей подлинника во всей его выразительной полноте, с соблюдением всех стилистических и формальных особенностей, свойственных языку поэзии» [3. С. 7]. Соблюдение этих принципов необходимо, поскольку главная задача переводчика – «*воссоздать автора*». Отсюда вытекают два важных требования к переводчику: во-первых, это требование точности, отсутствие привнесений «от себя». Однако, «не стесняя поэтов требованием совершенной точности, что было бы равносильно требованию невозможного, редакция старалась всемерно бороться со всякими не-авторскими элементами» [19. С. 9]. Во-вторых, подчеркивает Габричевский, необходимо «исходить из самого понимания художественного произведения как *органического целого, все элементы которого равноправно участвуют в создании воспринимаемого нами комплекса*». Это важнейший принцип, который опирается на разработанную им концепцию «абсолютной лиричности» гетевского творчества. Он считает, что переводиться должна не какая-нибудь одна сторона произведения – мысль, образность или фонетическая структура: «Иная мысль в стихах сильна именно своим образным содержанием или своей формулировкой», следовательно, «нормальный» перевод – тот, который передает *цельный комплекс*, «перелагает в материале иного языка всю поэтическую систему подлинника». И наконец, «перевод всей системы оригинала» требует от переводчика «не только аналитической разборчивости, но и *полного синтетического восприятия подлинника*». Такой перевод Габричевский предлагает называть синтетическим [19. С. 10].

Новые переводы всех произведений Гёте стали важнейшей задачей юбилейного издания, в первый том было включено более 400 стихотворений, впервые переведенных на русский язык и «полностью» соответствующих подлинникам «по числу строк и по общей метрической конструкции» [19. 12]. В примечаниях всегда оговаривались исключения и иногда помещался какой-нибудь классический перевод Гёте – для сравнения с новым «синтетическим» переводом.

В переписке с авторами Габричевский неоднократно просит прислать заметки о принципах перевода, намереваясь включить их в научный аппарат, считая, что перевод – это не только художественная интерпретация оригинала, но и важнейший элемент его академической интерпретации. Так, он пишет В.И. Иванову в Рим: «...не могли бы Вы совсем кратко, хотя бы в нескольких строчках, изложить те принципы перевода, которых Вы придерживались при передаче данной вещи. Я об этом прошу всех без исключения участников нашего дела, ибо пришел к заключению, что таким образом некоторая неизбежная пестрота в облике тома может даже превратиться в достоинство... Думаю, что такого рода приключения значительно повысят научный интерес издания, *включив проблему перевода в круг проблем научной интерпретации подлинника вообще* [21. С. 307].

С такой же просьбой он обращается к М.А. Кузмину в письме от 29 декабря 1929 г.: «...у меня к Вам еще маленькая просьба: не согласились бы Вы в нескольких строках изложить принципы, коих Вы придерживались при данном переводе (что пытались сохранить, чем пришлось жертвовать и т.п.). Я хочу каждой вещи предпослать такую заметку переводчика, для того чтобы сгладить ту пестроту, которая неминуемо получится при наличии очень многих участников; кроме того, полагаю, что это повысит и научный вес издания» [22. С. 280].

Особую ценность для понимания *принципов перевода, предназначенного для публикации в академическом издании*, имеет дискуссия с Б. Пастернаком, которому также были заказаны переводы Гёте. Из письма Пастернака следует, что его принципы перевода были другие, и он отступает от требований Габричевского о «точном расположении текста», т.е. для него не является принципиальным сохранение первоначальной метрической и строфической конструкции оригинала, главное – сохранить «неусыпную живость подлинника» и «его поступательно-повествующую расчлененность». Приведем этот фрагмент полностью: «Я говорю о переносах строк в пределе октавы (об их перемещениях), об их дроблении на цезурах и о стремлении к сносной хотя бы рифме там, где нельзя дать хорошей, – и я также говорю о предопределенной безуспешности таких переводов, в которых частичная близость фиксирует только отвлеченности

подлинника и общие места и топит всю его поэтическую неповторимость в отглагольных существительных ср. рода на “-анье” и “-енье”. ...И оба, зная одинаково хорошо, что *перевод поэтических произведений просто немислим*, мы оба работаем при таком деле: Вы – как редактор, я – как переводчик. *Перевод не может быть удачен, даже если бы выбрать только род неудачи из всех неизбежных ее родов. Я его и выбрал*» [23. С. 275].

Во втором томе такие заметки о принципах перевода становятся частью комментариев (С.С. Заяицкий, Н.Н. Вильям-Вильмонт, П.Г. Антокольский, С.В. Шервинский, Б.И. Ярхо и др.). Хорошо видно, что переводчики стараются следовать задаче «синтетического» перевода, выдвинутой Габричевским, поскольку это является условием публикации текста. Так, например, в примечаниях к пьесе Гёте «Совиновники» Заяицкий подчеркивает «формальную» точность перевода и точное соблюдение не только числа строк, но и особенностей рифмовки – использование вслед за Гёте глагольных рифм, сохранение разговорной «живости» диалогов и, напротив, «торжественных сентенций» монологов, использование французских слов и т.д. Значимым в переводе оказывается сохранение гетевской «театральной интонации» и «сценических достоинств» пьесы, которые для переводчика в ряде случаев оказываются важнее ее литературной ценности [24. С. 545]. Или, например, Вильям-Вильмонт, комментируя свой перевод драмы «Сатир, или обоготворенный леший», отмечает, что хотя «драма не лишена ритмических трудностей, мало знакомых русскому стихосложению», переводчик старается «придерживаться метра и ритма подлинника, равно как и чередования мужских и женских рифм» [25. С. 550]. Объяснения всех частностей, которые, возможно, были не слишком понятны и интересны обычному читателю, придавали изданию академический характер, чего и добивался Габричевский.

Наиболее сложным оказалось комментирование «Фауста», которое должно было составить 5-й том и включить статьи и примечания Луначарского и Розанова [3. С. 13]. Вероятно, редакция планировала представить две разные точки зрения – марксистскую и культурно-историческую. Однако Луначарский умер в 1933 г., Розанов – в 1936 г. И работа была остановлена вплоть до 1947 г., когда Вильям-Вильмонт подготовил текст Гете к публикации и стал редактором этого тома.

«Фауст» всегда ценился марксистской критикой, которая видела в нем идею прогресса, стремление создать новый мир: «Фауст» «наносил удар отходящему в прошлое феодализму, мещанскому уюту и консервативному укладу жизни» [6. С. LXXI]. Именно вторая часть трагедии, которая в XIX в. отходила на второй план, в Советском Союзе оказалась близка массовому читателю своей социальной утопией. Луначарский объясняет

последнюю сцену трагедии, когда ослепший Фауст совершает фатальную ошибку, ликуя, что слышит звуки преобразуемого пространства, а на самом деле – лязг лопат, которыми лемуры роют ему могилу: *«Свободный народ, переставший искать бога в небе, крепко стоящий на земле, отвоевывающий трудом каждый, все лучший и лучший день своего существования, то есть свободный трудовой коллектив в борьбе за власть над природой, – вот что показалось Гёте прекраснейшим. Вот что с высоты своей старости увидел он как где-то расстилающееся, желанное будущее»* [6. С. IXX].

Возможно, из-за сильной социально-политической ангажированности «Фауста», А.Г. Габричевский не стал редактировать этот том, хотя в это же время он опубликовал две статьи с одним и тем же названием, посвященные трагедии Гёте [26, 27]. При этом версия 1932 г. (сокращенный и в определенном смысле упрощенный вариант статьи 1928 г.) хорошо показывает идеологические изменения, происходящие в обществе. Из статьи исчезли религиозные термины и внутренняя полемика со статьей Луначарского, была изъята цензурой фраза, что Фауст «убедился в бесплодности даже самой скромной деятельности на пользу других в обстановке узкой и косной среды» [27. С. 40], – фраза, которая им неоднократно повторялась, в том числе и в Юбилейном собрании сочинений, и которая имеет явный автобиографический контур.

В статьях других томов Юбилейного собрания сочинений уже с трудом удавалось избежать вульгарного социологизма и отсылок к марксизму в характеристике Гёте, в них нередки такие утверждения, как «гнет полицейско-бюрократического строя» давит на Гёте, «анархический бунт» Вертера; «бунтующие порывы к свободе и творчеству» не смогли «отлиться в четкие формы организованной борьбы» [28. С. 15] или «революция как метод была для Гёте неприемлема, и в этом пункте он “узкий филистер”, ничуть не возвысившийся над трусливым немецким бюргерством» [29. С. 23] и т.д. И уже редакционные статьи и комментарии Вильям-Вильмонта к 5, 10, 12, 13-му томам образцово идеологичны и представляют читателям нужный марксистский образ «советского» Гёте и его героев.

Список источников

1. Авербах А. В начале было дело // Литературная газета. 1932. 22 марта.
2. Луначарский А.В. Гете и его время // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1932. С. 5–20.
3. Проспект Юбилейного собрания сочинений Гете. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. 14 с.
4. Розанов М.Н. Драмы Гете в прозе // И.В. Гете. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. III: Драмы в прозе. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1933. С. 5–43.

5. Из воспоминаний О.С. Северцевой // Александр Габричевский. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 253–256.

6. Луначарский А.В. Вольфганг Гете // И.В. Гете. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. IX–LXXIX.

7. Энгельс Ф. Положение в Германии. Письмо первое редактору «Northern Star» // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. II. 615 с.

8. Северцева О.С. Комментарии к материалам следственных дел сотрудников ГАХН // Густав Густавович Шпет: Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / отв. ред. Т.Д. Марцинковская. М. : Смысл, 2000. С. 31–40.

9. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М. : Новое лит. обозрение, 2018. 520 с.

10. Габричевский А.Г. Конспект курса лекций о Гете в Институте слова в 1925 году. Транскрипция Н. Подземской при участии И. Лагутиной // Габричевский А.Г. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 658–740.

11. Габричевский А.Г. Лирика Гете // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1932. С. 13–40.

12. Габричевский А.Г. Лирика Гете // Гете И.В. Избранная лирика. М. ; Л. : Academia, 1933. С. 9–26.

13. Комолова Н.И. «Миф» Италии и его реминисценции у Волошина и Габричевского // Россия и Италия. М. : Наука, 2000. Вып. 4: Встреча культур. С. 199–214.

14. Александр Георгиевич Габричевский: Биография и культура: документы, письма, воспоминания / сост. О.С. Северцева. М. : РОССПЭН, 2011. 775 с.

15. Габричевский А.Г. К поэтике «Западно-восточного дивана» Гете // Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 25–69.

16. Gundolf F. Goethe. Berlin : Verlag Bondi, 1916. 795 S.

17. Габричевский А.Г. Молодой Гете // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 11–30.

18. Goethe J.W. Goethe-Handbuch: in 4 Bänden / hrsg. von B. Witte. Stuttgart, Weimar : Metzler, 1997. Bd. 2: Dramen / hrsg. von Th. Buck. 553 S.

19. От редакции первого тома // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 3–12.

20. Габричевский А.Г. Примечания // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. I: Лирика. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 533–664.

21. Два письма А.Г. Габричевского В.И. Иванову (предисловие и публикация О.С. Северцевой) // Россия и Италия. М. : Наука, 2003. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. С. 302–308.

22. Переписка А.Г. Габричевского с М.А. Кузьминым // Габричевский А.Г. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 278–321.

23. Переписка о собрании сочинений // Габричевский А.Г. Избранные труды. Гётеана. М. ; СПб. : Петроглиф, 2014. С. 270–278.

24. Заяицкий С.С. От переводчика // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1932. С. 545–546.

25. Вильям-Вильмонт Н.Н. От переводчика // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. II: Юношеские пьесы и эпические поэмы. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 550.

26. Габричевский А.Г. Гете и Фауст // Гете. Фауст / пер. В. Брюсова; ред. и коммент. А.В. Луначарского, А.Г. Габричевского. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. С. 34–63.

27. Габричевский А.Г. Гете и Фауст // Гете. Фауст. Часть первая / пер. В. Брюсова; вступ. ст. П.С. Когана, А.Г. Габричевского. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1932. С. 12–28.

28. Коган П.С. От «Вертера» к «Избирательному сродству» // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. VI: Драммы в прозе. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1934. С. 5–17.

29. Вильям-Вильмонт Н.И. Предисловие // Гете И.В. Собр. соч. : в 13 т. / юбилейное изд. под общ. ред. Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского, М.Н. Розанова. Т. V: Фауст. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1947. С. 5–44.

References

1. Averbakh, A. (1932) V nachale bylo delo [First there was a thing]. *Literaturnaya gazeta*. 22nd March.

2. Lunacharskiy, A.V. (1932) Gete i nashe vremya [Goethe and our time]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow: Zhurnal'no- gazetnoe ob'edinenie. pp. 5–20.

3. Kamenev, L.B., Lunacharsky, A.V. & Rozanov, M.N. (eds) (1932) *Prospekt Yubileynogo sobraniya sochineniy Gete* [The Brochure of the Anniversary Collection of Goethe's Works]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury.

4. Rozanov, M.N. (1933) Dramy Gete v proze [Goethe's dramas in prose]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 5–43.

5. Severtseva, O.S. (2014) Iz vospominaniy O.S. Severtsevoy [From the memoirs of O.S. Severtseva]. In: Gabrichevskiy, A. *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 253–256.

6. Lunacharskiy, A.V. (1932) Vol'fgang Gete [Wolfgang Goethe]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. IX–LXXIX.

7. Engels, F. (1955) Polozhenie v Germanii. Pis'mo pervoe redaktoru "Northern Star" [The situation in Germany. First letter to the editor of The Northern Star]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. T. II. 615 s.

8. Severtseva, O.S. (2000) Kommentarii k materialam sledstvennykh del sotrudnikov GAKhN [Comments on the materials of investigative cases of State Academy of Agricultural Sciences employees]. In: Martsinkovskaya, T.D. (ed.) *Gustav Gustavovich Shpet: Arkhivnye materialy. Vospominaniya. Stat'i* [Gustav Gustavovich Shpet: Archival materials. Memories. Articles]. Moscow: Smysl. pp. 31–40.

9. Clark, C. (2018) *Moskva, chetvertyy Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoy kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931–1941)]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. Gabrichevskiy, A.G. (2014a) Konspekt kursa lektsiy o Gete v Institute slova v 1925 godu. Transkriptsiya N. Podzemskoy pri uchastii I. Lagutinoy [The summary of lectures on Goethe at the Institute of Words in 1925. Transcription by N. Podzemskaya with the participation of I. Lagutina]. In: Gabrichevskiy, A. *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 658–740.

11. Gabrichevskiy, A.G. (1932a) Lirika Gete [Goethe's lyrics]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 13–40.

12. Gabrichevskiy, A.G. (1933) Lirika Gete [Goethe's lyrics]. In: Goethe, J.W. *Izbrannaya lirika* [Selected lyrics]. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 9–26.

13. Komolova, N.I. (2000) "Mif" Italii i ego reministsentsii u Voloshina i Gabrichevskogo ["The Myth" of Italy and its reminiscences by Voloshin and Gabrichevsky]. In: Komolova, N.I. (ed.) *Rossiya i Italiya* [Russia and Italy]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 199–214.

14. Severtseva, O.S. (ed.) (2011) *Aleksandr Georgievich Gabrichevskiy: Biografiya i kul'tura: dokumenty, pis'ma, vospominaniya* [Aleksandr Georgievich Gabrichevsky: Biography and culture: documents, letters, memories]. Moscow: ROSSPEN.

15. Gabrichevskiy, A.G. (2014b) K poetike "Zapadno-vostochnogo divana" Gete [On the poetics of Goethe's "West-Eastern Divan"]. In: Gabrichevskiy, A. *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 25–69.

16. Gundolf, F. (1916) *Goethe*. Berlin: Verlag Bondi.

17. Gabrichevskiy, A.G. (1932b) Molodoy Gete [Young Goethe]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 11–30.

18. Goethe, J.W. (1997) *Goethe-Handbuch: in 4 Bänden*. Vol. 2. Stuttgart, Weimar: Metzler.

19. Kamenev, L.B., Lunacharsky, A.V. & Rozanov, M.N. (1932) Ot redaktsii pervogo toma [From the editors of the first volume]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 3–12.

20. Gabrichevskiy, A.G. (1932c) Primechaniya [Notes]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. I. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 533–664.

21. Gabrichevsky, A.G. (2003) Dva pis'ma A.G. Gabrichevskogo V.I. Ivanovu (predislovie i publikatsiya O.S. Severtsevoy) [Two letters from A.G. Gabrichevsky to V.I. Ivanov (preface and publication by O.S. Severtseva)]. In: Komolova, N.I. (ed.) *Rossiya i Italiya* [Russia and Italy]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 302–308.

22. Gabrichevsky, A.G. (2014c) *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected Works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 278–321.

23. Gabrichevsky, A.G. (2014d) *Izbrannye trudy. Geteana* [Selected Works. Goetheana]. Moscow; St. Petersburg: Petroglif. pp. 270–278.

24. Zayaitskiy, S.S. (1932) Ot perevodchika [From the translator]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 545–546.

25. William-Wilmont, N.N. (1932) [From the translator]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. p. 550.

26. Gabrichevskiy, A.G. (1928) Gete i Faust [Goethe and Faust]. In: Goethe, J.W. *Faust* [Faust]. Translated from German by V. Bryusov. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 34–63.

27. Gabrichevskiy, A.G. (1932d) Gete i Faust [Goethe and Faust]. In: Goethe, J.W. *Faust* [Faust]. Translated from German by V. Bryusov. pp. 12–28.

28. Kogan, P.S. (1934) Ot “Vertera” k “Izbiratel’nomu srodstvu” [From “Werther” to “Selective Affinity”]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 5–17.

29. William-Wilmont, N.N. (1947) Predislovie [Preface]. In: Goethe, J.W. *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected Works: in 13 vols]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khudozhestvennoy literatury. pp. 5–44.

Информация об авторе:

Лагутина И.Н. – доктор филологических наук, профессор Школы филологических наук, главный научный сотрудник международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ilagutina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.N. Lagutina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ilagutina@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2023;
одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 15.07.2023;
approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 17.10.2023*

Научная статья

УДК 75/01(571/54) + 821(571/54)

doi: 10.17223/23062061/33/9

ЕДИНСТВО СЛОВА И ЖИВОПИСИ В КНИГАХ, НАПИСАННЫХ И ИЗДАННЫХ ХУДОЖНИКАМИ БУРЯТИИ

Татьяна Анатольевна Бороноева¹,
Светлана Степановна Имихелова²

¹ *Национальный музей Республики Бурятия, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия*

² *Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия*

¹ *tatboronoeva@gmail.com*

² *223015@mail.ru*

Аннотация. Анализируются книги, принадлежащие перу современных бурятских художников и предназначенные для детей и юношества. Характерной особенностью этих оригинальных изданий является единство вербального и живописного рядов, когда авторы – профессиональные художники – дополняют содержание собственных текстов своими иллюстрациями, тем самым продолжая давнюю традицию книгоиздания в Бурятии. Делается вывод, как и в период его возникновения, литературный текст в рассматриваемых книгах сопровождается авторским комментарием.

Ключевые слова: текст, художник, иллюстрация, родословная, детство, радость творчества

Для цитирования: Бороноева Т.А., Имихелова С.С. Единство слова и живописи в книгах, написанных и изданных художниками Бурятии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 158–171. doi: 10.17223/23062061/33/9

Original article

UNITY OF WORDS AND PAINTING IN BOOKS WRITTEN AND PUBLISHED BY ARTISTS OF BURYATIA

Tatyana A. Boronoeva¹, Svetlana S. Imikhelova²

¹ *National Museum of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Russian Federation*

² *Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *tatboronoeva@gmail.com*

² *223015@mail.ru*

Abstract. The article reviews three books by famous artists of Buryatia who worked on both texts and illustrations for these editions. Alexandra Dugarova (born in

1959) is the compiler and illustrator of the *Gurban Ontokhonuud. Three Tales* book, which was published in Ulan-Ude in 2019. Victoria Alagueva (born in 1964) created the text and illustrations for *The Silver Book about the Buryats. Tribes of the Buryat-Mongols. Zorik Book* by the talented artist Zorigto Dorzhiev (born in 1976) consists not only of reproductions of the artist's paintings, but also of a literary text written by him. The preface and all texts in *Gurban Ontokhonuud* are in two languages – Russian and Buryat. The illustrations made in computer graphics technique convey the subtlest nuances of the characters' mood, natural landscapes, and ethnographic details. The choice of fairy tales is explained by how they deal with another traditional genre of Buryat folklore – the triads. The characters of each fairy tale are three sages representing three different Buryat clans. They solve three riddles from everyday life that required a collective solution. The heads of the sages are grotesquely big, as well as the heads of those for whom they solved the riddles – women, old people, children. The author managed to convey different emotions of the characters: bewilderment, sympathy, pity, gratitude, which are not verbally expressed but implied in the subtext. One can see the freedom of self-expression of the artist who emphasized the moral values of folk life. *The Silver Book*, published in 2010, tells in an accessible manner about the Buryat tribes, their origins, traditions, rituals and legends. The cover, illustrations and all texts are stylized as a colorful textbook for children. The story is told on behalf of an old woman who, at the request of her grandchildren, reveals to them the basics of the history and ethnography of her people. All the illustrations resemble children's drawings, where the figures of children are often depicted comically, but the legendary ancestors of the modern Buryats look like fabulous heroes. With its educational pathos, this book emphasizes the values of national life. The original *Zorik Book* by the artist Zorigto Dorzhiev was published by Khankhalaev Gallery in Moscow in 2011. The text and illustrations represent the painter-writer's reflection, the author tells about his birth and formation as an artist. As a result, this book is a kind of a literary and painting-like self-portrait. Drawings, collages and sketches are placed inside the text, not on the margins or in breaks in lines. One can see how the hero gradually matures, develops and becomes the creator of a new "text" – paintings that end the book. A whole kaleidoscope of literary and pictorial sketches conveys the artist's joy of creativity.

Keywords: text, illustration, childhood, genealogy, values, artist, joy of creativity

For citation: Boronoeva, T.A. & Imikhelova, S.S. (2023) Unity of words and painting in books written and published by artists of Buryatia. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 33. pp. 158–171. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/9

В Бурятии сильны традиции книгопечатания и книжного иллюстрирования, о чем свидетельствуют новые явления в сфере современного государственного книгоиздания и деятельности частных издательств. Истоки этих традиций берут свое начало с конца XIX – начала XX в. и связаны с распространением буддизма в регионе. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в это время буддийские монастыри, храмы, молельни,

а также сами священнослужители и миряне этнической Бурятии обладали значительным количеством рукописных и печатных книг благодаря активной деятельности монгольских и тибетских лам, привозивших в Забайкалье переводы буддийских сочинений [1. С. 97]. В 1821 г. буряты закупали «30 телег ламаистских книг за 1200 голов скота» [2. С. 46]. В 1847 г. при Цугольском монастыре открылась монастырская школа со своей печатней. В отчетах под названием «О книгах на тибетском, монгольском и бурятском языках, находящихся в дацанах Бурят-Монголии», составленных по просьбе Агвана Доржиева, выдающегося ламы и общественного деятеля, приводится общее количество книг – «до 450000 томов (допущенное число можно считать минимальным)» [3. С. 56].

Одновременно развивалось книжное иллюстрирование. В создании буддийских печатных книг принимали участие несколько человек: лама – художник (зурачин), делавший первоначальный рисунок, он же каллиграф, лама – резчик деревянных досок-клише и печатник (баршин). Помимо печатных буддийских текстов, исполненных в технике ксилографии, существовала традиция рукописных книг. «Иллюстрациями к бурятским книгам, аналогично монгольским, служили одноцветные гравюры и красочные миниатюры, схожие с европейскими миниатюрами по назначению и размерам, но выполненные в отличной от них технике – в акварели» [4. С. 28]. Одноцветные часто подкрашивались в несколько красок. Так, первые иллюстраторы рукописной «Повести о Молонтойне» гелонг-лама Сартульского дацана и староста-урядник создавали «великолепные иллюстрации к рукописи в изысканной акварели, исполненные на чуть сероватой русской бумаге. Каждая страница являет собой органичное единство текста и изображения. Тонкость и изящество рисунка соотносятся в нижней части листа со стройностью монгольской – вертикальной графики текста» [4. С. 29].

Большинство гравюр и акварельных миниатюр в виде буддийских икон изображали божеств, портреты святых мудрецов и исторических деятелей, а также небольшие фрагменты житийных сюжетов. Они украшали рукописи, потому что были сделаны с большим вкусом в пределах иконографического канона и свидетельствовали о высоком уровне мастерства и профессиональной подготовки лам-зурачинов.

В силу исторических обстоятельств с 1930-х гг. произошел разрыв этой традиции. Все буддийские монастыри, за исключением немногих, были полностью разрушены, и часть наследия была сохранена и вывезена в музеи и хранилища Ленинграда и Улан-Удэ. Наиболее крупная коллекция тибетского и монгольского фондов хранится в Центре восточных

рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН в Улан-Удэ.

Это напоминание об истории книжной культуры Бурятии интересно в свете обновления современных издательских проектов, которые логично встраиваются в контекст национальной традиции. Несколько ярких примеров, на наш взгляд, являются наиболее выразительными в возникновении одной из тенденций современной книгоиздательской практики и книжного иллюстрирования. Речь идет об изданиях, где художник выступает и как автор-составитель или создатель текста, и одновременно как иллюстратор.

В 2019 г. в книжном издательстве «Республиканская типография» г. Улан-Удэ вышла книга «Гурбан онтохонууд. Три сказки», которая вызвала большой интерес у читателей Бурятии тем, что составлена и щедро проиллюстрирована заслуженной художницей Бурятии Александрой Дугаровой [5]. Она уже не раз выступала иллюстратором сборников стихотворений своего брата – народного поэта Бурятии Баира Дугарова. На этот раз она сама составила книгу на двух – русском и бурятском – языках, выбрав три сказки из новой книги «Бурятские народные сказки. Бытовые» [6]. И ее книга – вовсе не первый опыт, когда бурятские художники выступают одновременно создателями текстов или составителями, не обращаясь к помощи профессиональных литераторов. Одна из первых рукописных книг «Повесть о Молон-тойне», упомянутая выше, представляла собой единство текста и изображения и сопровождалась некоторой упрощенностью в рисунке, из чего видно, что она создана непрофессионалом [4. С. 29].

Опыт работы с детской иллюстрацией в «Трех сказках» – первый для Александры Дугаровой, тем не менее она уже имела такой опыт, работая над обложками и рисунками к шести сборникам стихов Б. Дугарова, а в своих живописных картинах она достаточно часто изображала детей, а также разных животных. Сложной задачей для нее на этот раз было отразить реалии исторической и природной жизни и быта своего народа. Художница признавалась: «Много пришлось думать над историческими и этнографическими деталями. Это был интересный опыт из 64 рисунков. Я не уходила в украшательство. По цвету отталкивалась больше от стиля “буряад зураг” (это своеобразный бурятский лубок). Яркие контрастные цвета и четко выверенная линия – черты, характерные для этого стиля. Задача была сложная. Надо было добиться ощущения бурятского духа» (из интервью, данного авторам статьи).

Для иллюстратора, конечно же, важно единство текста и изображения, а значит, важна задача выбрать такую композицию рисунка, которая бы

полностью зависела от содержания каждой сказки. Художница работала в технике компьютерной графики – рисования в специальных графических программах. С ее помощью можно было легко передать различные настроения героев, природные ландшафты и этнографические детали.

Рисунки Дугаровой радуют глаз ярким национальным колоритом и очень индивидуальным стилем. Фигуры героев изображены с теплотой и юмором. Есть отдельные страницы без текста [5. С. 28–29] – иллюстрированный разворот, позволяющий читателю подробно рассмотреть оригинальный живописный комментарий к тексту, оценить мастерство художника.

Тексты в «Трех сказках» даны на двух языках – русском и бурятском. В предисловии (также на двух языках) А. Дугарова отметила: «Сказки передают не только мудрость и фантазию народа, но и сохраняют богатство местных разнообразных говоров. Эти три сказки рассказывались в разных районах, где проживали буряты с давних времен» [5. С. 5]. Автор-составитель имела в виду районы Иркутской области и Забайкальского края, где проживали крупные бурятские племена – эхириты, булагаты и хорибуряты.

Выбор «Трех сказок» был подсказан тем, что в каждой из них речь идет о трех героях: «Три мудреца из Гурбалдая», «Три брата», «Три брата – три мудреца». Кроме того, что они были рождены в разных бурятских племенах, в них подчеркивается и принадлежность героев определенному роду. В первой сказке герои-мудрецы представляют разные бурятские роды: два младших из рода бараев и рода боролдоев пошли к старшему мудрецу – икинату, который жил в долине реки Оки, чтобы разрешить их спор. Старший мудрец разрешил этот спор – кому из младших мудрецов принадлежит кобыла, и они согласились с его решением. Затем они задавали друг другу спорные вопросы (их было два), а после этого подружились и стали жить вместе. Совместно они разгадали загадку, разрешив спор между двумя женщинами, не сумевшими распознать, чей из их сыновей остался жив, а чей умер, так как дети были очень похожи, поскольку родились от двух братьев, женившихся на этих женщинах.

Старший мудрец взял саблю, замахнулся и сказал, что он разрубит ребенка пополам и отдаст им по половинке.

Тогда родная мать ребенка сказала:

– Чем убивать нашего сына, лучше отдайте его этой женщине.

А другая сказала:

– Рубите, пусть никому не достанется!

Три мудреца все поняли из этих слов женщин и отдали мальчика той, которая просила не убивать его [5. С. 22].

Здесь обе страницы финала сказки – одна на русском, другая на бурятском языках – оформлены художницей как одна, хотя отражают разные по времени ситуации: на левой странице изображены две женские спорящие друг с другом головы на фоне лужайки, а между ними – крошечный ребенок в бурятском одеянии, а на правой – одна из женщин с ребенком на руках и рядом мудрец понимающе глядит на них. Благодаря тому, что головы в этой книге гротескно преувеличены, лица справа передают главные эмоции: сочувствие и жалость мудреца, благодарность матери и озадаченность ребенка. Становится понятным, что заставило составителя выбрать сказку с таким финалом: если при решении первых трех загадок в ней складывались ситуации, требующие чуть ли не судебного разбирательства, то последняя задача потребовала от трех мудрецов коллективного решения, и оно было блестящим, ведь ее разрешила не одна, а три мудрые головы.

Следующие две сказки также повествуют о трех братьях, которых тоже можно назвать мудрецами. И снова героям предстоит разгадать загадки, которые, несмотря на бытовой характер (кто выкрал корову или быка, кто только что отъехал от стоянки), потребовали также коллективного решения, соответствующего фольклорному сознанию, ведь жанры народного творчества созданы коллективной мудростью народа.

В сказке «Три брата» хан, который держит взаперти путников-братьев, убедился в их мудрости и, прежде чем отпустить их на свободу, испытывает ум братьев-мудрецов народными традиционными загадками-триадами: что на свете три красного и три белого цвета? Каждый ответ братьев на эти загадки сопровождается изображением на книжном развороте: красными лиственницами в ложбине, красными лицами счастливых людей и ярко-рыжей лисицей, на другом – белыми волосами старика, белыми зубами юного человечка и белыми костями мертвеца. И напоследок хан задает еще и третью загадку: что на свете семь синего и зеленого цвета? На левой стороне разворота видим зеленые ели и сосны, зеленую траву и синее небо, синюю реку, а на правой – во весь рост вечно зеленый кедр. Здесь и объясняется, на наш взгляд, выбор художником данной сказки ее вполне «живописным» потенциалом. Получился цикл, объединенный числом 3: количество выбранных сказок, количество персонажей-мудрецов и разгадываемых ими загадок, а также обращение к жанру бурятского фольклора – триадам.

Данная книга напоминает предшествовавшее ей издание 2010 г. «Серебряная книга о бурятах. Племена бурят-монголов» бурятской художницы Виктории Алагуевой [7]. Она написала книги для детей, повествующие о бурятских племенах, их происхождении, традициях, ритуалах,

вероисповедании, легендах, и сама же проиллюстрировала эти тексты. Как и книга А. Дугаровой, «Серебряная книга о бурятах» предназначена детям. Обложка, рисунки, а также тексты выполнены автором в виде красочного учебника для детей. Повествование ведется от лица бабушки, которая по просьбе внуков передает им знания о бурятских племенах. Именно в этом стиле в бурятском фольклоре сказочник-улигершин рассказывает детям истории о том, как в древние времена жили богатыри и богатырши. Все иллюстрации к текстам представляют собой стилизованные детские рисунки, подобные тем, что встречаются в учебниках для детей младшего школьного возраста. Можно указать на некоторое сходство с первоначальным опытом в бурятской книжной графике, где жанр иконы и словесный текст отвечали духу буддизма, выполняли его главную просветительскую задачу – доходчивость и доступность для широких масс.

Просветительский пафос книги В. Алагуевой смягчается изображением, часто комическим, фигурок детей, которые постигают азы истории и этнографии своего народа. Богато проиллюстрированы главы, представляющие краткий пересказ бурятских легенд и мифов о зарождении крупных бурятских племен – эхиритов, булагатов и хорибурят. На рисунках к этим главам изображены легендарные прародители Хоридой или Булагат и его брат Эхирит в сказочном духе, потому что их рождение тесно связано с природными явлениями, с обликом животных – тотемов, сопровождавших появление бурятских племен, таких как прекрасная птица-лебедь или могучий бык Буха-нойон.

Достоинство книги – в единстве вербального и визуального рядов, ведь детям необходимо доходчиво объяснять, из какого рода-племени ведут свою родословную их предки и родители; им следует знать историю бурятского народа, почему он поделен на множество разнообразных родов и в чем своеобразие национального характера людей, называющих себя бурятами. Национальное своеобразие бурят, по мнению автора книги, – в их мировоззрении, их художественном творчестве, а также в человеческом характере, объясняемом исторически и географически – долгой жизнью бурят в соседстве с другими народами, «на перекрестке» других культур: «Они привыкли к долгому и мирному сожительству с другими народами. Открытые внешнему миру, доверчивые и бесхитростные, своей удивительной терпимостью к другим культурам, они всегда поднимали свой культурный и духовный уровень» [7. С. 47].

Все тексты в книге В. Алагуевой сопровождаются ее рисунками жилищ, костюмов разных племен, предметов национального быта, обихода, некоторые из них становились произведениями искусства, например

ювелирные изделия, – буряты издавна славились мастерством кузнецов – дарханов.

Еще одна книга художника, очень необычная, даже уникальная в издательской практике Бурятии – «Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева», изданная в 2011 г. в Москве издательством «Галерея Ханхалаева» [8]. Ее автор – Зоригто Доржиев (в общении с близкими и друзьями – просто Зорик), известный и очень талантливый художник нового поколения бурятских живописцев. Его книга отличается от представленных выше изданий тем, что это книга-альбом большого формата, которая состоит из репродукций картин автора и литературного текста, написанного им. Оба «текста» представляют собой не что иное, как авторскую рефлексию живописца-литератора: картины-иллюстрации, выступая живописным фоном, «комментируют» словесный текст – повествование от имени героя-автора так, что получается своеобразный литературно-живописный автопортрет. К тому же оба «текста» объединены темой детства, постепенно переходящей в тему творчества. Повествуя о детских «играх в войнушку», автобиографический герой вспоминает, как уже в первые годы жизни у него возникла тяга к рисованию. Реальность воспоминания и реальность времени «письма» соединены в повествовании, и герой-рассказчик может объяснить, как рисование, живописное «придумывание» результатов творчества неотделимо от увлечений играми, чтением, музыкой – всем тем, что рождает в нем художника, обладающего чувством гармонии, отрицающего дурную эклектику во взгляде на мир. В любой деятельности на каждом этапе взросления герой-автор видит в себе будущего художника, ощущает постепенное рождение в себе творческой личности.

Например, в главе «Арсенал» автор-герой повествует о детском увлечении самодельным оружием, когда он сам выпиливал из дерева точные копии винтовок, пистолетов, автоматов, причем это было еще и оружие из разных эпох – лук со стрелами, мечи, томогавки, ножи. И все это шло в ход во время «игр в войнушку» с друзьями. Но уже здесь в герое-повествователе проявлялась натура художника: «Мне всегда важно было, чтоб антураж соответствовал теме. Я жутко раздражался, когда, играя в индейцев, кто-то бегал с мушкетерской шпагой» [8. С. 22].

Глава «Music» посвящена увлечению героя-подростка музыкой, сочинением песен под гитару. Постепенно это увлечение («я просто фонтанировал сочинительством») вылилось в собирание различных музыкальных инструментов – это были не только электрические и акустические гитары, но и бурятские и монгольские морин-хур, сух-хур и другие национальные инструменты. И заканчивается глава поэтической рефлексией о роли музыки в живописном сочинительстве героя: «Порой, с головой

погрузившись в очередную картину, я начинаю слышать музыку. Когда кисть совсем незаметным прикосновением оставляет чуть видимый след на холсте, слышится звук свирели, поющей где-то в степи. Затем вступает морин-хур. Линии становятся четче и ярче, а силуэты изображаемых героев контрастнее. <...> и вот уже целый оркестр наполняет красками все полотно. Мастехин мечется от палитры к мольберту, разбрызгивая сгустки краски, как искрометное соло визжащей гитары. Одна кисть только успевает сменить другую в нарастающем реве крещендо под громоподобный звук барабанов. <...> Отхожу посмотреть на то, что получилось. Нужно немного выделить передний край и чуть “вытащить” лицо главного персонажа. Где-то в степи еле слышна свирель...» [8. С. 65].

Интересна и глава «Милицейская история», в которой запечатлены воспоминания героя о его редких столкновениях с людьми в мундирах. Начинается повествование с дружеской вечеринки в общежитии художественного училища, закончившейся плачевно, когда знакомство будущих художников с курсантами юридической академии обернулось подозрениями, разбирательствами, допросами в связи с потерянным револьвером одним из гостей. Затем следует рассказ о еще одном знакомстве героя с человеком в милицейской форме, который, столкнувшись с ним в его учебном заведении, попросил проиллюстрировать подготовленную им книгу об истории милицейского мундира.

Все эпизоды сопровождаются темным фоном с рисунками, в которых стиль художника угадывается сразу. Так, один из рисунков изображает двойной портрет некоего господина – в фас и в профиль с гротескно подчеркнутым выражением лица – вытянутыми в недовольстве губами и носом, глазами-щелочками. Эта своего рода карикатура на фотографию как судебно-юридический документ замечательно передает отношение художника к нежелательным историям в его биографии. И заканчивается глава следующей субъективно-личностной информацией: «Спустя полгода в небольшой книжице в мягкой обложке на третьей странице можно было прочесть: художник Держиев З.Б. Неверно написанная буква в моей фамилии меня совсем не расстроила. Однако, чтобы ни у кого не возникало сомнений в авторстве иллюстраций, во второй части этого учебника к мундирам времен Великой Отечественной я прорисовал лица своих друзей и однокурсников» [8. С. 71]. И этот рисунок выполнен на пол-страницы «Zorik book...»: фигуры позирующих людей в различных милицейских одеяниях сопровождаются надписями над их головами: Вовка, Серега, Жека, Антошка и т.д. И среди этих изображенных, как на фото, людей есть фигура даже не офицера, а рядового с оружием в руках

с надписью «Типа я», т.е. вполне символическая «иллюстрация», подчеркивающая стиль всего автобиографического повествования в книге.

Наличие процесса творчества – вот чем интересна книга З. Доржиева, и это не только сочинительство, «придумывание» сюжетов для рисования. Герой-автор удивляется, что оно всегда давалось ему очень легко в сравнении с муками однокурсников в художественном училище: он просто жил с детства этим занятием. Как видно из книги, так же легко автору дается сочинительство. Началось все с игры, когда отец, театральный художник, начав какой-нибудь рисунок, оставлял закончить его сыну, надеясь на его фантазию. Игра пробуждала азарт сочинительства. «Пожалуй, в большей степени меня захватывал не сам процесс рисования, а ощущение созидательного авторского всемогущества». Причем интерес представлял процесс «повелевать не только придуманными героями, но и оживлять себя в нарисованном мире» [8. С. 25]. Например, в рисунке с Чапаевым на коне герой изображает и свою фигуру в буденовке с саблей на боку и биноклем на груди. Так и в словесном творчестве автор «рисует» себя, свою личность в единстве с творческой деятельностью, с ощущением всемогущества писателя, художника слова.

Литературный текст не просто «комментируется» рисунками, коллажами, всем живописным фоном, находящимися не на полях или где-то еще, а на самой странице, – он воспроизводит процесс создания нового «текста» героем, который постепенно взрослеет, развивается и обретает облик одновременно речевой и визуальный, чтобы «встать во весь рост» в центре живописных полотен, которыми и завершается книга. И таким образом рождается метатекст, в котором автор, «стремясь вслушаться в тончайшие движения души героя <...> передает сам процесс рождения этих движений в собственном субъективном чувстве и собственном создающемся на глазах читателя/зрителя тексте» [9. С. 33].

Можно считать живописные иллюстрации продуктом авторской интерпретации событий, детских и юношеских впечатлений, выраженных в слове, повествовании, если бы не само единство рожденной на глазах читателя новой реальности, в которой отразились встречи героя с картинами природы, его любовь к музыке, чувство самоуважения от первых профессиональных заработков. «И весь этот калейдоскоп зарисовок, штрихов, коллажей, эскизов – литературных и живописных, служит как бы залогом будущей насыщенной творческой жизни. Автобиографический герой проявится и в мифологически-условных образах своих картин, и в облике изображенных героев-современников» [9. С. 33]. Эта же мысль подчеркнута в статье искусствоведа, размышляющего о творчестве З. Доржиева: «Наряду с традиционным чеканным обликом условного “зориктоида” в

лицах и фигурах появляются черты современных людей – озабоченных и нервных, напряженных и встревоженных» [10. С. 9].

«Zorik book. Книга художника Зорикто Доржиева» – двойственное единство рисунков-иллюстраций автора-живописца и слова, речи автора литературного текста, разворачивающееся в таком пространстве-времени, которое обретает вид «творческого хронотопа» (М.М. Бахтин). Двойственность этого хронотопа усиливается сознанием героя, который выступает и персонажем, и одновременно автором-творцом. В этом заключается «особенность игрового автобиографического повествования, в котором видится тематизация процесса творчества через мотивы сочинительства. То есть перед читателем разворачивается процесс сочинительства, который и создает иллюзию “строительства” героем собственной жизни» [9. С. 33]. О подобной постмодернистской репрезентации автора-творца, находящего своего текстового двойника в образе персонажа, пишут исследователи [11. С. 45–46], другие называют такой тип повествования прозой autofiction [12, 13].

Как бы ни определялась принципиальная для бурятского книгоиздания новизна «Zorik book» З. Доржиева, перед читателем возникает оригинальное повествование от лица автобиографического героя, соединившего в себе художника-живописца и поэтическую личность. Так, финальные размышления героя, имеющие некоторую незавершенность, представляют собой лирические зарисовки в виде поэтической рефлексии, похожей на стихотворение-верлибр. Во второй части этого своеобразного стихотворения в прозе герой заявляет: «Люблю весну. За ощущение тревоги и зыбкости. Как будто натягиваешь тетиву самодельного лука и не знаешь, выдержит ли он это напряжение. Может, порвется тетива из случайной веревки? Разлетится ли сухой щепой только что срубленный сук, еще не успевший наполниться древесным соком, чтобы быть достаточно упругим? Или вылетит стрела стремительной белой молнией, и я сам удивлюсь, что смог послать так далеко ивовую ветвь, наспех высвободив ее из бугристой коры?» [8. С. 81]. Сменяет это лирическое излияние серия картин, созданных как итог книги, как результат становления характера начинающего художника, что соответствует специфике книги-альбома, «метафорически передающего восторг и счастье творческой личности от результата пересоздания корявого жизненного впечатления в реальность искусства» [9. С. 33].

Для текстов всех трех книг, о которых шла речь, характерна такая свобода самовыражения, которая обеспечивалась желанием авторов – художников-иллюстраторов изобразить и в рисунке, и в словесной ткани сам процесс «сочинительства», передать стремление к гармонии, к

осмыслению подлинных ценностей жизни. Для издательского дела такие проекты важны в связи с потребностями юного и молодого читателя, нуждающегося в увлекательной работе с литературно-художественной книгой, в легкости общения с автором, а также в восприятии необходимой познавательной и эстетической информации. Проанализированные книги, относящиеся к литературе для детей и юношества как наиболее крупному разделу современного книгоиздания, свидетельствуют о том, что бурятские издательства, в том числе негосударственные, как, например, «Галерея Ханхалаева», и сегодня продолжают ориентироваться на своего читателя. Союз писателя и живописца в лице автора каждой книги позволяет увидеть интересную тенденцию, напоминающую о времени возникновения национального книгоиздания.

Список источников

1. Сыртыпова С.-Х.Д. Письменное наследие бурят // Буддизм в истории и культуре бурят. Улан-Удэ : Буряад Монгол Ном, 2014. С. 97–133.
2. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы / отв. ред. К.М. Герасимова. Новосибирск : Наука, 1983. 235 с.
3. Страницы из жизни Агвана Доржиева. Архивные документы. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1993. 239 с.
4. Бороноева Т.А. Графика Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 127 с.
5. Гурбан онтохонууд. Три сказки. Бурятские народные сказки для школьного и семейного чтения, для изучения бурятского языка / авт. идеи и сост. А.С. Дугарова. Улан-Удэ : Респ. тип., 2019. 64 с.
6. Буряад арадай онтохонууд. Ажабайдал тухай онтохонууд. Бурятские народные сказки. Бытовые. Улан-Удэ : Респ. тип., 2019. 188 с.
7. Алагуева В. Серебряная книга о бурятах. Племена бурят-монголов / худ. В. Алагуева. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. 64 с.
8. Доржиев З. Zorik book. Книга художника Зоригто Доржиева. М. : Галерея Ханхалаева, 2011. 124 с.
9. Бороноева Т.А. Метапроза как авторская саморефлексия в современной бурятской художественной культуре // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2015. Вып. 10. С. 30–34.
10. Якимович Ф. Зорикто Доржиев // Доржиев Зорикто. Воображаемая реальность. М. : Третьяковская галерея, 2015. С. 5–11.
11. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997. 317 с.
12. Кучина Т. Первоначальные повествовательные формы в русской прозе конца XX – начала XXI в. // Проблемы неклассической прозы : сб. ст. / сост. и гл. ред. Е.Б. Скороспелова. Вып. 2. М. : МАКС-Пресс, 2016. С. 275–313.
13. Имхелова С.С. Non-fiction или autofiction?: об одной тенденции в русском рассказе рубежа XX–XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. Вып. 1. С. 34–42.

References

1. Syrtypova, S.-Kh.D. (2014) Pis'mennoe nasledie buryat [Written heritage of the Buryats]. In: Garri, I. (ed.) *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* [Buddhism in the history and culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryaad Mongol Nom. pp. 97–133.
2. Gerasimova, K.M. (1983) *Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX v. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy* [Lamaism in Buryatia in the 18th – early 20th centuries. The structure and social role of the cult system]. Novosibirsk: Nauka.
3. Ochirova, G.N. (ed.) (1993) *Stranitsy iz zhizni Agvana Dorzhieva. Arkhivnye dokumenty* [The life of Agvan Dorzhiev. Archival documents]. Ulan-Ude: Bu-ryat. kn. izd-vo.
4. Boronoeva, T.A. (1997) *Grafika Buryatii* [Graphics of Buryatia]. Ulan-Ude: SB RAS.
5. Dugarova, A.S. (ed.) (2019) *Gurban ontokhonuud. Tri skazki. Buryatskie narodnye skazki dlya shkol'nogo i semeynogo chteniya, dlya izucheniya buryatskogo yazyka* [Gurban ontokhonuud. Three tales. Buryat folk tales for school and family reading, for studying the Buryat language]. Ulan-Ude: Resp. tip.
6. Anon. (2019) *Buryaad araday ontokhonuud. Azhabaydal tukhay ontokhonuud. Buryatskie narodnye skazki. Bytovye* [Buryaad araday ontokhonuud. Azhabaidal tukhay ontokhonuud. Buryat folk tales. Household tales]. Ulan-Ude: Resp. tip.
7. Alagueva, V. (2010) *Serebryanaya kniga o buryatakh. Plemena buryat-mongolov* [The silver book about the Buryats. Tribes of the Buryat-Mongols]. Ulan-Ude: Resp. tip.
8. Dorzhiev, Z. (2011) *Zorik book. Kniga khudozhnika Zorigto Dorzhieva* [Zorik Book. A book by the artist Zorigto Dorzhiev]. Moscow: Galereya Khankhalaeva.
9. Boronoeva, T.A. (2015) Metaproza kak avtorskaya samorefleksiya v sovremennoy buryatskoy khudozhestvennoy kul'ture [Metafiction as the author's self-reflection in modern Buryat artistic culture]. *Vestnik Buryat. gos. un-ta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*. 10. pp. 30–34.
10. Yakimovich, F. (2015) Zorikto Dorzhiev [Zorikto Dorzhiev]. In: Dorzhiev, Z. *Voobrazhaemaya real'nost'* [Imaginary Reality]. Moscow: Tret'yakovskaya galereya. pp. 5–11.
11. Lipovetskiy, M.N. (1997) *Russkiy postmodernizm. (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian postmodernism. (Essays on historical poets)]. Ekaterinburg: [s.n.].
12. Kuchina, T. (2016) Pervolichnye povestvovatel'nye formy v russkoy proze kontsa XX – nachala XXI v. [Primary narrative forms in Russian prose of the late 20th – early 21st centuries]. In: Skorospelova, E.B. (ed.) *Problemy neklassicheskoy prozy* [Problems of non-classic prose]. Vol. 2. Moscow: MAKSPress. pp. 276.
13. Imkhelova, S.S. (2020) Non-fiction ili autofiction?: ob odnoy tendentsii v russkom rasskaze rubezha XX–XXI vv. [Non-fiction or autofiction?: About one trend in Russian short stories at the turn of the 21st century]. *Vestnik Buryat. gos. un-ta. Filologiya*. 1. pp. 34–42.

Информация об авторах:

Бороноева Т.А. – кандидат искусствоведения, директор Национального музея Республики Бурятия (Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия). E-mail: tatboronoeva@gmail.com

Имхелова С.С. – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия). E-mail: 223015@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Boronoeva, Cand. Sci. (Art History), head of the National Museum of the Republic of Buryatia (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: tatboronoeva@gmail.com

S.S. Imikhelova, Dr. Sci. (Philology), professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: 223015@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.07.2022;
одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 13.07.2022;
approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 17.10.2023*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 821.161.1.09

doi: 10.17223/23062061/33/10

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«ФЕНОМЕН ЭПИЧЕСКОГО РОМАНА В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: И.А. ГОНЧАРОВ,
И.С. ТУРГЕНЕВ, Л.Н. ТОЛСТОЙ, Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ»
(под науч. ред В.Г. Андреевой.
Кострома: Костромской государственный университет,
2022. 512 с.)**

Ирина Борисовна Павлова¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия, antological@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется эпическая доминанта жанра русского романа; рассматривается вопрос о типологических аспектах презентации исторической реальности в романной прозе, о непреходящем значении произведений Гоголя, Толстого, Достоевского, Гончарова, Тургенева, в которых воплощаются национальные духовно-нравственные и эстетические идеалы.

Ключевые слова: эпопея, роман, жанр эпического романа, русская литература второй половины XIX в., историческая судьба России

Для цитирования: Павлова И.Б. Рецензия на коллективную монографию «Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX в.: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 172–181. doi: 10.17223/23062061/33/10

REVIEWS

Review

BOOK REVIEW: THE PHENOMENON OF THE RUSSIAN EPIC NOVEL OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: I.A. GONCHAROV, I.S. TURGENEV, L.N. TOLSTOY, F.M. DOSTOEVSKY

Irina B. Pavlova¹

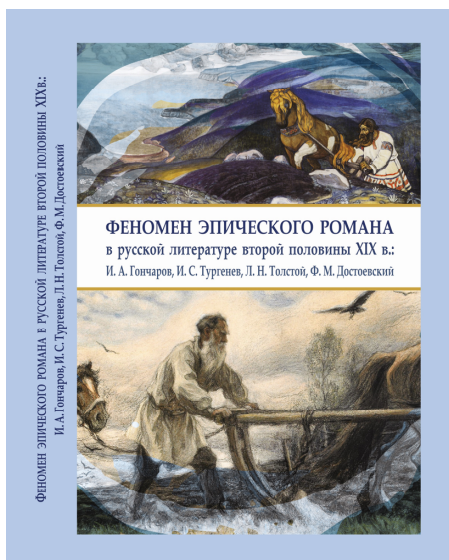
¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, antologia@yandex.ru*

Abstract. In the reviewed collective monograph *The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature in the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky* (scientific editing by Doctor of Philology V.G. Andreeva), the authors explore the epic foundations, the constants of the literary worlds of the best works of Russian classics. The object of the study is works by the largest Russian realists of the second half of the 19th century, in their philosophical and ethical-aesthetic foundations. They represent a compelling layer of Russian culture and literature; they are truly inexhaustible literary worlds. The reviewer notes that in the monograph special attention is paid to the problem of understanding the concept “epic novel”, which, due to ideological attitudes, has been interpreted biasedly since the 1920s–1930s. The introductory part highlights the evolution of attitudes towards the epic novel in the works of Russian researchers, who relied on different approaches in considering the epic and the novel. According to the authors, the epic novel appears as a special genre dominant, which is evidence of the depth and integrity of the Russian novel. Its originality is based both on the problematics and on the verbal and compositional organization. The authors rely on the basic approaches that have developed in modern Russian humanities, relevant in the consideration and analysis of theoretical problems, the historical and literary process and individual phenomena of fiction, as well as on cultural-historical, comparative-historical, typological, mythopoetic approaches, the method of motif analysis. The monograph summarizes the authors’ observations made when studying the literary situation in the second half of the 19th century and the creative originality of Gogol, Tolstoy, Dostoevsky, Goncharov, and Turgenev. The authors complement each other’s ideas and interpretations; the chapters of the book are organically combined into a holistic study of the epic novel as a genre variety. The relevance of the monograph is determined by its theoretical and historical-literary significance and focus on the study of philosophical, religious, ethical, socio-historical, and aesthetic problems that are of paramount importance for Russian culture. The authors carried out a detailed analysis of the picture of the world and the value system of the great Russian novels, which reveal the epic nature of national self-consciousness and attitude. Researchers note that

domestic novelists of the second half of the 19th century deeply felt the continuity existing between historical and epic works. Their depiction of modern reality in all its complexity and drama, the vision of the future were largely based on immersion in the history of Russia, in the national tradition; Russian writers were sensitive to the literary influences of other eras and peoples, genres, and individual works.

Keywords: epic, novel, genre of epic novel, Russian literature of second half of 19th century, historical fate of Russia

For citation: Pavlova, I.B. (2023) Book review: *The Phenomenon of the Russian Epic Novel of the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky. Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 33. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/33/10

Отечественное литературоведение всегда было обращено к глобальным теоретическим проблемам, и в XXI в. не ослабевает интерес исследователей к изучению родов и жанров, к эпосу, роману, историзму русской классической литературы.

В рецензируемой коллективной монографии «Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский» под научной редакцией доктора филологических наук В.Г. Андреевой [1] авторы В.Г. Андреева, А.В. Гулин, Н.Л. Ермолаева,

С.К. Казакова, Ю.В. Лебедев, В.И. Мельник, Н.Г. Михновец исследуют эпические основы, константы художественных миров вершинных произведений русской классики: «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», «Братьев Карамазовых», «Дыма», «Нови», «Обыкновенной истории», «Обломова», «Обрыва». Специфика поставленной задачи связана с тем, что, согласно национальной культурной традиции, эпос обозначает литературный род и один из жанров – эпопею.

Объектом исследования выступают произведения крупнейших русских реалистов второй половины XIX в. в их философских и этико-эстетических основаниях. Они представляют собой мощный пласт

отечественной культуры и литературы, это поистине неисчерпаемые художественные миры.

Особое внимание в монографии уделено проблеме осмысления понятия «эпический роман», которое в силу идеологических установок необъективно трактовалось начиная с 1920–1930 гг. XX в. Во вступительной части освещается эволюция отношения к эпическому роману в работах отечественных исследователей, опиравшихся на различные подходы в рассмотрении эпоса и романа: М.М. Бахтина, В.А. Беглова, Г.А. Белой, И.А. Беляевой, Н.Я. Берковского, Б.И. Бурсова, А.Н. Веселовского, М. де Вогиюэ, Г.Д. Гачева, Ф.Т. Гриффитса и С.Дж. Рабиновича, Вяч.И. Иванова, В.В. Кожина, О.А. Кравченко, Ю.В. Лебедева, Н.Л. Лейдермана, Е.М. Мелетинского, В.И. Свинцова, Н.Д. Тамарченко, М.Б. Храпченко, А.В. Чичерина и др.

Масштабное эпическое произведение с особой полнотой охватывает исторический процесс, может вобрать в себя такое многообразие мировоззренческих, эстетических, нравственных вопросов, событий, протекающих в пространстве и во времени, людских судеб, которое недоступно для других повествовательных форм. Оно отражает диалектику бытия и человеческой души, художественно воспроизводит жизнь в целостности и широте. Гегель считал эпопею и роман жанрами, одинаково репрезентирующими общие свойства большой эпики.

Обсуждение теоретических проблем романа началось в русской критике одновременно с появлением его первых образцов в середине XVIII в. и продолжается в наше время.

Анализируя существующие определения романа, М.М. Бахтин указывал, что «никогда не удастся дать сколько-нибудь охватывающей формулы для романа как жанра», поскольку он остается «единственным становящимся жанром» [2. С. 448, 451–452]. В процессе исторического развития содержательного и формального начал происходит появление различных жанровых модификаций романа.

Изучая эпическую традицию русской литературы, авторы отмечают преемственность, существующую между историческими и эпическими произведениями, глубокое понимание художниками современности на основе погружения в историю России, в национальное предание.

Согласно установкам авторского коллектива, эпический роман предстает «как особая жанровая доминанта, возникновение которой во второй половине XIX в. было обосновано особым мировоззрением русских классиков, их глобальной идеей спасения России путем приобщения читателя к религиозному сознанию, представления ему необходимости духовного роста. Эпический роман позволил нашим писателям создать образ неведомой западноевропейскому человеку соборности, утрата которой

обусловила бы катастрофу государственного масштаба» [1. С. 11]. Это жанровое образование – свидетельство глубины и цельности русского романа. Его своеобразие основано как на проблематике, так и на словесно-композиционной организации.

Авторы опираются на базовые подходы, сложившиеся в современной отечественной гуманитарной науке, актуальные при рассмотрении и анализе теоретических проблем, историко-литературного процесса и отдельных явлений художественной литературы, а также на культурно-исторический, сравнительно-исторический, типологический, мифопоэтический подходы, метод мотивного анализа. В монографии обобщены наблюдения авторов, сделанные в процессе изучения литературной ситуации второй половины XIX в. и творческого своеобразия Гоголя, Толстого, Достоевского, Гончарова, Тургенева. Участники коллективного труда дополняют представления и трактовки друг друга; главы книги органически соединяются в целостное исследование эпического романа как жанровой разновидности.

Актуальность монографии определяется ее теоретической и историко-литературной значимостью и ориентированностью на исследование первостепенных для отечественной культуры философских, религиозно-этических, социально-исторических и эстетических проблем.

Композиция труда вытекает из общих принципов, положенных в основу всего издания. Книга состоит из вступления, пяти глав: 1. «Идея национального и всечеловеческого единения в эпосе Л.Н. Толстого»; 2. «Эпическая традиция в освоении русскими классиками второй половины XIX века»; 3. «Эпическое и романное в художественных мирах И.А. Гончарова»; 4. «Обобщения эпического характера в романах И.С. Тургенева»; 5. «Эпический взгляд Ф.М. Достоевского на Россию, русское общество и человека» и заключения обобщающего характера.

В каждую из глав входит от трех до восьми параграфов, посвященных разнообразным проявлениям эпической доминанты в творчестве того или иного автора.

Участники коллективного труда предприняли подробный анализ картины мира и системы ценностей великих русских романов, в которых раскрывается эпичность национального самосознания и мироощущения.

Исследователи отмечают, что отечественные романисты второй половины XIX в. глубоко чувствовали преемственность, существующую между историческими и эпическими произведениями. Изображение ими современной действительности во всей ее сложности и драматизме, провидение будущего во многом были основаны на погружении в историю России, в

национальное предание; русские писатели чутко улавливали литературные влияния других эпох и народов, жанров, отдельных произведений.

Вершинным образцам русского романа – «Войне и миру», «Анне Карениной», «Воскресению» Толстого, «Братьям Карамазовым» Достоевского, трилогии Гончарова, «Дыму» и «Нови» Тургенева – присущ пафос всемирного, надличного, который определяет изображение действительности и человека, национального характера, трактовки исторического прошлого («Война и мир») и чаемого будущего («Братья Карамазовы»). Художники поднимают целый комплекс онтологических идей, которые обуславливают эпическую широту и масштабность произведений: среди них мысль о преемственности поколений, непреходящее значение этических воззрений народа, его «святыни и правды» для русской национальной судьбы в плане общественно-историческом и духовном, примат коллективного, соборного над личным, эгоистическим. В монографии исследуется своеобразие сюжета и композиции эпических романов. Так, например, в романной трилогии Гончарова развитие персональной фабульной линии происходит параллельно эпической. В творчестве Достоевского прослеживается эволюция мотива вины: от частной, непреодоленной (сон Прохарчина) до вины перед всем миром, «все за всех виноваты» (прозрение Дмитрия Карамазова). Исследователи указывают на использование символических образов как эпических основ художественных миров (земля – в «Войне и мире» у Толстого, камень – в «Обыкновенной истории» у Гончарова). В работе анализируется репрезентация и реализация в текстах произведений архетипов, укорененных в коллективном бессознательном и воплощающих соборный опыт нации, ее менталитет, память культуры. В связи с этим уместно сослаться на статью А.Ю. Большаковой «Архетип, миф и память литературы», в которой подчеркивается, что обращение к архетипам «в переломные, кризисные эпохи, чреватые утратой целостности, ломкой основных мировоззренческих универсалий, трудно переоценить. В противовес расхожим постулатам о “конце вещей”, “конце истории”, взамен разрушительства и вседозволенности “архетип” выступает как норма и закон. Человечности, прежде всего...» [3. С. 8]. В «Мертвых душах» Гоголя, романной трилогии Гончарова, «Братьях Карамазовых» Достоевского прослеживаются древнегреческие мифологические, античные мотивы, рассматривается роль «дантовского эпоса», обосновывается взгляд на влияние структуры, поэтики «Божественной комедии» на русских художников XIX в., стремящихся к эпическому изображению национальной жизни, к осознанию всемирно-исторических судеб России, искавших пути спасения от «ада» современности к общественному и индивидуальному преображению и

духовно-нравственному идеалу. Писатели ориентировались на «Божественную комедию» в попытке «соединить проблему личного спасения, личной святости с проблемой мессианского (у Гоголя и Достоевского) или великого (у Гончарова) будущего России» [1. С. 176].

В исследуемой монографии отмечено, что в современном литературоведении происходит новое обращение к дантовской теме, интерес исследователей во многом связан с типологией русского романа. «На первый план восприятия выступила эпическая сторона “Божественной комедии”» [1. С. 175]. Особое значение придается композиции великого творения Данте, состоящей из трех частей (трех кантиков): «Ад», «Чистилище», «Рай». Это построение имеет мистическое, философское значение: движение по вертикали, от истории греха к истории спасения, восхождение человека из ада в рай через покаяние. Трехчастная структура «Божественной комедии» включает в себе «религиозную философию, основные нравственные потенции человеческого существования в его отношениях с Богом» [1. С. 176]. Господство в композиционной и смысловой структуре поэмы числа 3 восходит к христианской идее о Пресвятой Троице. В кантике «Рай» происходит сведение индивидуального к общему, разлада – к согласию. Эти положения находят глубокий отклик у отечественных художников. В «Божественной комедии» Данте соединилось конкретно-историческое с вечным, национальное – с общечеловеческим.

Значительное внимание уделено мифологизированности авторских представлений в эпической трилогии «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв». Процесс движения от древнегреческого мифа к русским литературным архетипам в романах Гончарова свидетельствует, что в «Обыкновенной истории» писатель переходит от отечественных литературных образцов, мифов и архетипов, принадлежащих преимущественно европейской культурной традиции, к славянской мифологии, национальному фольклору, сказкам, в результате чего возникают архетипические образы Обломова и обломовщины, русского делового человека Петра Адуева, бабушки-России, Татьяны Марковны Бережковой. В основу сюжета «Обрыва» положена архетипическая ситуация – библейская история грехопадения, мотив змееборчества, столкновение христианства и язычества. Вполне аргументированным представляется вывод, что «И.А. Гончаров – это художник с ярко выраженным эпическим дарованием. Его размышления о типах и типизации в поздних статьях можно рассматривать как предвидение появления современной теории литературного архетипа и ее основу. Гончаров – один из тех немногих русских писателей, которые не просто разрабатывали мифологические сюжеты и образы,

известные мировой культуре, но и создавали русские литературные архетипы» [1. С. 173–174].

Американские исследователи Ф.Т. Гриффитс и С.Дж. Рабинович в книге «Третий Рим. Эпос и роман» анализируют эпические истоки романной традиции и стремление русской литературы к созданию национального эпоса, полемизируют со взглядами М.М. Бахтина. Несмотря на то что их подходы и умозаключения представляется в ряде моментов спорными, хотелось бы указать на одно наблюдение, сделанное авторами: «Рассматривая эпос скорее как цикл, нежели как жанр, мы предлагаем, применительно к русскому роману, новый смысл привычного словосочетания эпическая традиция: традиция эта характеризуется не просто масштабностью и назначением, но и (прежде всего) спецификой памяти, когда каждый роман есть продолжение другого романа, а все они вместе – продолжение национальных эпопей других народов, то есть поэм Гомера, Вергилия и Данте» [4. С. 67]. Если Ф.Т. Гриффитс и С.Дж. Рабинович хотели подчеркнуть тот факт, что русская классическая литература XIX в. развилась под влиянием античных образцов, многовекового наследия европейской культуры, то это является доказательством преемственности традиций, того факта, что отечественная литература достойно приняла эстафету, продемонстрировала «всемирную отзывчивость» русского творческого сознания, его потенциал. Произведения Гоголя, Толстого, Достоевского, Гончарова, Тургенева существенно обогатили гуманитарную культуру и науку.

Авторы издания единодушны в том, что художники-реалисты были движимы потребностью защитить духовно-нравственные, православные ценности, национальную идентичность. Во второй половине XIX в. на повестку дня выдвинулся вопрос о русском культурно-историческом типе, о месте русской цивилизации в мире, об этических и эстетических идеалах. Подобные задачи требовали разработки в эпопейном масштабе и особой поэтики. Эта потребность времени была реализована в жанре романа с ярко выраженной эпической доминантой, что обстоятельно доказывают авторы коллективной монографии. Книгу отличает фундаментальность, широта обобщений, основательность теоретической и историко-литературной базы. Четко освещены основные, принципиально важные и специфические особенности жанра эпического романа, найдены научно обоснованные критерии оценок. Впечатляет объем изученной авторами литературы вопроса.

Не умаляя достоинство анализируемого издания, хотелось бы заметить, что исследованию художественной реальности такого всемирно известного романа Достоевского, как «Преступление и наказание», могло

быть уделено большее внимание; лишь упомянуты романы «Идиот» (1868) и «Бесы» (1871), хотя они органично вписываются в общую концепцию труда.

Коллективная монография вносит свою лепту в исследование природы русского романа, его жанрового многообразия, основных линий развития, а также культурно-исторической миссии.

Список источников

1. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский / В.Г. Андреева, А.В. Гулин, Н.Л. Ермолаева, С.К. Казакова, Ю.В. Лебедев, В.И. Мельник, Н.Г. Михновец; под науч. ред. В.Г. Андреевой. Кострома : Костромской гос. ун-т, 2022. 512 с. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022>

2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.

3. Большакова А.Ю. Архетип, миф и память литературы // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя. Астрахань : Астрахан. ун-т, 2010. С. 7–14.

4. Гриффитс Ф.Т., Рабинович С.Дж. Третий Рим. Эпос и роман. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 332 с.

References

1. Andreeva, V.G., Gulín, A.V., Ermolaeva, N.L., Kazakova, S.K., Lebedev, Iu.V., Melnik, V.I., Mikhnovets, N.G. (2022) *Fenomen epicheskogo romana v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka: I.A. Goncharov, I.S. Turgenyev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky* [The phenomenon of the Russian epic novel of the second half of the 19th century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenyev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky]. Kostroma: Kostroma State University. DOI: 10.34216/russian-epic-novel-2022

2. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

3. Bolshakova, A.Yu. (2010) Arkhetip, mif i pamyat' literatury [Archetype, myth and memory of literature]. In: *Arkhetipy, mifologemy, simvoly v khudozhestvennoy kartine mira pisatelya* [Archetypes, mythologemes, symbols in the writer's artistic worldview]. Astrakhan: Astrakhan State University.

4. Griffiths, F.T. & Rabinovich, S.J. (2005) *Tretiy Rim. Epos i roman* [Third Rome. The epic and novel]. Translated from English. St. Petersburg: Ivan Limbakh.

Информация об авторе:

Павлова И.Б. – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: antologia1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.B. Pavlova, Dr. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: antologia1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 17.10.2023*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 17.10.2023*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке. Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словами «Список источников» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);
 - автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
 - перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория/сектор, факультет/институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (название и номер по классификации ВАК);
- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке;
- 2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
- 3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2023. № 33

Редактор *Ю.П. Готфрид*
Редактор-переводчик *В.В. Капуст*
Оригинал-макет *А.И. Лелюгор*

Подписано в печать 30.11.2023 г. Дата выхода в свет 28.12.2023 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10,5; усл. печ. л. 9,7; уч.-изд. л. 19,2.

Тираж 50 экз. Заказ № 5646. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru